Нюсенька, любовь — это и есть наша с тобой жизнь, наша с тобой биография
ЛЕОНИД ФИЛАТОВ
История самой красивой и скандальной любви, начавшаяся в стенах той самой Таганки
Однажды я от кого-то услышала, как Золотухин в кругу наших актрис рассказывал о своих любовных приключениях...
НИНА ШАЦКАЯ
Биография любви
Единственным человеком, не пожелавшим прийти на похороны и не пустившим артистов, назначив им репетицию, был Ю. Любимов. Бог ему судья!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роман Нины Шацкой и Леонида Филатова начался в Театре на Таганке, когда она еще была замужем за Валерием Золотухиным.

Десять лет длился этот безумный роман. Десять лет они думали, что никто ничего не замечает. Дальше так продолжаться не могло. О такой любви, такой преданности мечтает каждый, испытать дано единицам. Они выстрадали свое счастье.

В книге использованы записки, телеграммы, письма Леонида Филатова, адресованные Нине Шацкой и написанные с 1972 по 1985 гг.

- Нина Шацкая
  - Предисловие
  - Вступление
  - Часть I НАЧАЛО
    - Глава 1 Первые встречи
    - Глава 2 Странный брак
    - Глава 3 Я — мама!
    - Глава 4 Крещенское гадание
    - Глава 5 Болезнь мамы и сына
    - Глава 6 Судьбоносный сон
    - Глава 7 Крещенское сбылось
    - Глава 8 Встречи у подруг
  - Часть II НЕ ВМЕСТЕ И НЕ ВРОЗЬ
    - Глава 1 Дневники (1973–1974)
    - Глава 2 Ссоры и примирения
    - Глава 3 Наш почтальон Маша
    - Глава 4 Я убегаю из дома
    - Глава 5 Письма и телеграммы, полученные мною от Лёни
    - Глава 6 Дневники (1980–1982 гг.)
  - Часть III ВМЕСТЕ
    - Глава 1 Письма Лёни из Колумбии (во время съемок к/ф «Избранные»)
    - Глава 2 Подарки
    - Глава 3 Ссоры в годы «притирки»
    - Глава 4 Отношение к сыну
    - Глава 5 Олечка
    - Глава 6 Лёня в гневе
    - Глава 7 Лёня сочиняет сказку
    - Глава 8 Константин Худяков в жизни Лёни

        - Глава 9 Киномания
        - Глава 1 ˚Суханово
        - Глава 11 История с маленькой пичугой по имени Галочка
        - Глава 12 Спектакль «Мастер и Маргарита»
        - Глава 13 Швейцария
    - Часть IV БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ ЛЁНИ
        - Глава 1 Трагедия в театре
        - Глава 2 Трагедия в стране
        - Глава 3 «Чтобы помнили»
        - Глава 4 Начало болезни
        - Глава 5 Встречи с М.С. Горбачевым
        - Глава 6 Последнее лето в Барвихе
        - Глава 7 Последнее счастливое лето и осень в жизни Лёни
        - Глава 9 Лёнины предчувствия
        - Глава 8 Прощание
    - Послесловие
    - Заключение
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24

- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68

- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87

Нина Шацкая
Биография любви. Леонид Филатов

Думай, думай, думай!
Не позволяй себе не думать!
Не смей остывать!
Я тут. Я всегда тут.

Предисловие

Себе, моим детям и детям моих детей

Представляю себя, если Богу будет угодно, эдакой седенькой старушонкой, достающей трясущимися ручками из укромного, только ей известного местечка, потрепанную от времени эту самую книжку.

Она удобно усаживается в старое кресло. Тишина. Никто и ничто не мешает, только мотылек одиноко бьется об оконное стекло. Будто лаская, она проводит ладонью по книге, вздыхая, открывает ее, и уже глаза бегут по этим строчкам. Слезы льются из подслеповатых глаз, потом голова запрокидывается на спинку кресла, книга остается лежать раскрытой на коленях, легкая улыбка полетела куда-то к звездам, и память следом за ней улетает в такое далекое и близкое прошлое.

И вот эта умилительная сценка подвигает меня на написание станущей когда-нибудь потрепанной книжки…

Я не слукавлю, говоря, что эта книга будет интересна только мне и, может быть, моим детям и детям моих детей.

Эта книга — своего рода хранилище, где собрано все самое для меня дорогое, и это прежде всего Лёнины записки, телеграммы, письма, адресованные мне и написанные с 1972 по 1985 год: в 1985 году мы с Леней наконец-то узаконили наш бесконечно-длинный, четырнадцатилетний, горько-счастливый Роман.

К сожалению, я вынуждена обнародовать свой дневник, — не по годам наивный, я бы даже сказала редкий по наивности, но, безусловно, честный, так как именно он объясняет появление Лёниных писем мне. Зачеркнутые строчки и вырванные страницы обнаруживают мою конспирацию на случай, если бы дневник вдруг попал в чужие руки. С 1975 по 1980 год я прекращаю его вести, стараясь через «не могу» освободить себя от Лёниной зависимости, но при этом оставаясь, и я это буду остро ощущать, на его крепком поводке. Поэтому встречи, несмотря на мои «уходы», продолжались. Считая себя свободной, совсем разорвать наши взаимоотношения мне было не под силу: Лёня держал меня мертвой хваткой. В 1980 году, за два года до того момента, как мы стали жить одной семьей, я снова открыла свой дневник

Дневник — это и есть та моя сумбурная, иллюзорно-реальная жизнь.

В книге мои воспоминания о некоторых эпизодах из нашей

жизни, немного о себе, чем и как я жила до того дня, когда увидела моего любимого, его последнее счастливое лето и осень, все, что относится к истории нашего Романа.

Обладая большим архивом, в следующей книге надеюсь опубликовать ту его часть, где будет звучать только Ленин голос, его размышления о нашем времени, о разных событиях в разные годы.

Не имея писательского опыта и дара, я все же решила написать книгу самостоятельно, отказавшись от редактуры, сохраняя таким образом ту нашу с Лёней ауру, то воздушное пространство, которое было только нашим.

Вступление

Лёня был сделан из чистого золота!..

С. Соловьев

— Нюська, ты меня любишь? — в который раз за день спрашивает Лёня, лежа в кровати и смотря что-то по телевизору.

— Да!

— А как?

— Очень!

— А за что? — дурашливо-озорно настаивает он.

В тон ему сыплю горохом:

— Ты — наше национальное достояние, гордость нации, за то, что не лебезишь ни перед какой властью, свою жизнь и поступки соразмеряешь с понятиями долга, чести, совести, достоинства (добираю воздух), ты в жизни ни разу не запятнал себя…

— Ну хватит, Нюська, не умничай, тебе это не идет.

Эту фразу он приклеивал по случаю любому из наших друзей.

А я, говоря все это, понимала, что это неполные слагаемые его незаурядной личности, что Леня — по-настоящему уникальное явление в нашей культуре и, бесспорно, уникальная личность.

«Лёня был сделан из чистого золота, я таких людей больше в своей жизни не встречал», — сказал о нем на похоронах режиссер С. Соловьев, работавший с ним на к/к «Избранные». Он действительно прожил достойную и опрятную жизнь, никогда не изменив своим нравственным идеалам, всегда оставался самим собой — чистым, светлым, цельным человеком.

Смешной эпизод. После очередного концерта в Израиле, после оглушительных оваций, к авансцене вышла прихрамывая довольно пожилая женщина с палочкой.

— Ша! — крикнула она, подняв палку, и волево заставила зал замолчать и потом, забавнокомично грассируя по-одесски, произнесла фразу, которая опять же была встречена ошеломляющими аплодисментами, овацией:

— Пока есть в Госсии такие люди, как Филатов, — Госсия жива! Уга!

Публика еще очень долго не могла угомониться, выражая с ней свою солидарность. И, как обычно, выстраивалась очередь за автографом. Получив его, люди говорили Лёне много хороших

слов, выражая ему свою любовь. И было много слез, ностальгии по России, люди не желали расходиться, толпясь и кучкуясь возле него! Одна из женщин, получив автограф, сказала с горечью: «Лёнечка! Как жаль, что Вы не наш!» А я думала: «Замечательные люди, умеющие чтить и гордиться своими героями, не дающие забывать о них, будь то на радио, на телевидении или на встречах со зрителями». Почему же у нас — на Руси — не так? — неохваченная тема для диссертации. Просто мне стало обидно, что в первый же год после ухода Лени из жизни никому не пришло в голову вспомнить о нем, — ни в день его рождения 24 декабря, ни 26 октября, когда он навсегда ушел от нас. Могли б, наверное, напомнить друзья. В одной из передач Познер перечислял ушедших из жизни замечательных актеров, — фамилию Филатов я не услышала. А не прошло и года…

Спасибо Володе Качану, который на встречах со зрителями говорит о своем товарище. «Володя, пожалуй, единственный мой друг», — так Леня думал и написал эти слова в предисловии к Володиной повести «Роковая Маруся». И за то, что ты всегда был рядом — тогда и сейчас, — спасибо. И, конечно, я благодарна судьбе, пославшей нам в критическое для Лениной жизни время двух людей — Леонида Ярмольника и Яна Геннадиевича Мойсюка,[1] без которых никакие мои усилия не продлили бы Лене жизнь на целых шесть лет.

А то, что не вспомнили, — это уже, думаю, издержки Лёниной скромности. Он не любил и не ходил на праздные тусовки, хотя, озабоченный очередной работой, не мог не понимать, что именно там налаживаются деловые связи, именно там он мог бы найти поддержку своим театральным и кинопроектам. Господи, сколько сил и здоровья было потрачено на поиски денег к его незавершенному фильму «Свобода или смерть». Первый спонсор (спонсорша) никак не могла понять, почему именно такие деньги (называлась сумма) нужны для картины, для съемок. Объяснения Лёни — зарплата артистам, пленка, костюмы… хорошим артистам — высокие гонорары — не давали никаких результатов. А бесконечные выяснения отношений, доводившие его до дичайшей гипертонии, приближали болезнь. А Лёне она вообще решила не платить денег ни как режиссеру-постановщику, ни как исполнителю главной роли в фильме, пообещав после премьеры подарить автомобиль «Москвич», уже стоявший у нее в гараже. Такие вот дела! А на что жить? Как работать? Дикость! В результате Лёня рвет контракт и опять — поиск денег. Съемки приостанавливаются, а артисты ждать не могут, у всех какие-то дела помимо съемок. Наконец его знакомят с неким дяденькой, который обещает доспонсировать

фильм. Обнадеженный, Лёня приезжает к нему в офис, и — вместо обещанных денег ему приходится в течение долгого времени слушать песенки Жана Тотляна, которого этот продюсер обожал. Я при этом не присутствовала, но так живо представила Лёнино недомогание и раздражение, которое он старательно прятал: нужно срочно продолжить съемки, — время уходит, артистов потом не соберешь. Жан поет, гипертония растет. Наконец Тотлян спел-таки свои песни, и Лёня слышит: денег пока нет — отданы на другую картину, — приходите в следующий раз. В следующий раз их также не было. Измученный вконец пустыми обещаниями, находясь в постоянном стрессовом состоянии, Лёня серьезно заболевает. Мои слова утешения не спасают положения. Видя его несчастным, хотелось завыть, безадресно заорать во все горло: «Суки! Суки вы бездушные!..»

А артисты ждали. О них-то Лёня думал в первую очередь. Он их любил, для них старался из спонсоров выбить как можно больше денег, отказываясь от них для себя, как это было на его первой картине «Сукины дети», кстати, отснятой в 24 дня с огромной массовкой. Вообще, к деньгам у него было странное для нашего времени отношение, т. е. никакого отношения. Он мог спокойно отказаться от них, даже если они были им заработаны тяжелым трудом. Мог, как говорится, ближнему отдать последнее, и это при том, что у нас никогда их не было в избытке, а иногда и попросту не было — жили в долг. «Нюська, да зачем они? Хватает на хлеб — зачем больше? С голоду не умрем», — говорил он. Я согласно кивала головой, правда, не совсем уверенная в его правоте. А однажды я все-таки ему ввернула: «Вот если бы у тебя были деньги, ты бы смог отснять свою картину». Лёня промолчал. А чего тут скажешь? Деньги презирал. Как-то раз, когда он был еще здоров, ему позвонил (концертный) администратор, сказав, что в Сибири (города не помню) очень его ждут всего на один концерт и обещают заплатить баснословную сумму, на которую «можно было бы купить даже хорошую машину» и не только. И — Лёня отказывается. Администраторы поражались: артисты жаждут приглашений, звонят, просят их, а он без конца отказывается, да еще от таких бешеных гонораров! И в ресторанах он мог расплатиться за весь большой стол, не дожидаясь, пока мужчины наконец-то найдут свои кошельки.

Ой! Не могу не рассказать один смешной случай, правда, смешным он кажется мне сейчас, а тогда было не до смеха. Однажды, после длительного перерыва, к нам в гости приехал один товарищ, к которому Лёня замечательно относился. Обнялись, расцеловались. Не давая нам опомниться, бегло рассказав, где он был и где заработал «кучу денег» (хвастливо

показал эту «кучу», — такое я видела только в кино), он приглашает нас в ресторан: «Айда в ресторан! Гуляем, ребята, — я приглашаю!» А чего не пойти, когда тебя приглашает твой хороший приятель, да еще с «кучей», да еще столько надо рассказать друг другу, — давно не виделись, а историй всяких накопилось множество. Наскоро приведя себя в порядок, поехали в кафушку, что недалеко от Театра на Таганке, где мы с Лёней тогда работали.

Пришли, сели за отдельный столик. Настроение — праздник! Хозяин и девочки-официантки здороваются: нас тут знают и узнают нашего гостя, стесняясь, тоже здороваются и дают в красивой корочке меню. Наш гость, быстро изучив его, начинает заказывать для себя и для нас. Имея в виду его приглашение и его кошель, я все-таки напоминаю, что здесь дорогие цены, и не нужно заказывать красную, тем более черную икру, и ни к чему семга с осетриной. Друг гулял! И назаказывал такое изобилие всего, что, казалось, оставит здесь все свои заработанные деньги. Нам накрыли красивый стол. Какие краски! — от разноцветной зелени, от фруктов — красное, зеленое, желтое, черное — восторг! Пили и ели красиво и много. И много говорили, перебивая друг друга. Вино горячило и веселило. Только часа через три или, может быть, четыре, стали, отяжелевшие и уставшие от праздника жизни, собираться домой. Наш гость встал, а мы остались сидеть за столом, ожидая, пока он расплатится. Но то ли он дорогу перепутал, то ли еще что, но пошел он по дороге к раздевалке. Недоумения — несколько секунд, и Лёня быстро идет к стойке и записывает в долговую книгу сумму долга на свою фамилию. Потом еще долго мой любимый отрабатывал эти деньги. Смешно? Но зато — ах, как хорошо нам было тем вечером!

Я всегда считала, что счастье — сиюминутное ощущение, но жизнь с Лёней показала, что счастье может быть на годы, длительным, на уровне Души, — оно не выпячивается, оно где-то глубоко, но оно и есть — счастье! И поэтому все эти последние 10 лет, казалось бы, тяжелые, были для меня, как это ни странно прозвучит, — счастливыми: со мной был рядом любимый, самый дорогой человек на свете.

И он, несмотря на болезнь, работал, работал много, не щадя своих сил, сжигая себя без остатка, потому что хотел много успеть, переживая, что сил и здоровья совсем не остается. И все-таки за время болезни он написал несколько роскошных пьес, которые в свое время непременно увидят свет на театральных подмостках, — я в этом нисколько не сомневаюсь. В одной из телевизионных передач Володя Машков обещал, что обязательно

поставит спектакль по Лёниной пьесе. Володя, если тебя не запросит Голливуд, пожалуйста, сделай спектакль. Лёня так этого хотел и так ждал!

Я много думала, как бы одним словом определить человеческую суть Лёни, то основное, что, как мощным магнитом, притягивало к нему людей. И, мне кажется, я нашла это слово, — пронзительность, пронзительность во всем, к чему бы он ни прикасался, в любой работе он достигал высшей планки.

«Виртуозный, тонкий мастер в своей актерской профессии, он мог сыграть любую роль, все ему было под силу», — так о нем писали. Его стихи, пьесы, пародии, переводы — образец прекрасного русского слова. Автор остроумных пародий, он на конкурсе эстрады получает первую премию. Правда, за ночь под давлением цехового начальства жюри перерешило и отдали первую премию, по-моему, Л. Полищук, а вторую разделили между Филатовым и Винокуром. «Что же это у вас получается? На конкурсе артистов эстрады первую премию получает не эстрадный, а драматический артист?!» — гневалось начальство.

Его перевод стихотворения «Очень больно» венгерского поэта Аттиллы Йожефа на родине поэта признали самым лучшим переводом.

Даже его первый фильм «Сукины дети», его режиссерский дебют в кино, на XVII Международном кинофестивале ровно половину срока держал первую строчку, а в конце фильму присудили приз зрительских симпатий. И примечательно то, я повторяюсь, что фильм с его многочисленными массовыми сценами был отснят за 24 дня. А какая дивная атмосфера была на площадке! Актеры не убегали, как это обычно бывает после съемок, по своим делам, а многие приходили даже тогда, когда у них не было в этот день съемок. Курили как оголтелые, но подаренная в первые дни одной из актрис роза в последний день была так же хороша и свежа, как будто ее только что срезали. На площадке царила Любовь. И «виной» всему этому была, конечно же, притягательная Лёнина сила. Его любили, все находились под обаянием его страстной эмоциональной натуры, которая оставалась неизменной даже тогда, когда он стал по-настоящему «звездой», влюбив в себя, казалось, все женское население страны. Популярность — медные трубы — его нисколько не изменила, и всегда и везде он оставался Мужчиной, которых — увы! — на сегодняшний день большой недород, дефицит. Он был любим женщинами и признан ими как уникальная мужская личность. Из всего мужского состава Театра на Таганке я видела только двух Мужчин, Мужчин с большой буквы — Филатова и Высоцкого. Это я так — кстати. Лёню любили не только женщины, его любили и к

нему тянулись мужчины. Он, как мудрейший восточный старец, все понимал про нашу горестно-нелегкую жизнь и на любой вопрос мог дать точный ответ. Любое проявление несправедливости вызывало у него болезненную реакцию, он страдал, и я много раз видела, как у него наворачивались слезы, когда он сопереживал чужому горю, чужой беде и приходил в отчаяние от понимания, что изменить ничего невозможно. В такие моменты он мог быть едким, злым, но очень точным, пронзительно точным в характеристике того или иного явления, мог припечатать и дать такую убийственно точную оценку, мягко скажем, несимпатичному ему человеку, что становилось страшно.

Владимир Качан: «Температура его любви или ненависти всегда была очень высока. Если ненавидел, то даже как бы вскользь брошенная метафора, к тому же окрашенная фирменным филатовским ядом, могла человека попросту уничтожить, потому что он бил именно в то место, которое человек пытался скрыть или приукрасить.

О, этот яд производства Филатова! Кобра может отдыхать, ей там делать нечего. Поэтому собеседники, начальники и даже товарищи чувствовали некоторое напряжение, общаясь с ним. И даже хлопая по плечу, побаивались и уважали. Уважение было доминирующей чертой всех последних праздников в его честь. Государственная премия, или юбилей в театре, или премия „ТЭФИ“ — все вставали. Весь зал!»

Он притягивал к себе людей, ему доверяли, он был как бы камертоном, по которому проверялась нравственная оценка тех или иных действий и поступков. Он любил людей, болел за них, и они ответили ему взаимностью: на похороны пришло огромное количество людей, пожелавших с ним проститься! Хоронили с воинскими почестями.

«Такого количества людей мы не видели давно, — пожалуй, только когда хоронили Шукшина, но и тогда народу было меньше», — говорили кладбищенские люди. Случай с В. Высоцким, конечно же, был особым случаем. Единственным человеком, не пожелавшим прийти на похороны и не пустивший артистов, назначив им репетицию, был Ю. Любимов. Бог ему судья! Кто-то все-таки пришел, наплевав на его негласный запрет.

Часть I НАЧАЛО

Глава 1 Первые встречи

«Кто это?» — «Филатов из „Щуки“»

1970 год

Пытаюсь вспомнить первую встречу с Лёней в театре, тот день, когда мои глаза из всех новых артистов, пришедших в театр, выхватили одного-единственного… Не вспомнить… Помню мгновения.

Второй этаж. Длинный коридор, ведущий в большую гримерную, по-моему, мужскую.

Я только что вышла из декретного отпуска: родился сын Денис. Счастливое чувство обновления, глаза горят, ходишь как летаешь, и, кажется, весь мир счастлив вместе с тобой. И неважно, что ты еще не сыграла «своих» ролей в театре, но самая важная роль, лучшая, сыграна блестяще: родился мальчик — 4 килограмма 50 граммов, рост 53 сантиметра. На третий день в палату принесли замечательного, красивого мальчугана — не сморщенное, гладкое личико, цвета персика, и длинные черные волосы. А уж когда при кормлении маленький вдруг улыбнулся, как будто его пощекотали, я в тишине так громко отреагировала, что тут же от сестры получила взбучку.

Я была счастлива и, переполненная через край этими ощущениями, пришла в театр. Ах, как я несла себя в театр! А в коридоре бегали туда-сюда коллеги, может быть, дали перерыв. Хором все схватили сигареты. Счастливое кучкование артистов, сплетение интересов… Незлобивое «разбирание по косточкам», споры… Где-то в углу азартные шахматисты доигрывали партию, начатую до репетиции. Что-то меня потащило в эту гримерную. Вдруг вижу: навстречу мне быстрым шагом (почти летит) идет артист из новых. Глаза — быстрые, пронзительные, цепкие — на мгновение остановились на мне, остановились на мгновение, но ровно настолько, чтобы оставить след, поселивший уже тогда неясную во мне тревогу. Конечно же, через пару секунд я забуду это ощущение, но бдительное подсознание услужливо его запомнит, чтоб в нужный день и час напомнить. Первый вопрос, который я задала кому-то в гримерной: «Кто это?» — «Филатов Лёня из „Щуки“», — ответили мне.

Еще. Первый этаж. Женя Шумский[2] с Лёней сидят в

гримерной на диване, я почему-то перед ними. Чего я там делала и почему стояла лицом к ним, — не знаю. Слышу шепот Лёни: «Сколько ей лет?» Шумский также шепотом: «Тридцать и она замужем». Лёня: «Кто?» Шумский ответил. Позднее Лёня скажет: «Какой нелепый брак!» А через некоторое время я отвечу эхом в отношении его брака.

В верхнем фойе театра, которое перед вечерними спектаклями превращается в буфет, идет читка новой пьесы. Столы сдвинуты буквой «П». Я, как всегда, не читаю (это отдельная история). Взъерошенная комплексами и ненужными вопросами, нервно скучаю. Глаза как-то въедливо изучают причудливую трещинку на спинке впереди стоящего стула. На душе — противно: почему эту роль не дали мне? Она же в десятку моя! Надоедливое «почему». Устало перевожу взгляд на сидящих напротив. Не вижу лиц, вижу чьи-то дивные кисти рук с прекрасными тонкими длинными пальцами, Они завораживали. Ни у кого потом я больше не видела таких красивых рук. Это были руки «Лёни Филатова из „Щуки“».

Очень скоро мы стали здороваться, однако общение ограничивалось короткими, как будто незначительными фразами. Но в какой-то день Лёня вдруг неожиданно просит прочитать его переводы: «Я бы хотел, чтобы ты это прочитала и сказала свое мнение. Это написано, когда мне было девятнадцать».

Дома — никого. Я одна. Чуть-чуть участилось дыхание… читаю… переворачиваю странички. Не особенно любя стихи, читая, я испытывала удовольствие, с каждой строчкой понимая, какие это прекрасные переводы, написанные блестящим, легким профессиональным пером. Прекрасные переводы, как все, за что бы ни брался впоследствии Лёня. Назавтра, передавая их ему, обнаруживаю свои восторги. Лёня, вижу, счастлив, но сдержанно выражает свои чувства. Думаю, ему, конечно же, было важно мое мнение, но еще важнее было через эту уловку поймать меня на крючок Поймал-таки. Один шаг друг к другу, хотя я еще соблюдала дистанцию.

Замечаю, Лёня ищет встречи со мной. На ходу какие-то вопросы, сообщения, казалось, незначительные, но глаза его уже говорили о том важном, которое в дальнейшем станет основой нашей жизни.

«Любовь — это наша с тобой жизнь, наша с тобой биография», — напишет он потом в письме ко мне.

Перерыв на час между репетициями. С девочками толпимся у зеркала. Первый этаж, здесь же выход из театра. Подходит Лёня и

шепотом приглашает меня в кафушку — рядом с театром, но не в «Гробики», как мы, актеры, окрестили кафе на Верхней Радищевской, потому что ранее в помещении этого заведения продавались похоронные принадлежности, а в кафе, которое находилось в самом начале Больших Каменщиков — в подвале небольшого дома. К сожалению, теперь нет ни дома, ни кафе. «Выпьем по чашке кофе», — уточнил Лёня. Я согласилась, хотя приглашение показалось мне странным. Идем. Вроде бы ничего особенного, но ощущение необычное, уже какой-то тайны, — наша судьба делала свои первые шаги.

Вот и кафе. Спускаемся по лестнице вниз. Столик на двоих. Садимся. Высокое окошко от меня слева. Лёня — напротив. Смотрим друг на друга, улыбаемся, робость у обоих. Неловкость от того, что не сразу начинаем разговаривать. О чем? И почему мы здесь? Это первый наш «выход в свет». Положение спасает официантка (или официант?), которая берет у нас заказ. «Кофе», — как-то слишком живо, почти выкрикиваем мы в один голос. Это нас развеселило, и обстановка немного разрядилась.

— Хочешь, я почитаю тебе стихи? Свои.

— Давай, — улыбаюсь я.

Лёня начинает читать. Одно, второе, третье стихотворение. Глаза в глаза. Завоевывая меня, они спрашивали и ждали ответа. А я, слушая, не могла отвязаться от своего вопроса: «Не может быть, неужели? Что это?» — до конца не понимая, что мои ощущения и вопросы имеют в виду.

Остывал кофе, Лёня читал, я слушала, больше прислушиваясь к своей внутренней бурлящей жизни, где вопросы и ответы, кувыркаясь и наталкиваясь друг на друга, переворачиваясь, как в невесомости, никак не могли выстроиться в один вопрос и обязательный на него ответ. Лёня выжидательно смотрит на меня: то, что хотел, он мне уже прочитал.

— Замечательные стихи, — как после спячки, встряхиваюсь я. Еще два-три незатейливых вопроса — где, когда они были написаны, Лёнины рассказы о своих друзьях-товарищах в городе Ашхабаде, где он, оказывается, вырос и где он начал печататься — в газете «Комсомолец Туркменистана». Стало вдруг по-родному тепло и уютно. Моя каждодневная вздрюченность куда-то испарилась, и с моим визави сейчас сидела вполне интеллигентная дама с плавными движениями рук и мягкой, нежной улыбкой. До начала репетиции оставалось несколько минут, нужно было торопиться. Быстро расплатившись с официанткой, вышли на улицу. Идем. И опять откуда-то вынырнула неловкость, зыбкое ощущение связавшей нас тайны. За углом дома, где не проглядывались ничьи лица, Лёня

остановился и попросил меня подойти к нему. Я приблизилась, и мы, как школьники, стесняясь, поцеловались. Вопрос получил ответ.

Молча потопали в театр. Да нет, конечно же, говорили, вот только о чем — не помню. Помню, что меня не покидало чувство недозволенности, что я совершаю что-то греховное, и я струсила. Войдя в театр, шепотом произнесла: «Извини, Лёнечка, я к тебе хорошо отношусь, но не больше». Сейчас смешно: странное заявление, ничего умнее не придумала, как будто от меня что-то требовали сверх того.

После этого эпизода прошло больше года, в течение этого времени мы не общались, оставляя за собой право только на приветствие.

«Лёнечка, родной мой, какое же это было счастье — там, в кафе. Наше первое свидание… Уже тогда ты был родным, моим… А я испугалась напора, нахрапа. А может быть, и не во мне было дело, а Судьба, оттягивая наш будущий союз, постепенно готовила нас друг для друга».

Очень важно рассказать про мою тогдашнюю жизнь, какой меня увидел Лёня в первый раз, что я собой представляла в период нашего знакомства, почему мы так долго, невыносимо долго шли друг к другу. 12 лет. Любовь… страсть… ссоры… расставания с параллельным пониманием обоих о невозможности жить друг без друга… и опять ссоры и примирения… и так до 1982 года, тяжкие 12 лет.

Глава 2 Странный брак

Мама, увидев заявленного мужа,
заплакала,

да так горько…

1963 год

Я закончила ГИТИС с дипломом актрисы музыкальной комедии. И в этом же году был зарегистрирован наш странный брак с В. Золотухиным, странный потому, что все пять учебных лет я его в упор не видела, не замечала, учась на одном курсе. Слишком разные мы были. В отличие от Валерия я не любила общаться с каким бы то ни было начальством, видя в их лице угрозу моей независимости, моей свободе, старалась избегать всяческих общественных нагрузок. Я не знала в институте педагогов по истмату, диамату, политэкономии, читающих нам лекции по утрам. Скучища! А на дворе весна, солнце, тают сосульки, образуя солнечные лужицы и ручейки, а в скверике, что напротив кинотеатра повторного фильма, сидят и жмурятся благообразные старички и старушки, и мы — я со своей верной подругой Галкой[3] — втискиваемся между ними, и нам хорошо, и мы о чем-то говорим, мечтаем; или, если позволяло время, шли в кино, или просто гуляли по переулкам. И разве можно променять прелесть этих прогулок на скукоту истматов и прочих матов. В результате зачеты по этим предметам для меня превращались в экзамены.

— Вы с какого курса? — спрашивал меня педагог.

— С этого.

— А почему я вас не знаю?

— Не знаю.

Все-таки добавлялись неуклюжие объяснения и извинения, после которых обиженный педагог вещал:

— Значит так: через две недели зачет, а вы, моя дорогая, перед зачетом зайдете ко мне на коллоквиум, буду вас гонять по всему курсу.

И меня гоняли. А получала я все равно отличные оценки, зарабатывая повышенные стипендии. Наверное, я была ленива, в отличие от трудоголика Золотухина, который при всем том был еще и каким-то секретарем комсомольской организации — не то факультета, не то курса. В общем, далека я была от всего этого.

Но брак был заключен. «Инициатива исходила от тебя», — сказала мне позже подруга Галка. Наверное, раз произошло — значит, муж. Привела домой, сказав: «Мама, это мой муж». Мама, увидев заявленного мужа, заплакала, да так горько! Предчувствие ее не обмануло. Она видела других соискателей руки и сердца ее дочери, а сейчас перед ней стоял небольшого роста неказистый человек в изношенном зимнем пальтишке, на голове у которого красовалась, будто изъеденная молью, шапка-ушанка ушками вниз. Она была в ужасе. А незнакомый ей человек развернулся и быстро ускакал за водкой. И стали они жить-поживать и добра не наживать.

В этом же 1963 году я показывалась в Театре Моссовета с отрывком из Софроновской пьесы «Обручальное кольцо». Спектакль по этой пьесе шел в этом театре, и Валерий играл в нем небольшую роль. Показалась — не взяли.

Год простоя, год бессмысленного ожидания чего-то.

Вдруг в один из осенних дней прозвучал тревожный телефонный звонок. Звонил директор театра Сосин, который умолял меня сыграть главную роль в этом спектакле.

— У нас ЧП — не может вылететь из другого города актриса, исполнительница главной роли, а отменить спектакль никак нельзя. Прошу вас, не отказывайтесь, — умоляла трубка.

17.00 часов. В 20.00 — начало спектакля. Роли не знаю, спектакль видела два раза год назад. Мне вдруг стало нехорошо где-то там, под ложечкой, затошнило. Придя в сомнамбулическое состояние, не понимая толком — зачем, для чего и чем все это может для меня обернуться, если я соглашусь, не заметила, как произнесла: «Да, хорошо… еду». До сих пор, когда вспоминаю, для меня остается загадкой, откуда взялась отвага? Очень медленно, на ватных ногах доплелась до книжной полки, где, возможно, могли сохраниться старые листочки с текстом единственной, безуспешно показанной сцены. Минут 20 я еще пребывала в неестественной для ситуации прострации. И вдруг, словно какой-то рубильник включил все лампочки организма: прочистились и заработали мозги, враз проснулись все чувства, обозначив два основных — чувство тревоги и азарта, забегали ноги. На улице — сильный дождь. Останавливаю такси. В 18.30 — я в театре с мокрыми от дождя волосами, всклокоченная и внешне, и изнутри. Вокруг суетятся гримеры, костюмеры, артисты. Уши слышали быстрые тексты первого действия. Потом — бегом на сцену, где мне показали поставленный танец. Запомнить все было невозможно, и в спектакле я лихо отчебучивала что-то свое. Золотухин перед спектаклем, придя

откуда-то в театр и увидев меня, находился, как говорили, в полуобморочном состоянии. А спектакль прошел прекрасно и был принят зрителями даже лучше, чем когда-либо: постановка старая, и артисты, уставшие ее играть, вдруг ожили, — все были на стреме, готовые прийти мне на помощь, если я вдруг забуду текст, появилась хорошая (едва ли) энергетика, которая не могла не зацепить зрителя. Спектакль прошел пусть нервно, но именно это придало ему свежести. Через несколько дней я получила конвертик с благодарственной бумажкой от дирекции театра. И снова я уселась дома, и вновь потекли безотрадные, бессмысленные дни.

«Ребята, потрясающий театр! Идите и показывайтесь в театр к Любимову. Вы видели „Доброго человека из Сезуана“? Только туда», — встретил как-то нас на улице Р. Джабраилов,[4] и эти его слова определили нашу творческую судьбу. Не раздумывая долго, пришли к Любимову, скрывая, что мы муж и жена, показали «всухомятку» (без концертмейстера) отрывок из оперетты и что-то еще и, счастливые, вернулись домой: мы были приняты в труппу знаменитого театра с уже нашумевшим спектаклем «Добрый человек из Сезуана». В театре уже шли репетиции «Героя нашего времени». Все роли уже были распределены, не было только актера на роль Грушницкого. Валерий вовремя подоспел. Меня же ввели в старый спектакль «Ох, уж эти призраки» Эдуардо де Фелиппо на главную роль. То есть к этому моменту я была счастлива абсолютно. В свои двадцать четыре года я воспринимала жизнь как чудесный подарок, мне данный свыше, и, переполненная через край этой радостью, я как бы одаривала собой мир — беззаботно, легко, весело. Я задыхалась от счастья. Где бы я ни появлялась, все приводилось в движение. Хотелось много-много общаться и, конечно, с шампанским, а потом, очертя голову, нестись в головокружительное «никуда», которое, конечно же, имело адрес моих подруг Елены Виноградовой и позднее — Татьяны Горбуновой. Не обремененная никакими заботами — ребенка еще не было, — я порхала, скользила по жизни. Только дома, оставшись наедине с собой, я успокаивалась, возвращая себя настоящую — себе. Книги, музыка, размышления о жизни… они превращали меня совсем в другого человека, как бы выворачивая наизнанку. Тогда возникало много вопросов про жизнь, про взаимоотношения между людьми, про себя. Меня охватывало абстрактное, но очень сильное желание, подпитанное звучащей Пиаф, сделать что-то хорошее, нужное, быть кому-то полезной, и, казалось, мир перевернется, если я не утолю это желание. Музыка вытаскивала наружу самое лучшее, что было во

мне заложено. Кончалось обычно тем, что приходил Золотухин, и мы летели в какую-нибудь его компанию с обязательной пьянкой.

Точно не помню, но это было в первые годы работы в театре. Он в помещении нашего театра что-то репетировал с одной, в то время знаменитой, актрисой другого театра. Уже тогда он вел свой дневник, начиняя его своими страстями, страхами, переживаниями. До некоторых пор мне позволялось его читать, и в один из дней в дневнике появилась запись, где он сравнивал ее со мной, и мучительно решался вопрос, кто лучше — она или я. В результате я одерживала победу: «все-таки Шацкая лучше». Он был у нее дома, почему-то жалел ее ребенка, и по тому, как это излагалось, я поняла, что между ними были определенные отношения, какие могут быть между мужчиной и женщиной. Я будто очнулась и стала хоть что-то понимать про жизнь с ее кошмарными перевертышами, и неожиданно было сделано открытие: верность — не панацея для сохранения брака, а, может быть, даже и наоборот. Меня еще долго не оставляло чувство омерзения и брезгливости, и уже никогда я не смогла простить ему этого первого предательства, которых было еще очень много и потом, но, переболев, мне было уже все равно, и я отпустила человека в «свободное плавание». А внешне для всех мы продолжали жить как всегда: ходили в гости, принимали друзей у себя дома, только у меня немного поубавилось радости, и, к сожалению, появилось раздражение, и не давал покоя неотвязный вопрос: как мог этот человек очутиться рядом со мной, какую злую шутку сыграла со мной Судьба? А в 1968 году, находясь в гостях у Володи Высоцкого и Марины,[5] после очередной ссоры я сказала, что не люблю его, то есть вслух высказала то, чем жила последнее время. А любила ли я вообще? И что я тогда понимала про любовь? Вся забота о нем исходила от моей труженицы-мамы, которая делала все для поддержания дома и семейного покоя. Страдая в одиночестве, на людях я не позволяла себе распускаться и только моим подругам по театру Тане Жуковой и Маше Полицеймако несла свои переживания. Однажды я от кого-то услышала, как Золотухин в кругу наших актрис рассказывал о своих любовных приключениях, как «приезжал в аэропорт, оставлял там машину, летел в Ленинград к своей любовнице, как ее (здесь нецензурный глагол), после чего летел обратно в Москву — домой».

Жизнь превращалась в кошмар. Я видела, как он суетится, боясь молодых артистов, которые ему «наступают на пятки», как кого-то хочет «переплюнуть».

Однажды нас пригласил в гости к французскому журналисту Максу Леону Анхель Гутьеррес, наш друг, педагог по мастерству в

ГИТИСе.

Были приглашены и Володя Высоцкий с Мариной. Мне ехать не хотелось: была беременна (Золотухин еще этого не знал) и чувствовала себя неважно. Кое-как взяла себя в руки, — поехали.

У Макса уже были какие-то его друзья. Позднее появились Володя с Мариной. Марина была очаровательна, красиво уселась с ногами на диван, Володя с гитарой — на полу перед ней. Он нежно смотрит на Марину, окутывая ее любовным облаком. Оба купаются в счастье. Володя запел, — одна песня, другая, третья — он был в ударе, влюбляя в себя уже давно влюбленную в него Марину. Было приятно за ними наблюдать. Но что сделалось с моим мужем, который вдруг стал соревноваться с Володей, перекрикивая его своими песнями, красоваться перед Мариной, куря, как сигареты, одну сигару за другой, принимая, как ему, наверное, казалось, привлекательные позы. Сигара держалась в растопыренных пальцах, и для пущей важности был поднят подбородок. Ну, чем хуже Высоцкого? Чем не жених? Хотелось сказать: «Будь поскромнее, Валерий: это не твоя территория». А я смотрела и думала: за что мне «это»? Раздражение усиливалось еще и оттого, что физически мне было очень плохо. Кое-как увела обкуренного мужа домой. После этой вечеринки я почти перестала ходить с ним вместе в какие-либо его компании.

Сейчас я понимаю, что Судьбе нужно было прополоскать меня во всем этом, чтоб я узнала цену настоящему чувству, имя которому — Любовь. И еще я думаю, ей нужно было, чтобы родился сын Денис, после чего она спокойно умыла руки, закрыв тему Золотухин-Шацкая.

Глава 3 Я — мама!

В моем мире было два человека
— я и мой сын

1970 год

Я с головой погружена в домашние заботы. Дениске 6 июня исполнился 1 год. Я радовалась своему новому качеству. Я — мама! В моем мире было 2 человека — я и мой сын, — больше ни о ком и ни о чем я не хотела думать. Спасибо моей маме, Матрене Кузьминичне, которая всегда была рядом, и, конечно, огромная помощь была от нее, а впоследствии и вся нагрузка легла на ее плечи. Я продолжала работать в театре, т. е. утром — репетиции, вечером — спектакли. В свободные дни у нас дома собирались друзья, знакомые и, конечно, пили, пили много за здоровье очаровательного ребенка. И насколько я помню, у нас никогда не было приличной еды, а вот что касается выпивки — это хоть залейся: каждый из приходящих считал своим долгом принести бутылку, чтобы поднять тост за маленького. Однажды каким-то образом вместо воды по ошибке дали ребенку что-то из крепких напитков. Ошибку поняли только тогда, когда сын своими маленькими ручонками, одурманенный, стал истерически раскачивать и громить свою кроватку. Было страшно и смешно. Еле угомонили ребенка. Кстати, Денис совершенно не воспринимал колыбельную, она его даже каким-то образом раздражала, а засыпал — причем очень быстро, под Баха в моем вокальном исполнении.

К чему эта информация? — не знаю… Хотя, нет, знаю… Денечка в три или в четыре месяца вдруг стал по ночам плакать, и для меня наступили бессонные ночи. Мамы, у которых были подобные ситуации, знают, как страшно не спать много ночей подряд… Я не понимала, в чем дело: с ребенком вроде бы было все в порядке, а ночь превращалась в бесконечный кошмар. Мои «колыбельные внушения» о том, что рыбки и зайки должны ночью спать, маленького не убеждали, а уж когда он слышал «спи и ты, малышка», начинался настоящий рев. Однажды в отчаянии, понимая, что и это также не поможет, больше, кажется, для себя, вполголоса под «шабадабада», уже не глядя на маленького, которого нервно раскачивала из стороны в сторону, быстро стала напевать какую-то мелодию из Баха. И, как ни странно, услышала сопение. Какое счастье! малыш спал. Мое посещение врача

закончилось его простым объяснением: «Ребенку не хватает молока. Грудь большая, а молока мало. Ребенок плачет, потому что он у вас постоянно голодный». Спасибо моей подруге Татьяне, которая из Швейцарии стала присылать нам большие банки с сухим молоком, подарив тем самым малышу и всем нам спокойные ночи.

Глава 4 Крещенское гадание

Я жила и ждала…

1971 год

Январь. Театр отдыхает от спектаклей. У нас, у артистов, елки — чудесные превращения в Дедов Морозов, Снегурочек, зайчиков и белочек А я еду в Рузу, в актерский дом отдыха. Выдалась чудесная зима с морозцем и солнцем. Серьезно укутавшись, в валенках ходим с Т. Д.[6] по малому и большому кругу, дорожкам в лесу, наслаждаясь красотой берендеевского леса, бриллиантовым сверканием пушистого снега под редкими фонарями. Но вот мороз схватил нас за нос, и мы спешим в уютное, теплое «злачное» место под названием «Уголек», где уже полно людей, которых можно только угадывать через накуренное облако. Но вот и нам повезло, и мы за столом, и у нас на столе — шампанское, которое весело нам развязывает языки, и, окружая себя нашим собственным облаком, утопаем в разговорах о том о сем, и даже не важно — о чем: нам сказочно хорошо, и день — позади.

19 января. Крещение

Я живу в комнате с Изольдой Фроловой.[7] Еще днем мы решили, что будем ночью гадать. День и вечер пролетели быстро, наступила полночь. Решили жечь бумагу и, сожженную, с помощью свечи проецировать ее на стенку. Искали, на чем бы можно было жечь бумагу, нашли тарелку. Сейчас уже не вспомнить, как выглядела наша с Изой комнатка, но, как ни странно, отчетливо, почти физически помню свои тогдашние ночные ощущения. Было жуть как страшно. Исчезли всяческие заоконные звуки, и в вакуумной тишине горящие свечи приводили в движение многочисленные тени от предметов… Тени прыгали, вздрагивали, жили своим каким-то жутким образом, а свечи, треща и плюясь, озвучивали их неприятным зловещим шипением, отчего становилось особенно жутко. От любого неожиданного звука — не дай бог! — сердце, казалось, могло остановиться. Мы почти не говорили друг с другом, а если говорили, то только шепотом. Первая гадала Изольда. Положила на тарелку скомканную бумагу и подожгла. Огонь вспыхнул не

сразу, но потом так разгорелся, что мы перепугались, — как бы не дошло до пожара, но он вдруг быстро погас, оставив после себя комок серого пепла. Иза стала крутить тарелку. И как она ее ни крутила, на стене исчезал и появлялся огромный белый пароход (тогда он почему-то нам казался белым). Иза, увидев пароход, радостно связала его с каким-то своим театральным проектом, — что-то у нее совпадало. Корабль на стене Изу окрылил и вселил какую-то надежду. Настала моя очередь. Мну уже приготовленную бумагу, поджигаю. Замечательно горит бумага, но — сколько дыма, чада! Уже не до теней, не до страха: вся — внимание. Поворачиваю тарелку, вдруг Иза шепотом: «Смотри, — лицо!.. Господи! — с рогами!.. Ой, и с бородой!» И я действительно вижу отчетливо лицо — удлиненное, эль-грековское, с глазами, горбатым носом, ртом, с козлиной бородой и рогами. Все, что угодно, ожидала, но не этот «подарок». И что — «это»? Иза: «Нин, это не козел: лицо-то человеческое. Только почему — рога?» Я: «Может быть, это — бес? И меня кто-нибудь будет пытаться соблазнить?» Развеселились.

Иза: «Крути дальше. Посмотрим, во что это лицо выльется». Я осторожно поворачиваю тарелку. Постепенно — слава богу! — отвалились рога, за ними борода, и лицо превратилось в лающую собаку, потом в свернутого клубочком щенка. Собака — это друг. Сообщаю Изе догадку: кто-то меня соблазнит, но потом превратится в друга. Поворачиваю тарелку, и также отчетливо появилась рука, т. е. кулак с поднятым вверх большим пальцем. Сюжет завершился: соблазнитель превратился в друга, что для меня будет очень даже здорово. Немного повеселились уже при свете и вскоре улеглись спать, — Иза со своим пароходом, а я с ощущением, что жизнь мне еще преподнесет сюрпризы и что у меня скоро что-то случится в жизни, и с этим чувством я счастливо заснула. Теперь все последующие дни, месяцы я буду помнить о гадании. Я жила и ждала.

Глава 5 Болезнь мамы и сына

«И начался мой марафон на длинную дистанцию…»

Весной 1971 года заболевает моя мама. Простуда. Жуткий кашель. Врачи прослушивают, изучают анализы, выписывают, как им кажется, нужные лекарства и на вполне ясный вопрос — что с мамой? — отвечают как-то невнятно, вроде бы не понимают, чем она больна.

Но мама кашляет, и, пока мы с Золотухиным на репетиции в театре, ребенок — с ней.

— Не опасно общение ребенка с мамой? — спрашиваю врачей.

— Нет, ничего страшного, контакт не опасен.

Через несколько дней с ужасом узнаю первую в жизни страшную новость: у мамы — рак.

Кто столкнулся с этим диагнозом у своих близких, знает, как вдруг уходит земля из-под ног, и ты летишь в бездну, за секунду седеет голова. Естественно, скрыв от мамы это страшное известие, с горем пополам уговариваю ее лечь в онкоцентр под предлогом, что она будет там лежать как «блатная», т. е. по блату, и что там самые лучшие в Москве врачи, которые вылечат ее пневмонию.

И начался мой марафон на длинную дистанцию. Утром с обязательной печенкой и натертой на терке морковью я бежала к маме, весело входила в палату, успокаивая ее встревоженность и опять напоминая, что она тут лежит не по праву и что здесь она скорее всего поправится — веселый треп с кормлением и рассказами о ее любимом внуке Дениске, о котором она больше всего тосковала.

В один из дней я вхожу в палату и вижу ее глаза, в которых стоял страх. Она показывает мне свои желтые руки и что-то говорит уже осипшим голосом, как будто метастазы пошли в горло. «Нинуська, у меня…» Я не даю ей сказать страшное слово и, запихивая свой ужас куда-то глубоко в себя, лучезарно улыбаясь, начинаю ее высмеивать: «Мамуленька, твои желтые руки — от моей моркови, а осипла — потому что лежишь под открытой форточкой, — посмотрела бы ты сейчас на себя, какая ты смешная…»

Быстро подхожу к ней, обнимаю, целую, продолжая над ней смеяться. И как ни странно, мама вроде успокоилась.

Через какое-то время я прощалась с ней, а на первом этаже

мне становилось плохо, душили слезы. Придя в театр, я снова заставляла себя улыбаться, и никто не знал, чего это мне стоило.

Через несколько дней меня вызывают в больничную ординаторскую:

— Вы должны забрать вашу маму домой: осталось совсем немного… — страшные слова опускаются.

Уже не помню, что я говорила, но маму оставили в больнице, а еще через какое-то время врачи вдруг заявили, что ее будут оперировать. Нужно ли говорить, что я переживала в эти дни. Маму прооперировали, и на операционном столе был переигран диагноз: вместо рака у нее был обнаружен в открытой форме туберкулез. После больницы мама долечивалась в подмосковном санатории, куда я также приезжала, привозя ей всякие вкусности и домашние новости, к сожалению, неутешительные, потому что следом за мамой заболел туберкулезом наш маленький сынишка. Страшный год.

Денис прошел весь бабушкин путь — сначала больница, потом санаторий. Помню, как мы готовили его к отправке в больницу, внушая, что мы будем часто видеться, что так нужно и что мы его безумно любим… Денечке тогда было два года, — что он понимал, о чем думала его маленькая головка? Он слушал и молчал. Когда мы его привезли в больницу, он, прощаясь с нами, вдруг так громко зарыдал, а потом в палате долго, говорят, молчал и только одно слово произнес, глядя в окно: «Осень»…

Через некоторое время больница сменилась санаторием, и — какое счастье! — через полгода мы все наконец-то собрались дома, и ко мне на какое-то время вернулся покой.

Глава 6 Судьбоносный сон

Вдруг «что-то» как будто впрыгнуло в меня, подбросило и выкинуло вон с кровати…

1972 год

Помню, проснувшись, долго не могла прийти в себя. Пронзительное чувство тревоги, чувство, очень похожее на страх, парализовало тело. Что-то заставляло сосредоточиться на очень важном. Сон! Я должна вспомнить сон! Предчувствие: там было важное для меня сообщение. Мучительное чувство — почему не могу вспомнить? А что-то кричало во мне: «Вспомни!!!» Измотало-измучило бедный мозг. Не вспомнить!

И самое странное случилось потом. Вдруг «что-то» как-будто впрыгнуло в меня, подбросило и выкинуло вон с кровати… С этой секунды я уже себе не принадлежала, и все мои дальнейшие действия были подчинены командам этого «что-то». Охваченная непроходящим чувством тревоги, может быть страха, в секунды, будто в лихорадке, привела себя в порядок, уже не помню, позавтракала или нет, — полетела в театр. И вот этот страх… — он летел рядом. В мозгу стучало только одно: успеть! Успеть!! Успеть!!! Бежала, задыхалась: боялась — не успею! И с какой легкостью меня несло. Чувство нереальности… Влетела в театр, еле затормозила в проходе, в конце зрительного зала. Внутренняя дрожь не давала сконцентрировать внимание, — если бы знать: на чем? Рядом, совсем близко, артисты. На сцене репетиция, не помню, может быть, спектакля «Под кожей статуи Свободы», — неважно, да мне было не до этого: что-то очень важное должно было произойти или со мной, или в театре, но обязательно это должно было коснуться меня. Я смотрела на сцену, не видя, не слыша, я слышала только свое безумное сердце, которое еле справлялось с работой и, казалось, еще немного — разорвется. Вздрогнула оттого, что кто-то сзади щекотнул-поцеловал в шею. Обернулась — Лёня! И как будто это поселившееся во мне «что-то» вдруг выбросилось из меня, освободило, и, обессиленная, уставшая от жуткого напряжения-наваждения, по моему, что-то пролепетав, я заплакала. Когда руки соединились, произошел сильный электрический разряд. И — начался обоюдный бред. Мы торопились сказать друг другу — что? — не помню. Уже гораздо позднее ни я, ни Лёня не могли вспомнить слова, которые тогда

из нас вылетали. Был захлеб, несвязные, лихорадочные слова, понятные только нам двоим. И страха уже не было: я успела! И Лёня, которого тоже не должно было быть в театре и которого, как он потом вспоминал, тоже что-то толкнуло в то утро прибежать в театр, — успел! Мистика! Как не поверить, что мы, люди, подопытны, что все наши поступки, движения — чья-то Воля, нам недоступная, непонятная, но существующая. Мы называем это Судьбой. Судьба! В это утро мы с Лёней обрели друг друга, и начался наш долгий тридцатидвухлетний Роман, трудный, страстный и болезненный в силу наших семейных обстоятельств: оба были связаны с другими, как оказалось, чужими людьми. И несмотря на это, теперь жизнь была подчинена одной заботе — не навредить рядом живущим, оградить их и себя от людских пересудов и, скрываясь от чужих глаз, находить места встреч. И находили — в театре, в пустующих гримерных. Стояли, прижавшись целомудренно, как лошади, положив головы на плечи друг другу. Так продолжалось несколько месяцев. Секунды счастья. Однажды, взяв в ладони мое лицо, Лёня прошептал: «Я хочу, чтоб ты стала моей женой». — «Да», — выдохнула я, готовая на все: я любила и хотела быть рядом и с легкостью сбросила бы с себя обременяющую ношу своего брачного недоразумения.

А сейчас: «Да… да… да…»

Лёня к этому времени не был женат, находясь с другим человеком в гражданском браке.

Был огромный мир, и были мы — он и она, и враги — все остальные, наверняка неплохие, даже хорошие люди, у которых были глаза и уши, но от которых на долгие годы мы смогли скрыть нашу тайну.

С этих пор судьба постепенно стала опутывать нас, сначала осторожно, как бы прислушиваясь к обоим, а с годами путы становились еще крепче, пока два человека не превратились в одно целое с одной кровеносной системой. С этого времени началась наша биография любви.

Встречаемся с Лёней почти каждый день или в театре, или на улице вечером в каком-нибудь назначенном месте. Разговариваем обо всем, о нас, о жизни — иногда прошу Лёню разговаривать со мной стихами. И он, не раздумывая, приводил в движение свой поэтический дар. Или играли в буриме. Он любил меня веселить, но через некоторое время он замолкал, мы шли молча, думая об одном и том же: еще несколько минут, и нам придется расстаться. И мы углублялись в соседние переулки, находя какой-нибудь темный дворик, где подолгу прощались и все никак не могли проститься. Лёня нервно курил, делая мне какие-нибудь

наставления и заранее назначая следующее свидание. Расставались каждый раз очень тяжело. Поздними вечерами он выгуливал свою любимую собачку Муську, очаровательное создание, и мы подолгу разговаривали уже по телефону.

В театр Лёня, как правило, приходил пораньше, чтоб увидеть меня, идущую в свою гримерную, а я, проходя мимо, изображала равнодушие, делая вид, что между нами нет никаких отношений. Он же, напротив, хуже скрывал свои чувства. Одна из актрис все-таки что-то заметила и передала своей подруге: «Посмотри, как Филатов смотрит на Шацкую! Когда идет за ней, будто дышит ею».

А я — как партизан, и это его расстраивало. Найдя подходящий момент, когда рядом никого не было, он хватал меня, пробегающую мимо, за руку:

— Что с тобой? Почему я не чувствую тебя? Я все время ищу тебя глазами, — ты ни разу не взглянула на меня.

— Родненький, так нужно, за нами могут наблюдать. Твои чувства тебя подводят, я люблю тебя.

— Ну, слава богу. Ты меня успокоила. Люблю тебя. Вечером позвоню. Пока.

— Пока.

И мы разбегались. Лёне все время нужны были ответные подтверждения своим чувствам, и, когда ему казалось, что таковых нет, у него происходила разбалансировка всего организма: он нервничал, не мог нормально работать и мог часами до меня дозваниваться, пока не дозвонится и не услышит успокоительное — люблю.

Несколько лет спустя сон, которого я также не смогла наутро вспомнить, повторился. Те же тревожные ощущения, только к ним примешивалось еще и чувство какой-то беды, которое я опять же связывала с театром.

Вечером у меня спектакль «10 дней, которые потрясли мир». Промаявшись в тревоге весь день, я наконец-то прибежала в театр прямиком в гримерный цех.

— Девочки, ничего страшного не произошло в театре? Мне приснился сон…

— Вчера на спектакле Лёню чуть не убило током…

— Где он? В больнице?

— Да вроде, говорят, дома…

Уже не слушая, как все это случилось, я ошалело, как безумная, бежала к выходу. До моего выхода на сцену оставалось 35–40 минут. На улице хватаю такси. Назвав Лёнин адрес, умоляю водителя стрелой лететь к дому, подождать у подъезда 3–4 минуты и также стремглав вернуться в театр. И меня совсем не

заботило, что Лёня мог оказаться дома не один. Я ни о чем не думала: важно было увидеть его и успокоиться…

Только нажав кнопку звонка, вдруг перепугалась: а если не один дома?

Дверь открылась… В дверях — Лёнечка… живой! Нужно ли описывать его реакцию на мой неожиданный приход (точнее сказать, прибег), я не могла остановить слезы, которые потоком катились по щекам, скатываясь на его шею. Но мне нужно было бежать назад, я уже опаздывала в театр. Одна минута… всего одна минута лихорадочного «свидания».

— Роднулечка, какая же ты у меня все-таки сумасшедшая. Не плачь… Видишь, ничего страшного… вот только ладонь… Беги скорей, ты опоздаешь на спектакль. Я люблю тебя…

В дверях крепко обнялись: «Родненькая, не волнуйся, все нормально, я очень тебя люблю!» — прошептал мне в ухо на прощанье Лёня и через 5 минут я, успокоенная и счастливая, уже была в театре, — успела!

Позднее я узнала, как все произошло. В спектакле «Мать» была сцена, в которой актеры, раскачиваясь в темноте на подвешенных к тросу штанкетах (трубах) и подсвечивая свои лица, мощно пели: «Эх, дубинушка, ухнем!..» Гениальная сцена, пронизывающая тебя до мурашек.

Штанкеты, трос и стаканы-подсветки — железные. Лёня стоял на железном штанкете, левой рукой держась за трос, правой держа стакан-подсветку. В том месте, где подсветка соединялась с электрическим проводом, была нарушена изоляция. И ток (свыше 220 V) пошел от правой руки через сердце в левую, потом по тросу к ногам и обратно через все тело наверх. То есть Лёню закоротило. Оторвать руку от троса он, как ни пытался, не мог. Спасла его актриса Лена Габец, стоящая рядом с ним. Поняв в чем дело, она крикнула электрику, чтобы тот погасил свет, и выдернула у Лёни подсветку. Прервалась электрическая цепь, и он упал на пол, сжался в комок, потом в шоке вскочил и выбежал в кулису, оставив позади себя кровавую дорожку Ладонь была сожжена почти до кости. Приехавшая «скорая» сделала ему электрокардиограмму и отвезла домой.

Потом я узнала, что если бы еще одну минуту Лёня находился под током, его сердце не выдержало бы.

А вот сон, рассказанный мне и нашим друзьям Лёней задолго до его болезни.

«Ночь. За мной гонятся люди, которые хотят меня убить. Я вбегаю в подъезд какого-то дома, несусь на последний этаж. Те уже близко. Понимая, что меня все равно убьют, я прыгаю вниз. И

у самой земли думаю: „Все, мне конец!“ — меня вдруг подхватывают чьи-то руки. Нюсенька, это были твои руки!» — заканчивал рассказывать свой сон Лёня.

Сны… Кто нам их посылает? Для чего? Жуткая странность, которая произошла у нас на даче летом 2003 года.

Весной я попросила местных рабочих заранее вырыть мне две ямы под яблони — метр на метр. Я была предупреждена, что нельзя тут же сажать саженцы, необходимо подождать 2–3 недели. С хлопотами забыла о них. Через месяц приехавшие к нам в гости друзья увидели ямы, которые вытянулись ровно на 1 метр, нехорошо пошутили: «Для кого вырыты две могилы?»

Вскоре ушли из жизни Лёня и муж Клавдии Николаевны Константин Дмитриевич.

Глава 7 Крещенское сбылось

«Я хочу, чтоб ты стала моей женой…»

19 мая 1972 года — конец платоническим взаимоотношениям. Мне всегда была противна роль любовницы, и я ею стала!

И все-таки — счастье! Крещенское — сбылось. 18 мая 1972 года у Лени появились ключи от общежития на Красносельской, о чем он сообщил мне в театре. Завтра! 19 мая 1972 года. Удивительный солнечный день. Встретились недалеко от метро. Дорога кажется долгой. Идем, говорим о чем-то… Я ощущаю неловкость, вроде как меня ведут на заклание. И вот дом, дверь… ключ в замке… мы переступили порог…

* * *

Счастье абсолютно, когда люди — свободны. Мозг несвоевременно давил на душу: как теперь быть? Мы не свободны, — что делать? Честнее — уйти из семей. Но легко сказать, а сделать — причинить боль близким людям, а в Лёнином случае было еще сложнее: она по некоторым причинам могла потерять работу. И Лёня всегда будет иметь это в виду, а я, несмотря ни на что, буду ценить в нем это качество — чувство долга, чувство ответственности за своих близких. И потом он еще плохо меня знал, не совсем понимал: я в общем-то для всех была закрыта, себя — настоящую — я запрятала очень глубоко, и только с очень близкими людьми я становилась сама собой, и только они знали все про мою, мягко скажем, непростую жизнь, про мои радости, а главное — про мои душевные страдания. Думаю, на этом этапе Лёня не совсем доверял мне, т. е. не готов был доверить мне свою жизнь. Позже я от него узнала, что и его друзья хором отговаривали от серьезных со мной отношений, говоря что-то про сухари: то ли он будет сидеть со мной на сухарях, то ли они будут ему их таскать… Такое, значит, я производила на людей впечатление: улыбающийся, легкий человек — человек несерьезный. А когда мы стали жить вместе как законные муж и жена, я его пытала: «Ведь ты тогда совсем не думал о нас с тобой в браке?» На что Лёня возражал, говорил, что думал серьезно, чему я не верила и начинала объяснять — почему, объяснять возможные внутренние его аргументы «против»

на тот момент. Ему интересно было меня выслушать, но под конец все-таки настаивал на своем: думал серьезно. Усмехаясь, я переводила разговор на другую тему.

А сейчас на дворе 19 мая 1972 года с обалдевшим от счастья солнцем и мы, полупьяные, полудохлые и с уже тревожными мыслями, — что же дальше? — кроссворд. Как определятся наши взаимоотношения? У меня в ушах шепот Лёни — «я хочу, чтобы ты стала моей женой».

Глава 8 Встречи у подруг

Мы оставляли за порогом страх

Какое-то время нам негде было с Лёней встречаться, и это было мучительно. Потом с помощью моих друзей — Лены Виноградовой и Лены Герсони мы наконец-то обрели место, где могли уединяться и быть хоть несколько часов вместе. Они, мои подруги, приютили нас в своих квартирах. Как мы были им благодарны! У нас с Лёней с некоторых пор стало традицией встречать старый Новый год у Лены Виноградовой, и мы этой традиции никогда не изменяли. Войдя в квартиру, нас покидал страх, преследующий каждый раз на улице, — вдруг кто-то из знакомых увидит, — не дай бог, — а потом может быть все, что угодно… Конечно, было неспокойно. И все-таки мы были в какой-то степени беспечны, и эта беспечность однажды чуть не довела нас до инфаркта. В какой-то из новогодних дней мы решили встретиться утром у Лены Герсони. Лена работала в МИДе, и я должна была приехать к ней на работу за ключами от ее квартиры. Мороз. Дотопала до МИДа, звоню по внутреннему телефону, вызываю подругу. Спускается улыбающаяся Ленка, протягивает ключи с каким-то важным напутствием. Я хватаю ключи, естественно, слышу плохо, потому что опаздываю на встречу, и слова «спасибо, спасибо» произношу на бегу, почти на улице. Прибегаю в Нижне-Кисловский к заветному подъезду, где уже топчется мой возлюбленный. Как два заговорщика входим в подъезд. И мне вдруг стало тревожно. Мама Лены давно должна была уйти на работу. Мы уже в подъезде, заходим в лифт, нажимаем кнопку нужного этажа, едем, — приехали. Подходим к двери, я вставляю в замок ключ, и вдруг мы слышим, как кто-то внизу вызывает лифт. «Лёнька! А вдруг это Ленина мама?» — смеюсь я. Но смех смехом, а чувство тревоги меня не покидает. Лёня смотрит на меня в растерянности, не зная, что делать. Мы прислушиваемся к движению лифта, который и не думает останавливаться и почти доезжает до последнего этажа, где стояли мы — два уже не на шутку перепуганных человека. Мгновенно осознав, какая опасность нас может здесь ожидать, мы, не договариваясь, опрометью бросились вниз по лестнице. Успели пробежать один лестничный пролет, спрятались. Вытаращив глаза и навострив уши, в ужасе наблюдаем, как открываются двери лифта и оттуда выходит — слава тебе, Господи, что мы вовремя сбежали, — мама Лены, которая, как позже мы узнали от Лены, что-то в то утро забыла дома. Через

пять минут лифт отвез ее на первый этаж, а мы, очумелые от ужаса, еще несколько минут стояли, не шевелясь, трудно отходя от шока, и только глядя друг на друга, беззвучно, придурковато хихикали, и уши-локаторы — к лифту: а вдруг опять это повторится, и мама опять вернется за чем-нибудь забытым. Но лифт молчал, и мы, не выходя еще из шока, медленно, все еще прислушиваясь к нему, стали носками ног неуверенно отсчитывать ступеньки вверх. Открыв дверь, быстро вбежали в квартиру. Наверное, если бы вдруг вернулась за чем-нибудь мама, мы бы ей ни за что не открыли. Ну, слава богу, сейчас мы вне опасности. Мы наконец-то в квартире, и нас никто не достанет! С поцелуями ушел страх. Какое счастье — мы вместе! Вошли в комнату и обомлели. Какой сюрприз нам приготовила наша подруга! Елка, украшенная игрушками, сияла разноцветными лампочками. Это утро мы с Лёней запомнили надолго и очень часто вспоминали, не забывая при этом так же, как тогда, хихикать.

Но однажды днем, при следующей встрече, когда мы с Лёней уже собирались уходить, мама все-таки пришла пораньше и все-таки застала нас — слава богу! — за кофепитием. Если бы она пришла на полчаса раньше… — даже страшно подумать… Сердце екнуло, когда вдруг услышали, как поворачивается дверной ключ в замке… Дверь открылась, и вошла мама. Мы мирно сидели за столом, румяные, как только что с мороза. Поздоровались. Она нам была очень рада. Будучи человеком простодушным и доверчивым, она поверила моему объяснению, почему мы находимся здесь с Лёней: «Очень нужно было кое-что прочитать из вашей библиотеки, порепетировать…» — в общем, я несла несусветную чушь, и, поблагодарив за приглашение еще на какое-то время остаться, мы быстро оделись и, как воришки, убежали под барабанный стук сердца. Такой нервотрепки было еще очень много.

Проходили дни. Встречи, звонки. Каждая встреча — чудесное мгновение… Темные дворики, переулки, которых, оказывается, так много рядом с моим домом на Рогожском Валу. Сумерки. Таинственные столбики деревьев с их нежным шепотом, сквозь которые, как в «пряталки», играют желтые огоньки окошек, скрываясь и вновь возникая. В этом ритме живет мое сердце — чередование радости и печали.

Нас прятала ночь. Расставание мучительно. Снова и снова бросались друг к другу, как если бы это была последняя встреча. Наконец дворик терял нас, оставляя себе на память недокуренные бычки сигарет и вопросы без ответов.

«Родная моя!

Будь умницей. Не думай ни о чем плохом. Если тебе будет грустно, то и мне тоже. Так что гони от себя всякие плохие мысли.

Целую тебя крепко, моя любимая девочка. Веди себя хорошо. И я тоже буду вести себя как следует. Ладно?»

Часть II НЕ ВМЕСТЕ И НЕ ВРОЗЬ

Глава 1 Дневники (1973–1974)

«Любовь — это и есть наша с тобой жизнь,
наша биография»

Это быстрые, иногда совсем короткие неуклюжие записи, соответствующие моим тогдашним настроениям. И здесь — только о моих с Лёней взаимоотношениях. Иногда встречаются записи, связанные с домом, театром и окружающими меня людьми.

1973 год

31 декабря. Полночь

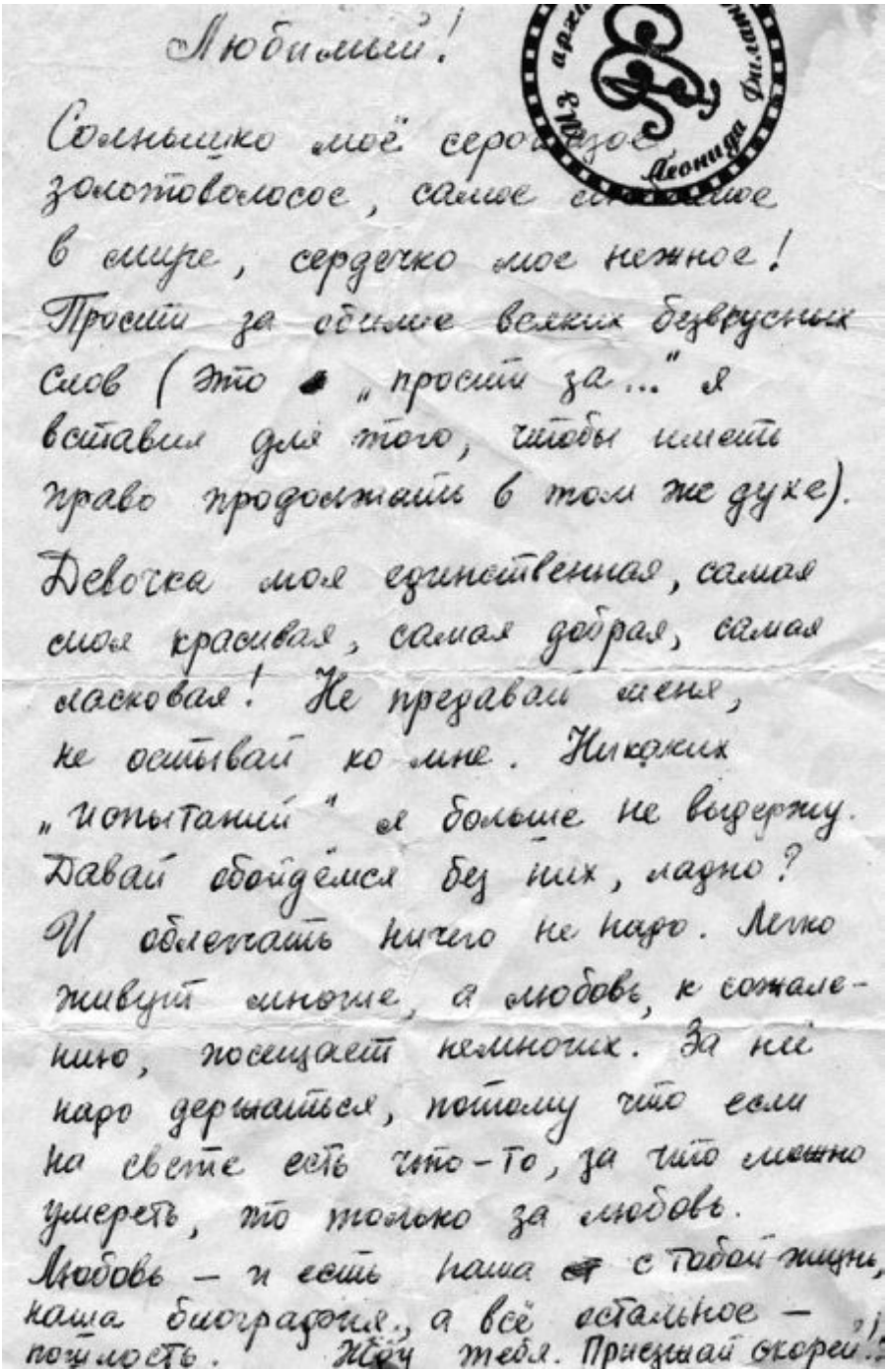
С Новым годом — мама, Денис, Валерий, Машка[8] моя, Рома с Артемом Егор.[9] Хорошей
погоды вам всем в новом году. И ты. Жаль, что нельзя избавиться от грусти. Летной тебе без меня. Бог да поможет нам: не осудит за прошлое, вернет позапрошлое, подарит — жизнь!

1 января 1973 года

«Дорогой мой, я рада, что могу, наконец, написать тебе последнее письмо. Я прощаюсь с тобой. Я не имела права связывать тебя и заставлять играть со своей совестью. Я не смогла уберечь тебя (себя) от необходимости поступать подло. Это не в моей власти, но это — моя вина. Я перестала быть свободной и лишила тебя возможности ощущать себя свободным. Я не имела права продолжать наши взаимоотношения еще задолго до Ленинграда. И плохая защита — обстоятельства. В результате все оказалось предательски мелким, недостойным нас. Я ухожу. Будь счастлив. Когда ты прочтешь это письмо, наступит освобождение, ты почувствуешь себя также легко, как я, отписав все это. Прощай».

Письмо Лёни мне:
Любимый!
Солнышко мое сероглазое, золотоволосое, самое любимое в

мире, сердечко мое нежное! Прости за обилие всяких безвкусных слов (это «прости за…»я вставил для того, чтобы иметь право продолжать в том же духе). Девочка моя единственная, самая моя красивая, самая добрая, самая ласковая! Не предавай меня, не остывай ко мне. Никаких «испытаний» я больше не выдержу. Давай обойдемся без них, ладно? И облегчать ничего не надо. Легко живут многие, а любовь, к сожалению, посещает немногих. За нее надо держаться, потому что если на свете есть что-то, за что можно умереть, то только за любовь. Любовь и есть наша с тобой жизнь, наша биография, а все остальное — пошлость. Жду тебя. Приезжай скорей!!!



Любимый!

Солнышко моё серо-голубое, золотоволосое, самое солнечное в мире, сердечко моё нежное! Прости за обычное всяких безвкусных слов (это „прости за..." я вставила для того, чтобы иметь право продолжать в том же духе).

Девочка моя единственная, самая моя красивая, самая добрая, самая ласковая! Не предавай меня, не остывай ко мне. Никаких „испытаний" я больше не выдержу. Давай обойдёмся без них, ладно? И обещать ничего не надо. Легко живут многие, а любовь, к сожалению, посещает немногих. За неё надо держаться, потому что если на свете есть что-то, за что стоило умереть, то только за любовь. Любовь — и есть наша с тобой жизнь, наша биография, а всё остальное — пошлость. Жду тебя. Приезжай скорей!

3 января

Состоялся разговор. Встретить не ожидала и испугалась,

однако взяла себя в руки и успокоилась. Два дня покоя. Такою нашел меня при встрече. Не отпускает: «Уже невозможно. Так просто не рубится. Надо что-то придумать. Я не могу жить без тебя».

Не могла не повториться, и я повторилась с добавлением большей воли. Попросила простить меня, всех нас. Все правильно. Так должно быть!

5 января

Вечером — «Мать».[10]

_____

Мельком видела у телефона. Худой. Осунулся.

6 января

Не уверена, что прекратится золотухинский Ленинград. А если так, зачем мне бросаться в пустоту? Выдержала три дня, и опять потянуло. Что думает он? И думает ли? Погода самоубийц. Хватило на мало.

_____

Весь день — хоть вешайся. Тошнит от неизвестности: где, что делает, о чем думает? А какая мне должна быть разница: сама захотела и не просто так — серьезно. Все было взвешено и не один раз. Все — за. И зачем? Все равно в результате воровство. Говоря о бесперспективности этих взаимоотношений, не вижу ничего хорошего у себя дома. Ничего произойти не может, если только З.[11] сам не уйдет. Ситуация.

Завтра — «10 дней…».[12]

_____

За четыре дня много передумано, перерешено. В чью пользу? И ни одного варианта, чтоб в мою, нашу. Надо решить, как себя вести. От разговора не уйти, не может он жить спокойно, не позволит хотя бы привычка иметь рядом «родного человека».

_____

З. теплотой немного поддержал. Помоги мне, и все может образоваться.

_____

Еще более настойчиво — завязывать!!! Пожить месяц — без и поглядеть, к чему приведет этот «театр». Либо-либо.

_____

С сегодняшнего дня — сплошное лицемерие перед самой собой. Завтра успокоюсь. Это просто жуткий вечер в одиночку. Где гости? Устала.

7 января

З. все время кланяется, расшаркивается и всегда гнет спину. Как все это можно выдержать?

_____

Нами всеми руководит чья-то злая воля…

_____

Поняла, что вернуться и начать все заново уже невозможно. Чужие с З. Его засосало… нет ни долга, ни обязательств.

А мы будем держаться. С человеком спешить не буду, но еще немного продержусь. Сегодня увидела его в театре, было много народу. Будто бы нечаянно скользнул рукою по моей руке.

И ничего с этим сделать уже нельзя.

_____

Решить бы Золотухину окончательно. Сама пока ничего не буду предпринимать до лета. Странно: зачеркнулось прошлое —

его нет, не было, существует гнусное настоящее… Омерзительное — рядом и терпишь. Во дошла! Мой Бог, не оставь меня… Ты и его не оставь. Сохрани нас, убереги от ненужных комплексов, даруй нам возможность любить друг друга, огради от обстоятельств, не позволяющих нам быть вместе.

Паноптикум. Записка З.:

«Зайчик! Думай обо мне лучше, и все будет хорошо. „Синяя птица“ в наших руках. Обнимаю и целую тебя. З.».

Что это? Испорченность? И уже непонимание, что есть хорошо, а что плохо?

Мадам К,[13] спит с моим мужем и думает, что у нее это чистое, святое. О благородстве со спущенными штанами… З. в кайфе…

Скоро весна и наступит — зоопарк!.. Надо уметь жить, надо любить жить. Покойной тебе ночи, друг! Что бы ни было, ты всегда мне — друг. Уже за 12, а прощаться с тобой не хочется! До завтра, когда увижу тебя на сцене. Я втихомолку буду наблюдать за тобой.

8(?) января

Ага! Остановился?? Но ведь и я поздоровалась.

Л.: — Я так не могу уже больше. Перестань злиться.

Я: — Ты все не так понимаешь. Я не злюсь.

— Я понимаю. Я не так сформулировал…

— Пойми меня, мы должны расстаться, чтоб никому не причинять страданий. От того, что мы вместе, плохо всем, и нам в том числе. Так жить нельзя…

— Я понял, что я тебе просто стал безразличен, стал ненужным. Я тут выкаблучиваюсь, как щенок, верчусь, работаю, думая, что кому-то это надо, а сейчас понимаю, что это вовсе ни к чему, и я тебе стал просто не нужен.

— Лёнечка, я действительно все делаю для того, чтобы забыть тебя, а ты никак не хочешь этого понять и мне в этом не помогаешь. К сожалению, существует привычка, я привыкла к

тебе, и мне трудно…

— В том-то все и дело. Я привык и избавиться от этого не могу, как ни стараюсь.

— А нужно. З. старается уладить отношения в семье.

……

……

(Начался легкомысленный театр.)

Я: — Что-то мы с тобой засерьезничались. Ну, что ты будешь делать? Забудешь меня?

Л.: — Нет, мы с тобой слишком разные люди. Тебе это легко, все — легко. Я не знаю, что делать.

— Ну, люби меня.

— Ты же зачеркиваешь меня, запрещаешь…

— Платонически.

— Не могу.

И опять никому не нужная нежность. Что за черт — потянуло, опять потянуло. Молчим. Держусь. Встал.

— Ну, я пойду.

— Подожди. (Кто тянул за язык?)

— Нет, мне просто нужно.

Ушел. Струна ослабла, и — слезы. Влетает.

— Ты все равно моя! Моя, — понимаешь?

И я, как идиотка, ничего не могу сказать.

Все не так, как надо. Прекращу. У меня есть оружие, есть противоядие… — летнее.

12 января

Утром потопала в родильню. Тайка[14] родила сына. 2 килограмма 900 граммов. Дай бог тебе и твоему сыночку счастья, Таинька!

Скоро — Руза.[15]

Промозглость прошла. Температура завтра под 30 градусов.

Письмо З. отцу, матери. Мое письмо к ним продиктовано якобы ревностью. Не понимает. Как не чувствовать, что давно нет

к нему никаких чувств. Всю жизнь — обольщение на свой счет.

Родители должны все знать не из его выдуманной литературы, его фантазий, они должны знать правду.

13 января

Здравствуй! Задумала мое число. Не буду ничего менять. Ни к чему. Мой человек, прости за предательство и — здравствуй! Иду спать: завтра — станок.

15 января

Руза. Не пью, не курю, никуда не тороплюсь и никаких дум, разве только чуть-чуть. Главное — отоспаться.

Вечер. Фильм «Благослови зверей и детей».

17 января

Жуткая тоска. Хочу к тебе. Голубой поет «Темную ночь» — с ума сойти!

_____

…….
…….

_____

Это, по-видимому, поиски новых форм. Ищите! Дерзайте!

18 января

Грустно. А может, все дело во мне? Быть не может, что все — говно, а я — ангел… Что произошло? Почему такой неприличный взрыв, аж самой сделалось страшно.

_____

Назойливо по одному и тому же месту — по самолюбию.

Не позволю громкого… неуважения к себе. Надо ждать интриг.

Гадали. У меня — бешеная карта, «полный раздрызг, нет покоя, целеустремленного начала». Еще бы!

А он (Лёня) так любит, что физически заболеет. Одна моя карта и никакой другой. Мечтает только обо мне, весь в любви.

В форточку-свое…

Я: — Зачем ты все время мешаешь мне?..

Л.: — Мешаю в осуществлении каких-то твоих планов относительно меня? Трудно говорить. Было много времени подумать. Понял, что ничего в жизни не дорого, кроме тебя. Жить без тебя не могу.

— А я не могу жить вчетвером…

— Мы не будем вчетвером, втроем. Будем вдвоем. Я брошу все.

— Поздно. И у тебя, наверное, и у меня налаживаются отношения дома. Поздно.

— Я знал, что потеряю. Я все не верил, глядя на тебя. Ты была такая веселая все это время, думал — нарочно, потом понял, что ты всерьез, ты разлюбила.

— Я бы не разлюбила, не разлюби меня ты.

— Это невозможно, невозможно.

(Пауза.)

Я: — Я отношусь к тебе с глубокой нежностью, но — поздно.

Л.: — Ну что ж Я все чего-то клянчу, вымаливаю. Прощай.

23 января

Пусто.

24 января

Что нужно мне — я знаю, но не уверена, что это — нужно.

Во Вьетнаме кончилась война.

---

2 этаж. (Лёня звонит по телефону. Я одна в гримерной, дверь открыта.)

Я: — Позови, когда закончишь разговор. (Через паузу.)

Л.: — Телефон свободен.

— Подойди, пожалуйста… Я люблю тебя.

— Я тебя в 1000 раз больше.

Обоюдная истерика. Нежность. И признания, признания.

И опять: какое мы имеем на все это право: мы не свободны.

(Голос его подруги.)

Л.: — Слышишь? Зайдет обязательно. (Послушал.) Не она. Завтра принесу стихи.

(Вышел.)

С неба да на землю. Хочу уважать себя и тебя тоже. Отдала бы год жизни, чтобы не видеть тебя, прячущегося за дверью.

(Через перерыв.)

Л.: — Что с тобой, миленький?

Я: — Ничего. Знаешь, — нет, не нужно все.

Противно. Не представляешь, как неприятно мне было наблюдать за тобой. Я отказываюсь от всего.

Хлопнула дверь. Я осталась одна.

26 января

Имеет цену только любовь.

«Пусть он любит меня, когда это ему нравится. Когда он любит, он очень нежный, и он падает на колени. И пусть он не слушает меня, когда поют птицы, я буду любить его до конца дней моих».

27 января

И опять — сначала. Карты: только двое.
И опять — покой.

28 января

Всмотреться в себя, себя познать и ограничиться самой собой.
Сосредоточиться в себе.
Меня отвлекают, предают, похищают меня у меня же самой.

Суетность — удел века. Твой удел в тебе самом и вне тебя, но, заключенная в тесных границах, она все-таки менее суетна.

Любовь к свободе — главное мое качество. Из-за этого питаю смертельную ненависть к тому, чтобы от кого-либо зависеть.

29 января

Наконец-то артистам дают квартиры. Я слышу их счастье, оно, наверное, похоже на тогдашнее мое — хлобыстовское, когда мы с Валерием получили квартиру

Тогда было много, жуть, как много солнца, и ручьи, ручьи. Что за счастливая была весна! В свежую квартиру, в ручьевый март пришла Машка. Мы немножко жмурились от солнца и балдели от счастья и свободы.

(И Лёне дали квартиру (однокомнатную), имея в виду и его гражданскую жену)

Вечером после спектакля — домой.

Горе делила со мной Машка. Что со мной делается? Да и Золотухина жаль, хотя у него тоже свои сердечные дела, но все равно — жаль: он потерял Моцарта, а я…

30 января

Стрельникова.[16] Пропал голос. Господи! Помоги ей со мной. Денечка — прелесть: пытливый и трудяжка.

Никаких эмоций. Перегорело? Как будто бы все прошло, и ничего не было, как до декабря 71 года.

Скорей бы уйти в лето да в море.

Живу, не утруждая себя заботой о З., живу жизнью, которая не в тягость ни мне, ни окружающим.

Независимость, на которую ежедневно, ежечасно посягают.

31 января

Чужой. Вечер у Машки. Редкие вечера, когда мне по-настоящему хорошо. Счастья и уюта этому дому.

А мы еще натянем джинсы в открытую.

Февраль

Снега много, а звезд не видно.

Проезжала мимо зоопарка, на секунду что-то растопилось.

Репетиция — «Товарищ, верь». Получила мизер текста, должна буду иллюстрировать Н. Н.[17]

Утро вечера мудренее. Дай-то бог! Не нравлюсь я себе. Господи! Дай ты мне злости и не-прощенчества.

Противная полоса: раздражает все и вся. Ненавистные рожи… А может, это мне только кажется? И не в людях дело?

Неправда! Я смогу устоять.

3 февраля

Репетиция. Готовлюсь к разговору с Ю. П.[18]

4 февраля

2 спектакля «Час пик».[19] Машка завтра не придет на станок ушла сегодня на день рождения.

Хочу в Болгарию — на август.

5 февраля

Разговор с Ю. П.

— Считаю оскорбительным быть в спектакле иллюстрацией. Прошу освободить меня от репетиций.

— Я не освобождаю вас, Нина, от спектакля…

— Я категорически буду настаивать. Как-то на репетиции вы мне сказали: «Нина, я вам сделаю хороший эпизод. Если мне не удастся вас убедить в том, что это будет эпизод хороший, вы уйдете из спектакля».

— Неправда, ничего такого я вам не говорил.

И вы будете работать.

— В таком качестве — нет.

— Будете. У вас происходит какое-то головокружение…

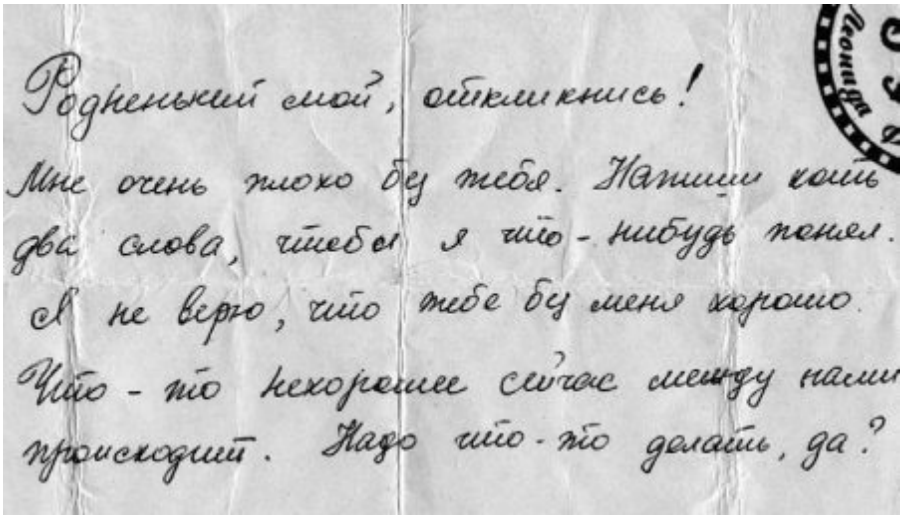
— От чего, Юрий Петрович? У меня в театре — от чего?

Договорились до того, что я, отказавшись от участия в спектакле, должна буду уйти из театра… Веселые дела! После — опять репетиция.

Записка Лёни:

«Родненький мой, откликнись!

Мне очень плохо без тебя. Напиши хоть два слова, чтобы я чего-нибудь понял. Я не верю, что тебе без меня хорошо. Что-то нехорошее сейчас между нами происходит. Надо что-то делать, да?»


Родненький мой, откликнись!
Мне очень плохо без тебя. Напиши хоть
два слова, чтобы я что-нибудь понял.
Я не верю, что тебе без меня хорошо.
Что-то некорректное сейчас между нами
происходит. Надо что-то делать, да?

Уже так далеко все это.

Самое верное дело — рассчитывать в таких ситуациях только на себя, доверять только своим силам, в себе самой искать опору. Я должна быть готова к худшим испытаниям.

Я устала от беготни от Лёни. Он ищет встречи. Нервный. Похудел. Бежать, но куда? От боли хочется кричать, она исчервивела меня. От меня, кажется, ничего не осталось — одна оболочка.

Даже если случится встреча, о чем говорить? Все слова сказаны, да и они давно уже превратились в пустые слова, для него ничего не значащие.

— Тебе не кажется странным настаивать на продолжении отношений, когда ты собрался узаконить отношения с другой? Ты никогда не убедишь меня в том, что тебе… Желание поудобней

сколотить жизнь? «Что нехорошее происходит?» Уже произошло, когда узнала.

И назавтра — чужой. Сразу вспомнилось все, что говорилось 3–4 дня назад, как легко ушел: знал о распределении квартир. Это уж потом до меня дошло. Все это перевернуло меня настолько, что наутро я проснулась абсолютно излеченной от тебя — тобой. Ревность и всякое производное от нее охлаждает меня, а не наоборот…

Отношения нелегкие, болезненные, потому что до конца не честны друг перед другом. Я не верю тебе. И как я могу положиться на тебя, когда ты сам в себе не уверен. Твоя нерешительность меня оскорбляет…

6 февраля

Днем встретились в ресторане «Поплавок», что на Москве-реке, недалеко от театра. Зачем дала себя уговорить на встречу?

— Болен тобой.

— Чего ты хочешь?

— Тебя.

Долгий мучительный разговор. «Как я мог сказать, объявить всему театру, что люблю другую женщину, которая притом еще замужем… Она быстро собрала документы… Что я мог сделать?! Все знали, что она живет со мной в общежитии…»

— «Я хочу, чтоб ты стала моей женой!» Помнишь?

— Да, я хочу, чтоб ты стала моей женой!

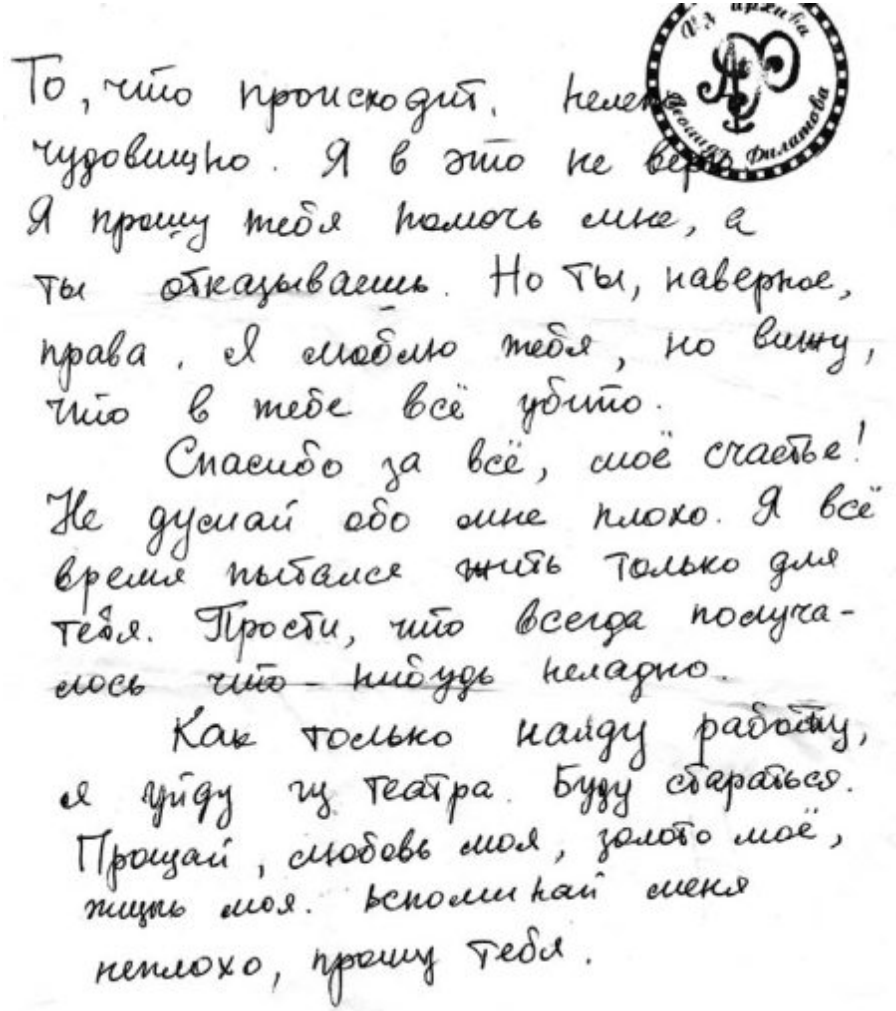
Переданная мне записка от Лёни:

«То, что происходит, нелепо, чудовищно. Я в это не верю. Я прошу тебя помочь мне, а ты отказываешь. Но ты, наверное, права. Я люблю тебя, но вижу, что в тебе все убито.

Спасибо за все, мое счастье! Не думай обо мне плохо. Я все время пытался жить только для тебя. Прости, что всегда получалось что-нибудь неладно.

Как только найду работу, я уйду из театра. Буду стараться. Прощай любовь моя, золото мое, жизнь моя. Вспоминай меня

неплохо, прошу тебя».


То, что происходит, немы
чудовищно. Я в это не ве
Я прошу тебя помочь мне, а
ты отказываешь. Но ты, наверное,
права. Я люблю тебя, но вину,
что в тебе всё убито.
Спасибо за всё, моё счастье!
Не думай обо мне плохо. Я всё
время пытался жить только для
тебя. Прости, что всегда получа-
лось что-нибудь неладно.
Как только найду работу,
я уйду из театра. Буду стараться.
Прощай, любовь моя, золото моё,
жизнь моя. Вспоминай меня
неплохо, прошу тебя.

7 февраля

Семья в кондрашке от З. Пришел с пьяным «другом» в 1 час 30 минут из «Камы».[20] С мамой — истерика, сын проснулся — плачет. Выгнать «друга» не было никакой возможности. Озверела. По-моему, у меня один конец — Кащенко. Потеряла голос. З. пьян вдребезги. Никто ему не нужен. Зачем же тогда нам — он?

8 февраля

З. не пришел на репетицию. Мама попросила сходить для

Дениса в магазин — отказался.

На репетиции сорвалась с Ю. П.: не выдержали нервы. Что за жизнь!

Главное в жизни — лошади!
Где они, мои голубые лошади?

Нужно что-то делать с З. Если уж так невозможно, как у нормальных людей, надо разбежаться, чтоб не доводить до ненависти отношения.

10 февраля

Репетиция. День рождения у Машки. У нее не выходит с квартирой. Грустный день.

11 февраля

Л.: — Много думается. Как решишь?

12 февраля

Предложение на встречу.
Л.: — Надо поговорить!

Четверг, 15 февраля

«Когда кровать расстелена и около — две пары туфель, и когда два сердца рядом, — это жизнь! Тогда наступает жизнь!» Это ведь моя жизнь.

17 февраля

Страшный день. В театре Лёня передал Золотухину два больших зеркала, думая, что держит одно. З. взял одно, а второе упало и разбилось. Маша осколки спустила с водой. Огради их, Господи, от несчастья.

Завтра целый день без тебя. И опять — пришло, и опять нужен. И никак от этого не освободиться.

18 февраля

Дожить до завтра!

21 февраля

Помру, если не случится четверг.

23 февраля

Какое счастье! Мы у нашей подруги Лены Виноградовой — вдвоем. Почему-то было тревожно, грустно, как будто уже есть что-то, а мы этого еще не знаем.

(Эти мои неясные предчувствия в свое время оправдались.)

(Вырваны почему-то страницы.)

7 марта

Сдача «Пушкина».[21] Наконец-то. Слезы после спектакля.

Песенное счастье. Как в весну и впервые.

Прибыли поздравления и чьи-то стихи.

Зачем не смотришь величаво?
Пусть ты издергана толпой,
Пусть норовят в святой покой,
Не забывай свое начало!

Тебе к лицу и смех, и строгость,
И снисходительность забав…
Я не имею столько прав
Судить, что значит твоя кротость…

В глазах, в тревожном содержанье,
Чужой тебе переполох:
Сор из избы, кадрили блох,
Тупой топор слепого ржанья.

Круг долгой, долгой околесицы,
Сочувствуют, как в гроб ведут
И кавалеры — не редут! —
Иерархия, расчеты, лестница…

Зачем не смотришь величаво
Поверх беды, обид и лет?
Поверь, подобной в мире нет, —
Ты — продолженье, ты — начало.

Показываю стихотворение Лёне.
Я: —Ты?
Л.: — Нет.
— Нет?
— Нет.

Пили с З. всю ночь. Много говорили о Лёне.

9 марта

— Я заболела письмом. Я о стихотворении.

— Ну, болей дальше.

Реагирует так, как будто действительно не его стихи, — раздражается и нервничает. А если не его, то чьи?

И шел снег, хоть и весна. Какая печаль… Печаль… Зачем столько «не то». Может быть, я уже и жить — без — не могу?

Я: — Я поняла, что оно не твое, потому что оно мне не дорого. Я его уже забыла.

Все равно — не то.

Как быть завтра?

Суббота, 10 марта

Червоточило все то же. Может, все из-за болезни? Не было у меня сил любить. Не поняла его слов — «ты победила меня».

Л.: — Подожди еще немного, потерпи. Дай встать на ноги. Все будет твое.

Клялся в безграничной любви.

— Буду любить тебя всю жизнь. Это проверено годом. Без тебя нет жизни.

Звонок Вари (Машиной домработницы): «Береги Лёньку. Его так жалко».

Захотелось в Пушкинский музей — наглядеться на импрессионистов, броситься в кувшинки.

Л.: — Надоело прятаться. Хочется открыто.

27 марта

Была сдача спектакля «Товарищ, верь!». Обсуждение. Радость быть рядом. Когда я выхожу из «возка», и ты подаешь мне руку, я ощущаю себя птицей с огромным сердцем и поющей Душой — счастливое парение.

29 марта

Злой.
— Ты больна?
— Да. А ты как себя чувствуешь?
— Прекрасно. Я вообще здоров, как бык
(Вышел злой.)

(Через паузу.)
Л.: — Мне нужно с тобой поговорить. У тебя есть немного времени? Много не отниму. Удели, пожалуйста.
Я: — Хорошо. А что случилось?
— Нужно поговорить. Накопилось. Нужно сказать кое-что.
— Пожалуйста, только не пугай.
— Да тебя ничто не может испугать.

Жонглирую хрустальными сосудами. Чаще вспоминать такие слова, как «беречь».

30 марта

Неужели?.. Неужели возможно?! И как страшно не давать тебе жизни, милый. Ты мог бы быть очень красивым и очень умным и увидеть мир!

Ты знаешь, как вкусно пахнет сено! И как., и никогда не понятно, грусть это или радость…

…А еще, маленький, можно бегать по горам где-нибудь там,

где дикие тюльпаны… это далеко… Если сорвать, они могут погибнуть, и мы их трогать лучше не будем. А еще бывают слезы и бывает горько… Когда обижают собаку, она плачет, и лошади плачут. И вот еще: если посмотришь на солнце сквозь ладошку, увидишь красные полоски между пальчиками. Можно научиться этому радоваться…

…Жить!

1 апреля

Я у Т. Лукьяновой,[22] т. е. у Таниной бабушки. Хожу к ней гадать. Она — моя старенькая подруга, бросает карты. Опять и опять — одна моя карта у Лёни.

Не имеешь права при мне уйти освистанным. Не имеешь права, потому что я тебя люблю.

3 апреля

Если даже «нет», то веду себя определенно, как будто нас уже двое. У Галки Орловой[23] месяц назад при гадании получилась «белая мышь». Появилось множество раздражителей внешних.

8 апреля

Подозрения… стало плохо в лифте. З. выволок меня на площадку. Очнулась, — не вспомнила, как случилась дурнота. Посинела до черноты. Приехала Марья, отвезла в «Цеткин».[24] Оттуда — в Склифосовского. Долго нет З. с зубной щеткой и мылом.

9 апреля

Премьера без меня. Звонила в театр, там свой гудеж, свои заботы, своя любимая возня. Премьера! А я вся в белом, дрожащая до театра. Завтра Машка обещала рандеву. Ну что ж, отоспимся. Пусть отдохнут без меня.

10 апреля

Что за радость видеть в больнице друзей. Пришла Машка, и жизнь стала веселей. Покурили, поговорили, — как будто год не виделись. Читать нечего. Тоска. Заяц не оставил Тендрякова, — пожалел. Любимый[25] беспокоится. Написала на маленьком клочке: «Мой последний спектакль „Товарищ, верь!“, — помнишь? Это от нездоровья, была неправа. Не волнуйся, все будет хорошо. Жизнь прекрасна! А вообще — тоскливо и хочется видеть тебя. Целую нежно…

Это я.

Родненький, не волнуйся».

12 апреля

Операция. Сейчас бы натянуть джинсы. В палате — я, Мальвина, Галя (красивая) Потолоко-ва, Таня в очках и с кашлем.

19 апреля

Отпустили. Не умею побежать. Солнце криком. Ласковая травка колется в глаза, а я удираю из Москвы, я еще нужна ей, но другая, — здоровая. Бегу от себя — к себе. Ну, вот и здравствуй, Жизнь! Здравствуй!

23 апреля — 9 лет театру

В глазах Любимова слишком уж нескрываемая претензия, заставляет чувствовать себя виноватой. Почему? Хотела поздравить с днем рождения театра, открыла было рот, — отвернулся: «Да, забыл всех поздравить…» Понять его отношение ко мне невозможно. Да и не нужно, — Бог с ним! Считает меня дезертиром.

Спектакль прошел гениально. Жалко ребят, которых забирают в армию — Лёшку,[26] Бориса[27] и Лёню. Ужас!!!

Встретились с Лёней.

— Как ты? Была больница?

— Это в прошлом. Живучая я.

— А ты похудела… но ты же хотела.

— Да, но не так А, правда, говорят…

— Да. Скоро.

— Где?

— Далеко. Я тебя найду.

Потеплело. Перевесила пальто, — наверное, обидела.

Антохин В. М.[28] увез З. на вокзал, потом пили у его девушки.

24 апреля

Весь день тоска жуткая: где? как? о чем? Надо уезжать в Звенигород. Что опять со мной, Машка?

1 мая

Да здравствует 1 Мая.

Во-первых, впервые кашлянула и пополам не сломалась, во-вторых, прыгнула и не рассыпалась, в-третьих, чихнула и не упала в обморок. Чего же больше сейчас желать от жизни? Болеть иногда полезно. Успела прочитать много хороших книг.

У меня ощущение надвигающейся радости. Что-то должно случиться.

2 мая

Театр: у Марьи — плохая полоса. Господи, помоги ей. Надо ее ободрить.

Л. подошел, поздоровался.

РУЗА

Грибная сырость. Радостно. Горблюсь над шишками. Нежность ранней травки. Нашла муравейник, значит, будет не скучно. Поклонилась нашему с Ленкой[29] месту, где рождались воздушные замки с принцами.

Проводил З. до Рузы. Живу в номере 13. Значит, все будет хорошо.

Ходят бабушки-ладушки, и льет не очень-то гостеприимный

дождь, а я в туфельках на босу ногу. У солнца роман с вербой, чуть выглянуло и осыпало ее бриллиантами. Она стоит и воображает…

Проорал петух, и я окунулась в Павлово-Посадское детство, где меня заклевывал засранец-петух.

Сегодня не будет душа, где-то что-то прорвало. Надо бы продлить путевку, — в театр почему-то не тянет.

Машуленька, я думаю о тебе. Все образуется, миленький, обожди, все равно с нами Бог!

5 мая

(Вырваны страницы.)

_____

Звонила Марья, — скучно-одинокий голос. Пришел в гости Юра Смирнов,[30] поговорили.

Комнатка. На столе — Денечкина фотография. Сын задумчивый. Любит музыку, остервенело дразнит домашних. Самолюбивый и ранимый предельно. Кто-то из тебя вырастет? Маленький, так неспокойно за тебя. Нельзя заниматься физкультурой? Будешь! Будешь плавать, бегать, прыгать и плевать на врачей. А главное, мечтаю свозить тебя на море, ты полюбишь его на всю жизнь, и расскажу про моих лошадей, о которых знаю только я одна.

8 мая

Ходила на свидание к корове за молоком.

9 мая

Впервые почувствовала угрызения совести. Папочка, прости меня, прости за то, что редко о тебе вспоминаю, прости за неразбуженную память.

Перед завтраком встал мужчина, весь в орденах, и поздравил сидящих в зале с праздником. Горло будто перетянуло чем-то, горько стало и — слезы… За столом сидят 5 человек, двое плачут, — я и соседка напротив: у нее, наверное, погиб муж…

Много орденов. И чувство страшной виноватости, и хочется перед этими людьми встать на колени и просить, долго просить прощения.

Прости, папа.

Оказывается, воздух Рузы вреден для моего сердца. Теперь понятно, почему не вылезаю из кикимор, страшна, как Яга. Какой сейчас театр? Напугаю зрителей, никакие гримы не помогут.

11 мая

У Иваненко[31] — плохие дела. Нехорошо прошлись по ее адресу.

Осталась обыкновенная жалость к нам, к женщинам. Все не так, как нужно, почти у всех. Что за жизнь! У Машки, оказывается, на «Зорях»[32] сорвался трос, и она плашмя упала на сцену. Сейчас болит голова. Недаром в Рузе было нехорошее предчувствие.

Я в Москве. Пришла в театр, обрадовалась девочкам.

В гримерную вошел Лёня. Смущается, как ребенок.

— Здравствуй.

— Здравствуй.

Улыбается хорошо, счастливо, дольше, чем нужно, смотрит

(Ушел.)

— Что это? — спрашиваю.

— Ты что… Лёнька жутко в тебя влюблен. (Делаю удивленные глаза.) Между прочим, когда тебя не было, он ни разу не зашел к нам в гримерную.

Собрание коллектива, чтобы заслушать претензии пожарника к нам, артистам.

Нет, эту речь нельзя не записать! Жаль, что не было камеры.

Речь пожарника Николая Павловича (запись с диктофона):

Я хочу еще раз напомнить о культуре быта. Я с этими рычами выступаю на каждом собрании, но рызультаты пока не видно глазом. Хоть бы для того, чтобы не выступал я, поправили этот вопрос. Вот вчерась на обходе помещения, что я засею волос настрыган, женский, настрыган волос у женщин в гримерных и везде разбросан, по-моему, сознательно, настрыган и разбросан нарочно! Волос преимущественно черный, отсюда вывод: брунетки безобразничали, их у нас несколько, можно легко установить, кто это наделал. Бывает, когда в супе случайно волос попадает, даже свой, и то я уже не могу такой суп есть, в унитаз его сношу. А тут в таком количестве — женский волос… в культурном месте.

Товарищи! Стрыгитесь в одном месте.

Второй пункт — курение. С курением у нас очень плохо. Немного, правда, легче стало — Клим ушел (Климентьев). Тот не признавал никаких законов, курил, где хотел, и не извинялся. Теперь Клима нет, но его заменили, как по призыву, несколько, в том числе Маша Полицеймако. Я не понимаю таких женщин. Женщина — такое существо! И вдруг от нее при целовании будет разить табаком, да как же тогда ее любить прикажете… А Маша курит много и всюду нарушает правила безопасности. Как только ее муж терпит, ее курение? Между прочим, он у нас работал пожарником и работал неплохо.

На собрании больших пожарных г. Москвы было сообщено о пожарах в количестве 500 штук, по анализу причин загорания — от курения. Часто загорания начинаются в карманах: курит в неположенном месте, меня увидит и в карман папироску — и горит потом целый театр или того лучше — завод.

Товарищи! Партия призывает нас к бдительности в сбережении социалистической собственности. За последние два дня полетело от безобразий братвы — артистов — четыре стула по 42 рубля, четыре урны фаянсовых. Вопиющее безобразие наблюдалось в четвертой мужской комнате: переработанный харч в раковине, и это засекается мной не первый раз. Напьются, понимаешь, до чертиков и не могут домой донести, все в театре оставляют. Уборщица жалуется, убрать не может, ее самуё рвать начинает.

Предупреждаю! Кого засеку с курением — понесут выговорешники тут же, а в дальнейшем буду вместе с Ефимом Филиппычем неутомимо штрафовать преступников, а на вас,

товарищ Глаголин (предпарткома), я удивляюсь, вы не партийную дудочку здесь затевали.

_____

Попробовали бы драматурги сочинить такую речь…
Она забавляла нас не один день…

13 мая

Сон. Целовалась с З. — быть ссоре.

_____

Два спектакля «Час пик». Тяжело. С непривычки здорово устала. Ничего уже мне не нужно. Инерция. Обещано письмо.

_____

(Зачеркнуто.)

17 мая

Вчера отправила маму с Дениской в Палово-Посад на 3 месяца.

18 мая

Спектакль «Товарищ, верь!». Начало. Пробегает мимо, никаких знаков приветствия. Веду себя так, будто меня это вовсе не занимает. Прибегает. Предложил сигарету.

Л.: — Ты изменилась по отношению ко мне, — я чувствую.

Я: — Нет, ты ошибаешься, хорошо отношусь к тебе.

Губы клюнулись в щеку…

По-моему, это проявление нежности меня нисколько не возбудило, но я улыбалась.

— Я рад сегодня, счастлив, что ты ко мне сегодня другая.

— Тогда играй гениально.

Играл действительно гениально.

Вру сама себе. Я счастлива, и меня к нему страшно тянет. Во время спектакля подходил уже совсем счастливый.

— Я сегодня играл для тебя, — ты слышала?

— Слышала. Я все слышала.

Завтра ровно год со дня нашего рождения —

19 мая.

Письмо Лёни мне:

«21 мая, 1973 год.

Любимый мой!

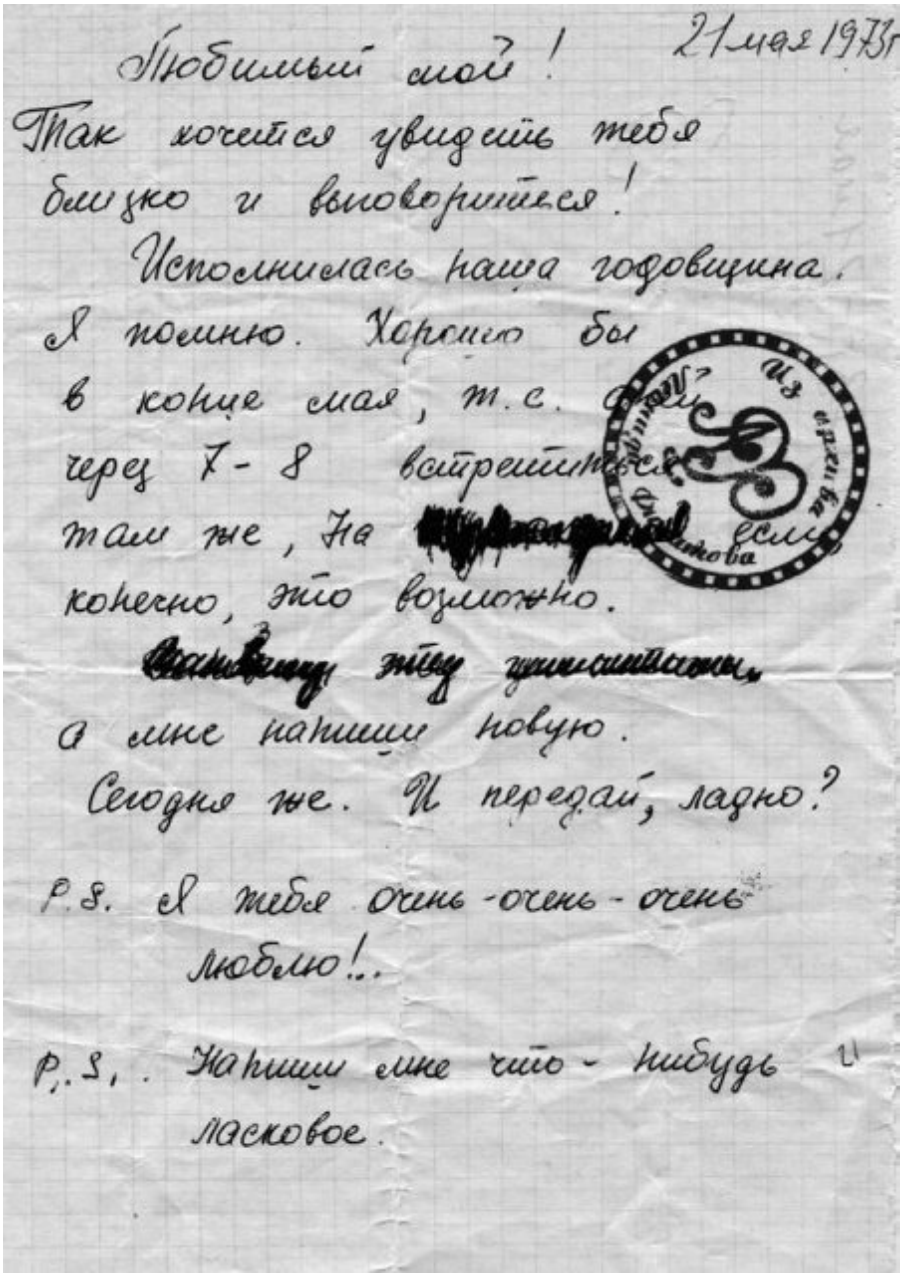
Так хочется увидеть тебя и выговориться!

Исполнилась наша годовщина. Я помню. Хорошо бы в конце мая, т. е. через 7–8 дней встретиться там же. Но если, конечно, это возможно…

…а мне напиши новую. Сегодня же. И передай, ладно?

P. S. Я тебя очень-очень-очень люблю!..

P. S. Напиши мне что-нибудь ласковое».



Любимый мой! 21 мая 1973г

Так хочется увидеть тебя
близко и выговориться!

Исполнилась наша годовщина.
Я помню. Хорошо бы
в конце мая, т.е. [redacted]
через 7-8 встретиться.
там же, на [redacted] если
конечно, это возможно.

[redacted] а мне напиши новую.
Сегодня же. И передай, ладно?

P.S. Я тебя очень-очень-очень
люблю!..

P.S. Напиши мне что-нибудь
ласковое.

Вера Гладких:[33] «Видела тебя во сне, но не пугайся: хорошо видела. Ты целовалась с З.».

«Привет. Это к ссоре». Господи, не много ли поцелуев с З.?

Действительно, мы поругались.

— Верушка, прошу тебя: завязывай со снами, надоело быть героиней в твоих снах.

Панически боюсь снов. Сон перед операцией, — под выходной. Подошла Гладких: «Я тебя плохо видела во сне: ты была абсолютно голая и бритая, но не волнуйся: сон до обеда. Потащила З. в „Каму“, чтоб успеть до обеда, но страшно захотелось курицы, которой там не оказалось. Купили в магазине, и уже в лифте мне сделалось плохо».

Вчера на спектакле понравились З. и Л. Лёня гениально играл, а в финале — «…тоска какая!» зал вымер. Скажу, обрадую.

О приметах.

Зеркало, упавшее 17 февраля, а 23 февраля — «как будто уже что-то есть такое, а мы еще не знаем».

12 апреля — операция.

28 мая

Машка, говорят, прекрасно репетирует Кабаниху — умничка! Алла[34] не понравилась…

Нужно звонить Т. Додиной.

29 мая

У З. — травма душевная — не дают заслуженного «заслуженного». Это, очевидно, обидно, посвящая работе жизнь и делая из нее кульбит.

30 мая

Позвонить Татьяне Горбуновой.[35]

В гости — к Дениске. Милый, славный, нежный сын. Мама рассказала, что, когда, в прошлый мой приезд, простившись и опаздывая на поезд, я побежала по дороге, Денис, глядя мне вслед, печально произнес: «Как жалко маму! — и после паузы: — Обидно».

В этот раз долго не отпускал, но не плакал. Долго стояли с

бабушкой, пока я не скрылась.

31 мая

Вечер, свободный от спектакля. Дома — гости, 10 человек. Хорошо «отдохнули». Под финал — М. Ланца и Э. Пиаф. Час ночи. Отдраила квартиру, и опять тишина. З. едет из Ленинграда на Голгофу.

Сегодня на собрании зверствовал шеф: «Если еще раз повторится, Золотухин уйдет из театра!» То же самое о Бортнике и Антипове. С актрисами разговаривает в непозволительном тоне. Оскорбительные слова в адрес Демидовой в ее отсутствие. После собрания к нему в кабинет пришла Марья по каким-то своим творческим делам. Не дослушав ее, повернулся к ней задницей. За журнальным столиком сидел Дыховичный, пил чай, и они стали продолжать прерванный разговор.

Ночью, когда открыт балкон и слышна тишина, хочется увидеть звезды. Их — нет.

Ю.П. внушает мне отвратительные чувства, и ничего не хочется понимать и оправдывать. Не хочется… работать!

Зритель — единственный, который не дает театр назвать постоялым двором…

«Наберу половину новой труппы взамен нерадивым артистам!..» — кричали ненавидящие глаза. Я не припомню, чтобы Ю. П. за праздничным столом после очередной премьеры поднял тост за своих артистов, не помню. Не было такого.

Наберешь и проиграешь. Никто из молодых артистов не будет выболен твоей болью, не будет повязан общими неудачами и радостями, как твои старые артисты. Пробросаешься и останешься один, и никто тебе не споет Кузькина[36] в твой… час, когда тебе будет плохо. Ты останешься один, будешь взывать, но

тебя никто не услышит.

2 июня

Сегодня! Ради этих дней живешь. Что делается со мной — не знаю. Нежность. Нежен. Тоска…

3 июня

Шампанское продиктовало письмо-записку:

«Милый, нежный друг мой, много на бумаге не объяснишь, и, я думаю, этого не нужно делать. Меня бы очень огорчило, если бы ты отнесся к этой записке, как к бреду настроения. Как знать, может быть, мне суждено жалеть об этом, но все же обстоятельства и невозможность вырваться из общего круга заставляют нас оставить друг друга. Ты — умный, добрый и все поймешь. Меня с тобой связывает более нежная привязанность, чем ты себе можешь представить, поэтому не думай, что решиться на это мне просто. Я в отчаянии, но любовь подобного рода стала для меня пыткой. Уверена, что и для тебя — тоже. Разве не пытка — чувствовать, что ты помрешь, если сейчас же не увидишь любимого человека, а его — нет и еще много-много дней не будет. Я люблю тебя, и это со мной, и этого у меня никто не отнимет, но что-то, мне дорогое, ушло. Ничего не надо выяснять. Я это сделала за нас обоих, — доверься мне…»

Два тяжелых спектакля. Вечером еле доиграла. Такая тоска. Убежать бы куда-нибудь и выплакаться. Весь второй акт изображаю веселость — глупо. Он — грустный.

Дома с З. уговорили бутылку коньяка. Обсуждались половые проблемы.

4 июня

Рынок Еду к маме и к Дениске в Павлово-Посад. Послезавтра

день его рождения — 4 года. 3. носится по магазинам.

5 июня

Целый день с Денечкой. Пруд. Лошадка-хулиганка и испуганные глазки сына. Ах, как здесь хорошо! Деревня умиротворяет… И — запахи! Вот оно — настоящее! Но чего-то не хватает.

Зайчик в каком-то раздрызге душевном. Жуть, как жалко. Какое-то щемящее чувство к нему. Хочется обогреть, но все — против: проклятая мозоль, нет обеда. Погоню сдать белье. Все не так.

Как никогда, я вне всяких дел. По правде, всякая деятельность вызывает у меня отвращение. Не хочется никаких развлечений, и трудно сказать, что меня может сейчас заинтересовать. Наверное, ничто. Усталость — до мозга костей. Духота действует на нервы. Лёня умоляет о встрече. Расчет мой на серьезное прочтение записки провалился. Господи, помоги выстоять. Как же тяжело. Как трудно бороться с любовью. Впереди — лето, ее суета, надеюсь, задавит, проглотит тебя, меня со всеми нашими переживаниями.

_____

Глупо жить в разлуке, когда люди любят друг друга, когда их связывает такая непосильная любовь.

_____

— У меня накопилось много противоядий. Сейчас расставание не принесет мне тех страданий, которые могли бы быть раньше. Сейчас будет все гораздо проще, но я рассчитываю все-таки на поддержку с твоей стороны. Если у тебя осталась хоть капля дружеских чувств, взаимопонимания, ты не станешь меня мучить и прекратишь какие бы то ни было выяснения. Я умею забывать тебя или нет, — могу не страдать, когда тебя долго нет рядом. Но когда ты рядом с твоим непониманием ситуации «родненький, что происходит между нами? Я жить не могу без тебя…» — это тяжело. Мало удовольствия от твоих заявлений — «мне удобно во столько-то, сейчас могу, потом — нет» и т. д.

Скучно все это и вызывает у меня нехорошие эмоции. Жаль,

что отношения дошли до такого уровня говорильни. Знаешь, когда мне нужно остудить себя, я заставляю себя вспомнить некоторые эпизоды из нашей жизни. И вот такие мелочи, как под Новый год — с письмом, когда ты мне отказал в чью-то пользу, когда тем летом обещал и не написал ни единого письма, а я ждала и, что совершенно неожиданно…

_____

……
……

_____

Помнишь, о чем мы договаривались, когда разъезжались?.. Ты хотел, чтобы я осталась одна… Ну, это прошлое. Сейчас отношения качественно другие. И опять тот же вопрос: зачем, Лёня? Пусть не сразу, но все в конце концов забывается, забудется и это. Чувства, которые еще существуют, нужно и должно подавить. Потом мы оба не простим себе наших длиннот.

_____

Шесть дорог в трамваях, шесть счастливых билетов и — потерян зонтик.

21 июня

День рождения З. Трезвый: месячник у него.

22 июня

Еще не вечер. Кремье «Когда умирает любовь» …И чего-то жаль.

Письмо Лёни ко мне:

«Милый!

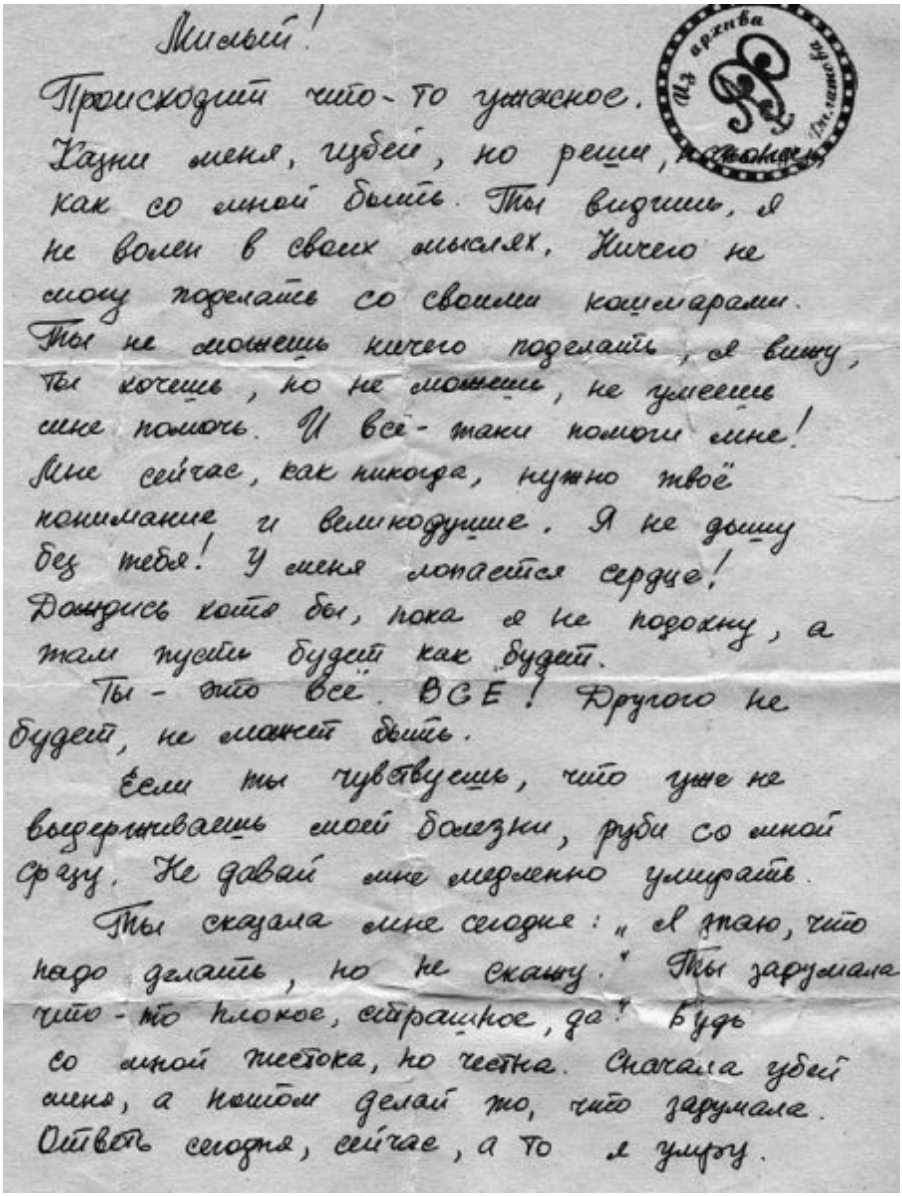
Происходит что-то ужасное. Казни меня, избей, но реши, наконец, как со мной быть. Ты видишь, я не волен в своих мыслях. Ничего не могу поделать со своими кошмарами. Ты не можешь ничего поделать, я вижу, ты хочешь, но не можешь, не умеешь мне

помочь. И все-таки помоги мне! Мне сейчас, как никогда, нужно твое понимание и великодушие. Я не дышу без тебя! У меня лопается сердце! Дождись хотя бы, пока я не подохну, а там пусть будет, как будет.

Ты — это все. ВСЕ! Другого не будет, не может быть.

Если ты чувствуешь, что уже не выдерживаешь моей болезни, руби со мной сразу. Не давай мне медленно умирать.

Ты сказала мне сегодня: „Я знаю, что надо делать, но не скажу“. Ты задумала что-то плохое, страшное, да? Будь со мной жестока, но честна. Сначала убей меня, а потом делай то, что задумала. Ответь сегодня, сейчас, а то я умру».


Милый!

Происходит что-то ужасное. Хвали меня, губей, но реши, наконец, как со мной быть. Ты видишь, я не волен в своих мыслях. Ничего не смогу поделать со своими кошмарами. Ты не можешь ничего поделать, я вижу, ты хочешь, но не можешь, не умеешь мне помочь. И все-таки помоги мне! Мне сейчас, как никогда, нужно твоё понимание и великодушие. Я не дышу без тебя! У меня лопается сердце! Дождись хотя бы, пока я не подохну, а там пусть будет как будет.

Ты - это всё. ВСЁ! Другого не будет, не может быть.

Если ты чувствуешь, что уже не выдерживаешь моей болезни, руби со мной сразу. Не давай мне медленно умирать.

Ты сказала мне сегодня: „я знаю, что надо делать, но не скажу." Ты задумала что-то плохое, страшное, да? Будь со мной жестока, но честна. Сначала убей меня, а потом делай то, что задумала. Ответь сегодня, сейчас, а то я умру.

27 июня

Назойливая нежность. Да что же в самом деле со мной? Становлюсь мазохисткой. Хочу ненавидеть! Не люблю… Взорвать! Ну и что? Все вранье!!! Прогон Островского.[37] Как жаль, что я не в спектакле. Хороший спектакль, и молодцы ребята.

Поссорились с З. серьезно. После 12 ночи пришли Т. Лукьянова с друзьями на 2 часа с его разрешения. Наутро не разговаривает. Я извинилась за ночное, но он, удобно для себя, отключил память и через день написал записку — «А дело заключалось в том, чтобы наутро сказать: „Извини!“ На копейку самолюбия».

Позавчера после спектакля «Товарищ, верь!» З. ушел как будто бы к Бурляеву[38] и пришел очень поздно. Вчера весь день его не было дома и не пришел ночью. Использовал ссору. И ведь тоже — сердечные дела. Дай бог ему здоровья.

Увидеть Шагала.

Около 1 часа — к Галке Орловой.

28 июня

Весь вечер было плохо. Ненавижу себя, но я люблю!!!

29 июня

До рева — плохо. Вечером поехала к Галке, которой не оказалось на месте. Просидела 2 часа, оставила записку с настоятельной просьбой прийти ко мне.

30 июня

С 9-30 до 10.30 у меня — Галка. Немного успокоилась. Вечером «Послушайте!».[39] Вдруг — человек и на «вы»:

— Здравствуйте.

1 июля

«Час пик» — утром. Грустный Лёнька. Вечером не выдержала, пришла в театр. С Т. Ж.[40] спели «Вальс при свечах». Что ж,

может, получится, уже прилично. А с З. П.[41] пели превосходно.

Неймется мне. Тоска. Дома ничего не греет. Слоняется З. Почему мы не разошлись? Почему он не уходит?

9 июля

Я одна дома. Звонок в дверь. Открываю — Лёня.

— Родная моя, я на секунду. Ты уезжаешь, — куда тебе писать?

— Все равно не напишешь…

— Напишу.

— Как в том году?

— Поклянись, что никому не скажешь, ради твоих и моих будущих детей.

……

……

— Если бы не ты, я бы повесился. Дома чуть не дошло до развода, крупно наговорили друг другу гадостей. Она все время взвинчена, жалуется, что отощала и совсем старая стала.

— Извини, ей нужен ребенок, — успокоится.

— Нет…

……

……

— Через 10 минут уйду.

Грустно, но слов нужных нет. Постояли. Какая страшная фраза: «Ради моих будущих детей».

…Как противно затошнило…

Я: — Я мешаю тебе?

Л.: — Это после всего, что я сказал? Ты презираешь меня за трусость?

Я: — Немножко.

……

……

— Тебе куда писать?

— Не нужно.

— До встречи.

И так просто ушел. Про себя — «прощай» и — «не уходи».

Бедная Машка. И у ней не так все просто.

Конец сезона. Через 3 дня — Сухуми. Дома приделала занавес из бамбука. Чувствую себя одиноко. Хоть бы З. приезжал, что ли.

Прибежал Лёнька за своими рукописями. Искала — не нашла. Пригласила пройти в комнату, — отказался: спешил куда-то.

Как я люблю своих друзей! Господи, огради их от бед, от всяческих несчастий. Дай им мир, и пусть им будет уютно в этой жизни. Счастье, что у меня есть настоящие друзья.

13 июля

Я в Павлово-Посаде с мамой и Денисом. Обещала обратно в Москву приехать поздно, но приехала, как в анекдоте, раньше. Дверь в квартиру — настежь. За столом — огромная девица. На столе — бутылка вина, бокалы и коробка конфет

Я: — Журналистка?

Она молчит.

Золотухин: — Нет.

Я: — Кто она?

З.: — Аленушка, ты кто?

Она (пожимает плечами)

Я: — Вы что тут делаете?

(опять плечи)

— Пришли по делу?

З.: — В гости, Я: — Откуда она взялась?

З.: — С телевидения. Вот зашла.

Картина Репина «Не ждали». З. бегал за водкой, оставив ее одну дома. Мама пришла бы в ужас. Как окатило грязью. Стыдно сказать, как я со всем этим разобралась. З. был пьян вдребезги. Раненую амбал-девицу «проводила» до лифта. По-моему, чем-то разбила ей голову.

Золотухина штурмует любовными письмами К.

14 июля. Пятница.

Я в Сухуми с запиской Олега К[42] главврачу с просьбой о моей опеке. От природы русая, сейчас я блондинка. В

понедельник отправлюсь на турбазу, а сейчас 3 дня я вынуждена буду ночевать в доме для гостей, что стоит около железнодорожного вокзала. Опекали так, что не знала, как унести ноги. Страшно выйти из дома, замуровала себя: закрыла окна ставнями, выключила телефон, телевизор. Тишина. Кромешная тьма, и только в туалете — солнце. Туалет — огромный, и высоко — окно. Это моя «прогулочная» комната. Ночью читаю молитву: «Защити меня, Господи, силою честного и животворящего своего креста, и сохрани меня от всякого зла».

В понедельник утром вдруг слышу, как кто-то поворачивает ключ в замке. Замерла, про себя в который раз читаю молитву. На улице — жаркое солнце, людская суета, а у меня в доме — мрак, и я во мраке. Жду. Медленно открывается дверь и — услышал меня Господь — входит женщина (уборщица). Увидав вдруг возникшую меня из темноты, — испугалась. Быстро объяснив ей, кто я и почему здесь, оставила записку, не забыв поблагодарить хозяев за три дня «отдыха». И наконец-то, стряхнув с себя трехдневный страх, вышла в мир, к людям. От слепящего солнца заболели глаза. Я знала, что в Сухуми где-то отдыхает моя подруга Лена Виноградова, с которой еще в Москве мы договорились обязательно здесь встретиться, для чего я должна была с турбазы послать ей телеграмму. Значит, в любом случае я еду на почту. И сейчас, сев в автобус, я мечтала: «Вот если бы я вдруг увидела Лену на улице, я бы заорала на весь автобус „Лена-а-а!“» Вдруг меня кто-то хлопает по плечу, поворачиваюсь — моя Ленка! Она тоже по моему поводу ехала на почту. Воображения и слов не хватит, чтоб описать мою радость. Это было как в сказке.

31 октября

И как год назад — дожить бы до завтра. Встретились глазами — сердце сжалось. Машка говорит, что ребятам грозит армия.

13 ноября

Неужели — в армию? Ничего не понимаю. Растерянный, безвольный. Куда-то его водят, около него всегда люди, и у меня нет никакой возможности подойти, узнать, что происходит. Сердце сжимается, когда вижу его растерянным.

Через Марью передала ему записку:

«Родной мой, не могу не проститься, пусть даже через бумагу. Мне много есть, что сказать тебе, но не теперь. Плохо мне без

тебя. Долго я оберегала тебя от этого, но сейчас я хочу, чтобы ты знал это. Я люблю тебя, и мне плохо оттого, что я ничего не знаю про нас с тобой. Буду молиться за тебя».

Ответ Лёни мне:

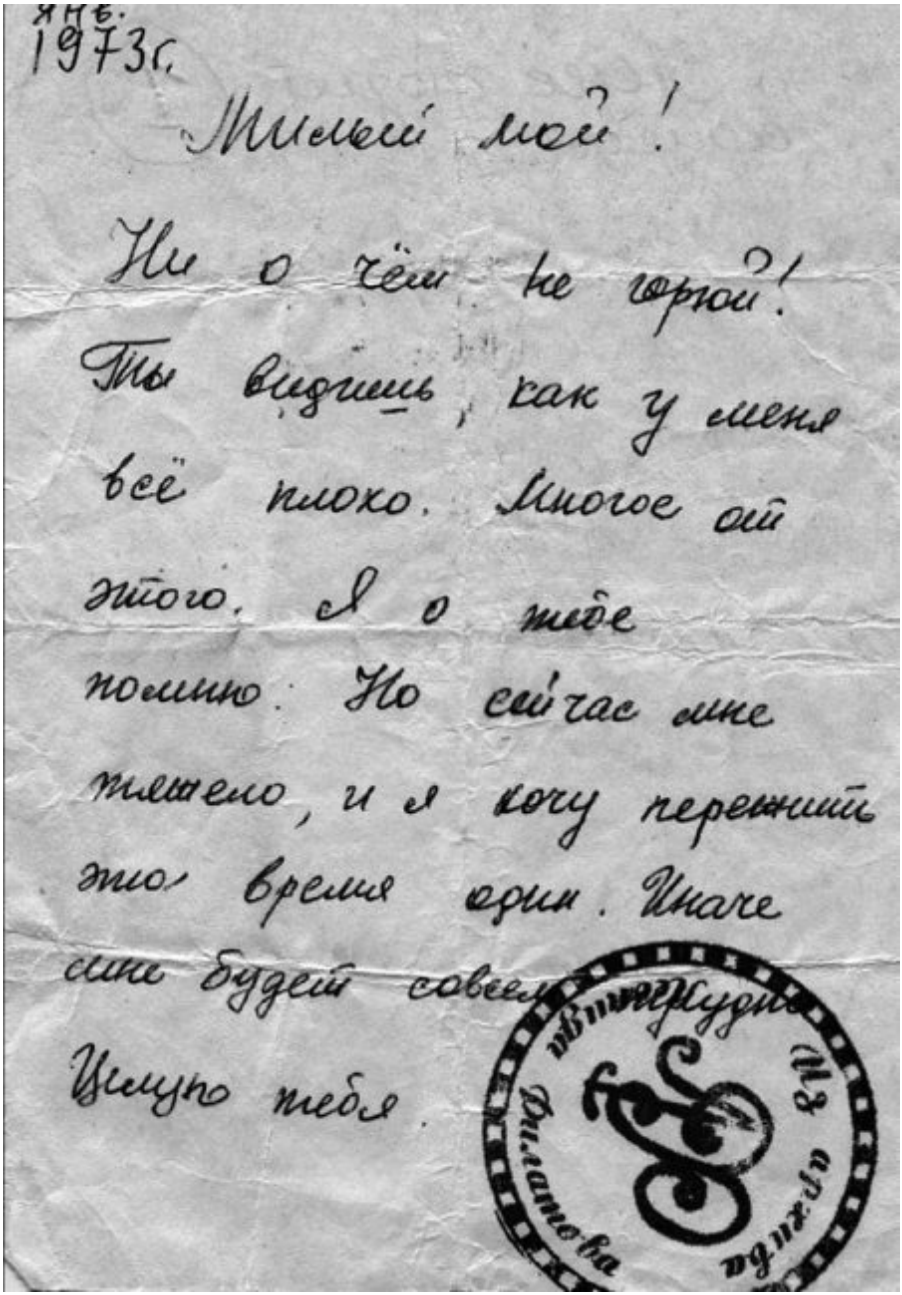
«Милый мой!

Ни о чем не горюй!

Ты видишь, как у меня все плохо. Многое от этого.

Я о тебе помню. Но сейчас мне тяжело, и я хочу пережить это время один. Иначе мне будет совсем трудно.

Целую тебя».



19 ноября

Почти неделю пребываю в неведении. Чувствую себя оскорбленной: меня от себя отстранили. Понимаю: горе и радость разделяют с женой. Я — не жена. Ну, а если ты любишь и с ума сходишь от незнания, что происходит с твоим любимым, и ты

ничем ему не можешь помочь, потому что доступа к нему нет…

(Сознательно выбрасываю стыдный, позорный мой монолог по поводу Лёниной семьи, его подруги, про то, что его «семейный партнер» лепит его по своему подобию… «бойся серости и безликости», про «борщи, котлетки, рюшки», — в общем, ревнивая гадость, которую я никогда себе не позволяла.)

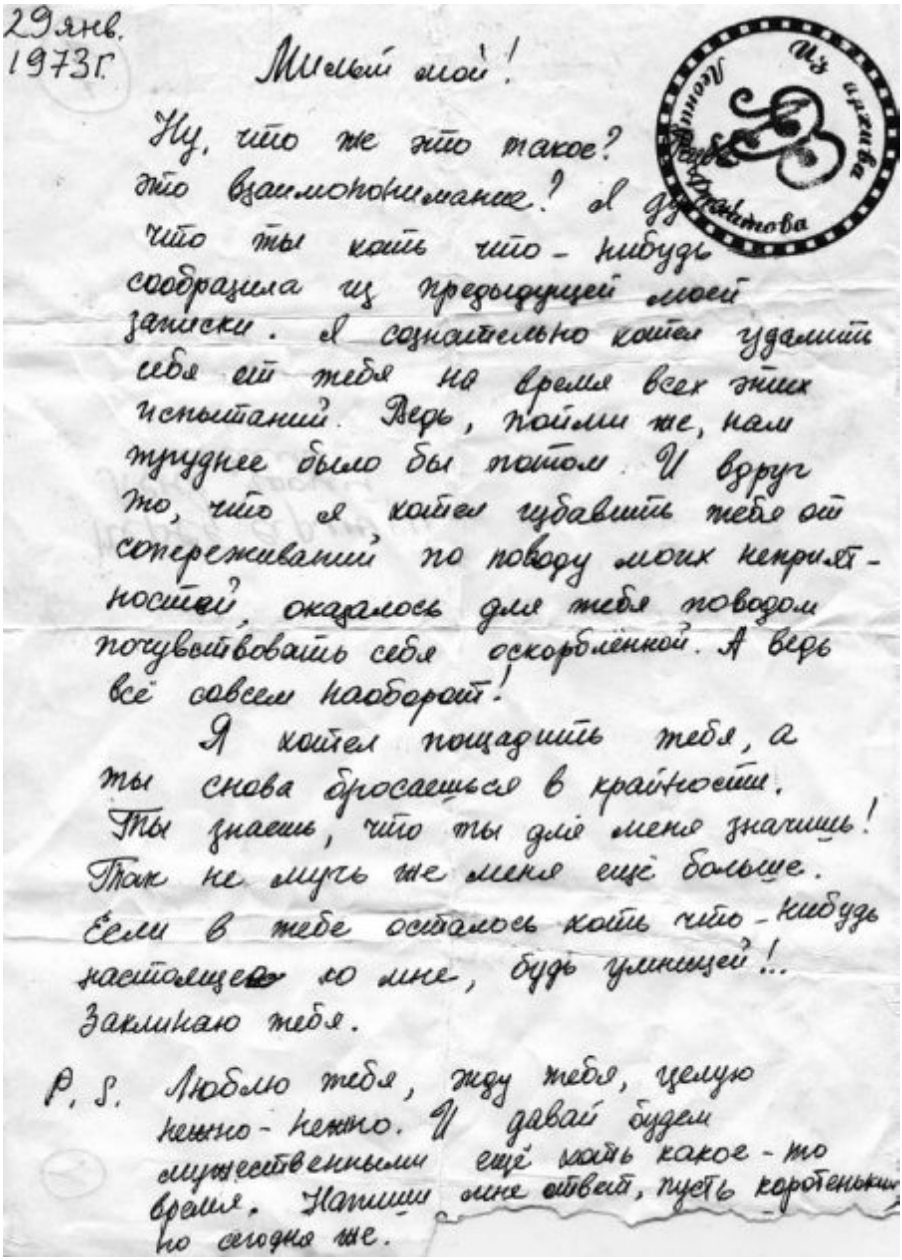
Ответная записка Лёни:

«Милый мой!

Ну что же это такое? Разве это взаимопонимание? Я думал, что ты хоть как-нибудь сообразила из предыдущей записки. Я сознательно хотел удалить тебя на время всех этих испытаний. Ведь, пойми же, нам труднее было бы потом. И вдруг то, что я хотел избавить тебя от сопереживаний по поводу моих неприятностей, оказалось для тебя поводом почувствовать себя оскорбленной. А ведь все совсем наоборот!

Я хотел пощадить тебя, а ты снова бросаешься в крайности. Ты знаешь, что ты для меня значишь! Так не мучь же меня еще больше. Если в тебе осталось хоть что-нибудь настоящего ко мне, будь умницей!.. Заклинаю тебя.

P. S. Люблю тебя, жду тебя, целую нежно-нежно. И давай будем мужественными еще хоть какое-то время. Напиши мне ответ, пусть коротенький, но сегодня же».


29 янв. 1973 г.

Милый мой!

Ну, что же это такое? Это взаимопонимание? Я думала, что ты как-нибудь сообразила из предыдущей моей записки. Я сознательно хотел удалить себя от тебя на время всех этих испытаний. Ведь, поймми же, нам труднее было бы потом. И вдруг то, что я хотел избавить тебя от сопереживаний по поводу моих неприятностей, оказалось для тебя поводом почувствовать себя оскорблённой. А ведь всё совсем наоборот!

Я хотел пощадить тебя, а ты снова бросаешься в крайности. Ты знаешь, что ты для меня значишь! Так не мучь же меня ещё больше. Если в тебе осталось хоть что-нибудь настоящее ко мне, будь умницей!.. Заклинаю тебя.

Р. S. Люблю тебя, жду тебя, целую нежно-нежно. И давай будем мужественными ещё хоть какое-то время. Напиши мне ответ, пусть коротенький но сегодня же.

Из архива Вероники Долиной

20 ноября

Утром отвела зареванного Дениса в детсад. Через час — на «Бедную Лизу»[43] в ВТО. Нехороший месяц. Ползи в свой омут, плесневей.

26 ноября

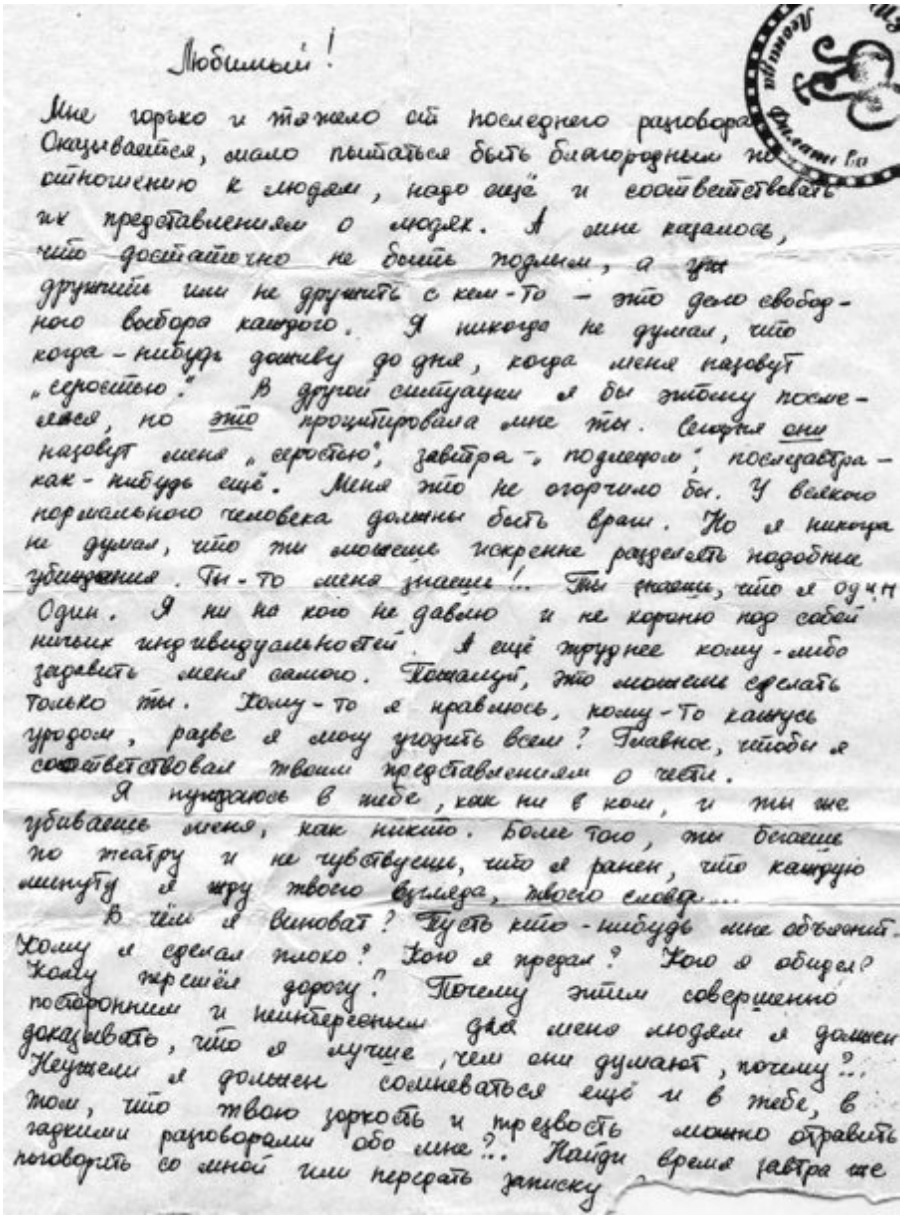
Записка Лёни:

«Любимый!

Мне горько и тяжело от последнего разговора. Оказывается, мало пытаться быть благородным по отношению к людям, надо еще и соответствовать их представлениям о людях. А мне казалось, что достаточно не быть подлым, а уж дружить или не дружить с кем-то — это дело свободного выбора каждого. Я никогда не думал, что когда-нибудь доживу до дня, когда меня назовут „серостью“. В другой ситуации я бы этому посмеялся, но это процитировала мне ты. Сегодня они назовут меня „серостью“, завтра — „подлецом“; послезавтра — как-нибудь еще. Меня это не огорчило бы. У всякого нормального человека должны быть враги. Но я никогда не думал, что ты можешь искренне разделять подобные убеждения. Ты-то меня знаешь!.. Ты знаешь, что я один. Один. Я ни на кого не давлю и не хороню под собой ничьих индивидуальностей. А еще труднее кому-либо задавить меня самого. Пожалуй, это можешь сделать только ты. Кому-то я нравлюсь, кому-то кажусь уродом, разве я могу угодить всем? Главное, чтобы я соответствовал твоим представлениям о чести.

Я нуждаюсь в тебе, как ни в ком, и ты же убиваешь меня, как никто. Более того, ты бегаешь по театру и не чувствуешь, что я ранен, что каждую минуту я жду твоего взгляда, твоего слова…

В чем я виноват? Пусть кто-нибудь мне объяснит. Кому я сделал плохо? Кого я предал? Кого я обидел? Кому перешел дорогу? Почему этим посторонним и неинтересным для меня людям я должен доказывать, что я лучше, чем они думают, почему?.. Неужели я должен сомневаться еще и в тебе, в том, что твою зоркость и трезвость можно отравить гадкими разговорами обо мне?.. Найди время завтра же поговорить со мной или передать записку».



Любимый!

Мне горько и тяжело от последнего разговора. Оказывается, мало пытаться быть благородным по отношению к людям, надо ещё и соответствовать их представлениям о людях. А мне казалось, что достаточно не быть подлым, а уж дружить или не дружить с кем-то — это дело свободного выбора каждого. Я никогда не думал, что когда-нибудь доживу до дня, когда меня назовут „серостью." В другой ситуации я бы гордился, но это прозвучало мне так. Сегодня они назовут меня „серостью", завтра — „подлецом", послезавтра — как-нибудь ещё. Меня это не огорчило бы. У всякого нормального человека должны быть враги. Но я никогда не думал, что ты можешь искренне разделять подобные убеждения. Ты-то меня знаешь... Ты знаешь, что я один. Один. Я ни на кого не давлю и не коверкаю под собой ничьих индивидуальностей. А ещё труднее кому-либо задавить меня самого. Поэтому, это можешь сделать только ты. Кому-то я нравлюсь, кому-то кажусь уродом, разве я могу угодить всем? Главное, чтобы я соответствовал твоим представлениям о чести.

Я нуждаюсь в тебе, как ни в ком, и ты же убиваешь меня, как никто. Более того, ты бегаешь по театру и не чувствуешь, что я ранен, что каждую минуту я жду твоего выстрела, твоего слова...

В чём я виноват? Пусть кто-нибудь мне объяснит. Кому я сделал плохо? Кого я предал? Кого я обидел? Кому перешёл дорогу? Почему этим совершенно посторонним и неинтересным для меня людям я должен доказывать, что я лучше, чем они думают, почему?.. Неужели я должен сомневаться ещё и в тебе, в том, что твою горечь и тревость можно отравить гадкими разговорами обо мне?.. Найди время завтра же поговорить со мной или передать записку.

5 декабря

У Лени, говорят, сотрясение мозга. Он в больнице. Взяли пункцию из спинного мозга. Господи! Спаси и сохрани его, Господи!!!

13 декабря

6 декабря был отменен «Товарищ, верь!». Я подвернула ногу, которая враз распухла. Ездила в «Склиф». Хочется репетировать…

16 декабря

Наконец-то поставили телефон. За целый день измучили его, беднягу, звонками. Накатило весеннее.

21 декабря

«10 дней…». Л. Грабе забирают в армию. Из жизни ушла М. Возиян.[44]

Лёне вернули паспорт. Армия — слава тебе, Господи! — позади, но состояние ужасное: тошнит от всего, ест плохо.

30 декабря

Весь вечер рядом — теплый, нежный, трогательный и близкий. Мой бесконечно родной! Мы счастливы!

1974 год

31 декабря — 1 января?

Новый год. Год любви, Афродиты, семейного благополучия, красной розы, тигра и т. д.

— Хороший год. Здравствуй!

Прошедший год у меня — год любви, в семье — помойка. 1974 год. Чем-то ты обернешься для меня?

В час ночи, чтоб никто не догадался — кто, — шепотом многих из театра поздравила с Новым годом и пожелала счастья.

Дни никакие. Дни ожидания. Днем втроем: я, Лёня, Марья.

Разговор нашелся, неловкость ушла. Над головой грело солнце, и была теплая радость.

Перед спектаклем «10 дней…» пришел после болезни шеф. Цвета желто-зеленого, но элегантен и красив. Похудел.

Опять «…Зори…», и опять скверно с голосом.

Весь вечер — звонки. Знаю, что Лёня. Поднимаю трубку — молчание. Грусть. Музыка. Сентиментальный Париж. Под его крышами любовь, а в любви — грусть.

Должна прийти Т. Горбунова.
Бесконечные звонки, и опять молчание.

«Послушайте». Тревожно за Марью: нехорошо плакала: «Я сломалась». Плакала мрачно, безысходно. Хочется дать немного тепла, но у кого сейчас есть время на человека? Бегаем, суетимся — зачем, куда? От суеты болит голова и ломит кости, и нет покоя. Сами с собой живем в несогласии.

У Лёни появилась «коробка», о чем мне сообщил на бегу и на бегу поцеловал: «Люблю, люблю, люблю».
Я вслед: «Я тоже, я тоже, я тоже».

У Полицеймако.
Л.: — Как живешь?
Я: — Плохо. А ты?
Л.: — Могу только лежать и читать.

Тоска… тоска. Жить невозможно — без.
Хмель[45] подарил свои ноты к песням.

7 января

Лёня лечится.

8 января

Колокольников обещал помочь с заграницей. Париж-Париж
2 часа — телефонный звонок.
27 телефонных звонков за день.

10 января

Как оказалось, мы искали друг друга. Какое счастье, что была минута, и мы могли обняться и стоять, как раньше. Он глядел мне в глаза, потом нежно прижал к себе:

— Не предавай меня, Нинча, ты плохо понимаешь мою жизнь. У меня никого не было и нет роднее тебя. Я люблю тебя. Ради тебя живу и работаю.

— Знаю.

— Я тебе говорил: у меня появилась «коробка». Родная, позаботься о времени.

А меня душили слезы, которых было так много, что они никак не могли вылиться наружу.

12 января. Руза

Пошлое времяпровождение в «Угольке»[46] (с обеда до ужина). Вечером сказано себе — «хватит».

19 января

Телефонный звонок в 8 часов 30 минут. Телефон не сработал — Лёня.

21 января

Музей. Импрессионисты. Праздник души. На спектакле — большой пир по поводу дня рождения Сеньки (Сына Семенова[47]). Продолжили в их квартире. (День рождения 12 января.)

22 января

Придет Лёнечка.
Утром помирились с З.

_____

Лёня специально пришел ко мне на 20 минут — счастливый.
Л.: — Ты, наверное, нет?
— Да-а-а.
— А я — очень! Очень! Очень!
Допустилась небольшая шалость.

_____

По дороге домой из трамвая увидела Лёню, выгуливающего свою любимую собачку — Муську.

23 января

Прекрасный вечер с Денькой. Букваринск. Читает слова из четырех букв. Дирижировали 40-ю симфонию Моцарта, «Реквием», узнали букву «Р». Читали Чуковского, рисовали картинки к словам. Нам было весело.
Звонили Валерию.

23 января

В театре — плачущая Иза. Откровения. Репетиция «Деревянных коней».[48] Я пришла в 9 часов готовая. Как пришла, так и ушла. Атмосфера бардачная. 5 минут — репетиции и 20 минут — на выяснение отношений. В зале сидели шведы, но в конце репетиции — «спасибо».

Лёня затащил меня в пустую гримерную, и мы целовались. Нам можно было позавидовать. Так смотреть друг на друга и любить можем только мы.

24 января

Письмо Лёни мне:

«Вчера мне было спокойно и легко. Сегодня уже тревожно. Сегодня уже начался завтрашний день. И сегодня уже необходимо увидеть твои глаза, чтобы понять, что я для тебя существую. Осталось восемь часов до того, как я тебя увижу.

А потом я еще смогу побыть один какое-то время.

Сейчас я тебя представляю до последней черточки. И знаю, что никого кроме тебя у меня нет.

Целую твои глаза, губы, шею, люблю тебя. Без тебя плохо, неуютно, скучно».

27 января

Во время спектакля с Тайкой — к буфету. Мой день ангела театр отметил выговором.

30 января

Золотухин — выступление в Политехническом. Вечером поедет к К. в Ленинград.

31 января

Вечер. Дворики. — Ты самая большая моя удача в жизни.

И белый снег, и подворотня с силуэтами. Снег тает от горячего дыхания. «Любимый», «любимая», «Нинча моя», «дорогой

мой». Я и Лёнечка. Мы крепко держим друг друга.

Чуть-чуть расконтактились с Марьей. Собраться бы!

1 февраля

Демидовой в понедельник — принести шмотки.

15 февраля

Под руководством Макса Брегера — «Моя прекрасная леди». [49] Сладкое ощущение счастья — вот настоящее искусство.

7 марта

«Жизнь Галилея».[50] Ссора с Лёней.

Быстро подошел ко мне: «Я не хочу больше с тобой дружить». И убежал. Господи, что это с ним? И что за пионерское заявление? Ничего не понимаю. Почему? — загадка. Всю ночь не спала, но выяснять не буду.

9 марта

Звонки. К телефону не подхожу Вечером мне передают записку:

«Милый мой!

Прости, если сумеешь. Вынужден царапать эту жалкую писульку, потому что боюсь непоправимого. Как же мы друг без дружки? Сразу же возникает какая-то тяжесть внутри. Это как ностальгия.

Объяснить свой поступок я в записке не могу, если позволишь, объясню позже. Знай только, что я принадлежал и принадлежу только тебе — вот единственная правда. Нервы на взводе, и трудно все разложить по полочкам.

Не знаю, нужен ли я тебе. Боюсь, что нет. Но ты мне нужна. И сейчас речь идет уже не о твоем отношении ко мне, но о самом обыкновенном милосердии.

Я буду ждать твоего приезда из Рузы. Верю, что все образуется. Только не хочу никакой беды, слышишь? А то я просто не смогу дальше жить. Нацарапай мне хотя бы два слова……

Еще раз прости. Люблю… Жду.»

Незачем писать и стараться чего-то поправлять.

«Час пик». Подошел после спектакля. Прошу отложить разговор после Рузы.

— Спасибо. Если бы не сказала… Больше бы ты меня не увидела…

Руза

Альферавичуте,[51] Иван,[52] Фелька,[53] я. Феля пил горькую, тяжело — себе, пытка — окружающим. Выпила 50 грамм. Вечером фильм «Генералы песчаных карьеров».

Сплю, гуляю, читаю. Фелька вечером бросает нас ради сауны. Втроем — с Иваном и Галкой. Иван хохмит — весело.

Фильм «Молодой Хуарес» — жуть.

14 марта

Вечером фильм «А вы любили когда-нибудь?» — «Ленфильм». В эпизоде — Машка.

Села на диету Высоцкого (?) — 2 бутылки шампанского. Вечером ела за троих, точнее жрала.

16 марта

Мой день рождения (настоящий день рождения 17 марта).

Спектакль «Товарищ, верь!». Шел плохо из рук вон. Общались с Лёней. Радость: «Если бы не сказала, не стал бы жить».

А днем — «Танька-пантомима»[54] с открыткой. На обратной стороне:

«Нинка! Ты права: ничего нет лучше и добрее лошадей и зоопарка! Они приносят счастье, и эта ежиха будет твоим талисманом. Это кусочек меня. А я желаю тебе только хорошего и доброго! Целую! Поздравляю!»

20 марта

Отпустили в Одессу.

Л.: — К морякам?

Я:-Да!

Л.: — Не отпущу.

Я: — Я морально устойчивая. (Как посмотреть.)

Л.:-Да?

Я: — Ага.

Пришла на репетицию. Уходя, пококетничала и послала ему воздушный поцелуй.

22 марта

В гостях у Галки Грачевой и Матвея Ошеровского.[55] М.А. — замечательный. Завтра — генеральная репетиция «Левши».

29 марта

Дом звукозаписи. Записали с Высоцким две песни к к/ф «Контрабанда». Красивое танго «Белая мадонна» о любви двух лайнеров. Слова написаны Володей, как будто о нас с Лёней. Она его всю жизнь ждала, и, когда он стал никому не нужным, старым, поржавевшим, тогда с ним — «встала рядом белая мадонна». Запись получилась хорошая. Володя был галантен, выдвигал меня поближе к микрофону. В общем, все были довольны. Вторую песню «Сначала было слово» Володя должен был петь один, но передумал и предложил эту песню опять спеть со мной.

— Володя, я же не знаю ни мелодии, ни слов.

— Ерунда. У тебя в руках будут ноты со словами.

И потащил меня к фортепьяно, где я прослушала мелодию. Короче, и эту песню мы записали.

Вечером перед спектаклем встретились с Володей неожиданно под сценой. Лукавый. Начал было что-то, но осадил себя: «Нельзя: Валерий мой друг». Смешно. Потом: «У нас получилась замечательная запись, красивая. И, вообще, у нас с тобой хорошо сливаются голоса. Давай, сделаем с тобой пластинку?»

«Давай» — убегая, ответила я. Была озабочена совсем другими делами.

5 апреля

Опять письмо К. — Золотухину с ее «трахнуть», «спать с тобой не буду». Ушел бы к ней З., что ли. Звонок Лёни. Нежность. Какое-то наваждение. Не могу не думать о нем, тянет к нему. Когда нет рядом — тоска, хоть вой, и некуда себя девать. Ничего с собой поделать не могу. Никогда у меня не получится забыть его.

7 апреля

Ужасная, позорная со мной произошла история. Утром — спектакль «Тартюф». После спектакля Лена В.[56] привела своего возлюбленного для знакомства. Я должна была дать ему оценку. Дала оценку положительную, показав большой палец. Уговаривают на полчасика в ближайший ресторан «Поплавок». После долгого сопротивления все-таки согласилась. И мы дунули. Там выпили за них шампанское. И здесь я погорячилась: мой пустой желудок вдруг взорвался очумелым весельем. Час, второй, на третий — дом уже не вспоминался.

За соседним столом заинтересовались моей особой: «Как Вас зовут?» — «Роза». — «Где работаете?» — «На „Трехгорке“, а по вечерам — у трех вокзалов», — так я себя развлекала. Как потом оказалось, сосед был приятелем Тани Лукьяновой, который только что посмотрел спектакль «Тартюф» с моим участием.

Кончились посиделки в ресторане на Ленинском проспекте:

прокутили деньги в «Поплавке», поехали занимать деньги к какому-то знакомому, жившему на Ленинском. Мы в ресторане «Спутник». В зале — депутаты, у них в эти дни проходил съезд. Наш столик — ближайший от оркестра. Заиграли мелодию из фильма «Генералы песчаных карьеров». Ностальгия. Начиненная самыми чистыми чувствами, несмотря на отговоры друзей, пошла к сцене, нежно попросила сыграть еще раз, присев на край сцены. Заулыбались и стали играть, а я растворялась в музыке, думая, конечно же, о нас с Лёней. «Вы что тут расселись? Идите на место!» — какая-то неряшливая тетка схватила меня за рукав. Тетка не знала, что затронула «святое», и мой монолог навзрыд на весь ресторан про несовершенство российское и человеческое кончился в милиции, где и продолжился мой моноспектакль в присутствии нескольких стражей порядка. Сцена со слезами и соплями: «Если бы у меня был пулемет, я всех бы вас здесь перестреляла…» — вспоминать тошно. Потом, вдруг угомонившись: «Я, наверное, неважно выгляжу — у вас нет тут какого-нибудь зеркала?» Подвели к разбитому осколышу. Чуть пригладила волосы. Наверное, вид мой меня удовлетворил, и чуть-чуть по-хозяйски: «Я никогда не была в подобных заведениях, пожалуйста, покажите клетки, где сидят». И ведь поводили, показали. Господи, глаза б мои не видели и уши не слышали: страшные, лохматые, грязные, уродливые лица, которые хрипели, орали невесть что пьяное… безобразно орущая женщина, отчего стало особенно жутко. Экскурсия «удалась» и, спасибо сотрудникам милиции, привела меня в чувство. Когда привели обратно, спросили про мужа — есть ли?

Голова кивнула.

— Позвоните мужу Если он за вами приедет, мы вас отпустим.

Позвонила. Рассказала, где я, и, что если он, Золотухин, не приедет за мной, мне придется ночевать в милиции. Никто за мной не приехал!

Все, что угодно, какие бы ни были отношения, какой бы мужчина позволил, пусть даже нелюбимую жену, бросить в подобной ситуации? Золотухин — позволил. Спасибо дежурному милиционеру, который укрыл меня своим тулупом, положив мою голову на колени, и я, уставшая, измотанная, быстро заснула. До утра милиционер не шелохнулся.

Утром — острое чувство стыда. Всплыла вчерашняя неприличная сцена в ресторане и в милиции. Как я могла дойти… Нацепила на помятое несвежее лицо приличное выражение и поплелась по вызову к старшему в милиции.

Я была уже совсем другая, тихая, слабая, далеко не

вчерашняя, но только с чуть-чуть подгаженным здоровьем. Попросила только не сообщать в театр. Замечательный «старший» подошел к моей просьбе с пониманием — спасибо.

8 апреля

Приплелась в театр К. Золотухин, по-моему, ждал К, но не ждал меня. Встретились втроем. Она смела мне что-то выговаривать… Если бы не вчерашнее, встреча кончилась бы плачевно и без всяких разговоров.

Хороший очередной урок преподал мне З.

_____

Написала исковое заявление о расторжении брака в Народный суд Ждановского района г. Москвы.

_____

Записка Золотухина с просьбой его простить. Звонки. Без конца звонки Лёни. Трубку не поднимаю: стыдно. На двадцатый, наверное, звонок взяла трубку и зачем-то все ему рассказала. Вперемежку с любовными объяснениями сказал, как мне показалось, что-то обидное. Повесила трубку. Ушла из дома, чтоб не слышать последующих бесконечных звонков.

_____

З. не пришел ночевать.

_____

Денис ходит в чем попало. Нет пальто, костюма. З. не дает денег, где-то их прячет от нас, копит.

К. просит З. устроить ее в наш театр. Посмотрим.

24 апреля

Сочи

Забыта Москва, и поэтическая, и прозаическая, уже на второй день.

Утро. Палуба. Загар.

Новороссийск Книги.

«Вы украсили наши будни, принесли радость, солнце. Без вас — серость!» — это мне от мужского населения. Спасибо, дорогие.

28 апреля

Актерский санаторий в г. Сочи. В кустах увидела З. с какой-то травести. Целовались. Маленькая получила от меня большую пощечину. Вечером — выяснение отношений с ее мужем.

Странно: совсем чужие с З., но отношение как к собственности.

К. достала, по-моему, уже и Золотухина, своими звонками домой, в театр. Строчит письма, как пулеметчица. Женька-пулеметчица. Подписывается — Кабельникова-Золотухина.

11 мая

Звонила мать К, разговаривала с Золотухиным, обещала со своим мужем вернуть его к костылям. Он ей перезванивает, обещает прежде перегрызть им двоим горло. Кафка!

19 мая

Денечка научился сольфеджировать. Радость!

25 мая

Т. Федосеева принята на разовые. Рада за нее. Дай бог ей счастья с любимым.

29 мая

Звонок.

— Можно Валеру.

— Кто его спрашивает?

— Поклонница.

— Нет дома. В следующий раз звоните в театр, сюда не звоните.

Опять К.

30 мая

«Товарищ, верь!». Ни радости, ни тоски.

Л.: — Что с тобой происходит? Почему молчишь?

Бесконечные дикие с Золотухиным сцены. Пришли из ресторана ВТО в час ночи. Вхожу в комнату, — говорит с кем-то по телефону.

— Зачем по ночам звонишь людям?

— Это мне позвонили, твою мать, по делу.

Говорит еще минут 20–30 об одном и том же, говорит так громко, что просыпается Денис.

— Тише! Говори тише!

Когда в который раз говорится одно и то же, что он «не позволит себе пробоваться второй раз, — отказался у одного режиссера, у другого, третьего», закряхтел Дениска и заплакал.

Я: «Хватит, прекращай разговор, клади трубку!» — нажимаю на рычаг. Денис продолжает плакать. Кончилось тем, что З. начинает почему-то грызть шнур в одном месте, потом дико в другом. Когда резина оказалась не по зубам, З. подскочил к розетке и исковеркал ее. Хотел было грохнуть телефоном об пол, но испугался, очевидно, шума.

Как в страшном сне. Мне все это, наверное, снится: так в жизни не бывает.

Как животворно слышать иногда чирикание серых. Он пел, призывал. Случилось, — улетели.

14 сентября

Рига. Гастроли театра.

1 октября

Ленинград. Гастроли театра.

1 ноября

Москва.

Недосказанность, недоговоренность мешает непосредственному, легкому общению с Лёней. Выговориться, отдать накопившееся за долгое время разлуки.

30 декабря

Тоска — это разврат. Уныние — грех… когда горе проходит… остается тупость… приходит сожаление, но уже поздно.

Когда подолгу отлучаюсь от дома… общаюсь с разными людьми… мне кажется, что от меня ничего не остается. Я теряю «свое»… иногда трудно себя собрать. Меня как сглазили. Я распущена в чувствах… Не раз приходилось раскаиваться за сделанное и сказанное, — увы! Жизнь мало увлекательна, серая. Хочется уехать куда-нибудь совсем далеко, но куда убежишь от себя? За три дня пережила невероятные волнения. В театре свирепствует главный… до тошноты… приходит в бешенство…

(Прекращаю вести дневник)

Глава 2 Ссоры и примирения

Январь 1975 года. От всего чувствую смертельную усталость. Дневник закрываю, вплоть до 1980 года. Мы с Лёней продолжали общаться с теми же страстями, ссорами и расставаниями — иногда на две, три недели. Однажды, к концу такой размолвки, я была доведена до такого состояния, что, прорыдав весь вечер у себя дома, уже ночью, встав перед иконой на колени, стала умолять Бога, чтоб он вернул мне Лёню, чтоб Лёня мне позвонил. Я рыдала и молилась, молилась не переставая. Лицо превратилось в красную подушку. И сердце чуть не разорвалось, когда в два часа ночи вдруг раздался звонок Господи! Звонил Лёня. Перебивая друг друга, задыхаясь, мы кричали о любви.

Такие ситуации повторялись часто, и одна ссора была похожа на другую до мельчайших деталей.

Одна из типичных ссор. Темно. За мной чья-то тень. Слава богу! — моя. Улица Нижегородская. Условились с Лёней встретиться на остановке автобуса. Мы на разных сторонах улицы, и на противоположной — Лёня. Вижу его издалека. Чувствую, — отчего становится не по себе, — нервничает, психует, готовится морально атаковать. Пронеси, Господи! Вчера я была в гостях у Ирины К[57] и, припозднившись, не успела к условленному телефонному звонку у меня дома. Шаг за шагом приближает меня к ковру для выволочки. Чувствую угрызения совести — это мне не нравится: почему? Спокойствие, только спокойствие. Я никому ничего не должна. Я не жена тебе! Поднялась левая бровь, угрожая ответной атакой, и тут же опустилась. Борюсь сама с собой, со своей совестью. «Я свободна!» — кричу сама себе. Вчера мне было хорошо. Уютно и тепло в компании, особенно если она подогрета шампанским. Дома меня никто не ждет. Мама с Дениской уехали на все лето в Павлово-Посад, к моей двоюродной сестре Анечке, ну, а муж давно не в счет, да и он, кажется, отсутствует, — где? — да какая разница: давно чужие. А здесь, в кругу друзей, я отдыхаю. С некоторых пор тут знают мою тайну, и я всегда имею возможность выплакать им свою боль, не стесняясь. Пьем без тостов под «давайте» или под мое горестное «за любовь». И как замечательно пьется, и льется беспечная, душевная болтовня. Домой не отпускали, да, честно говоря, и уходить не хотелось. О звонке помнила, но не уходила. Перехожу дорогу Я уже знаю диалог, возмущенные вопросы и мои неряшливые объяснения. Между нами невидимый провод, который передает мне Ленино состояние, и я уже в его градусе. Сердце бухает в такт шагам или наоборот. Ненавижу

оправдываться. Замолчи, совесть! Меня нельзя ругать. Меня нужно пожалеть! Милое, любимое лицо, уже близкое, сердито. И сигарета — вон как пыхает! Помоги, Господи!

— Тебе не стыдно? Что ты со мной делаешь? Я вчера звонил с 10 часов, как мы договаривались. В час ночи тебя еще не было дома. Где тебя носило?., и т. д. и т. п. И вдруг с необыкновенной легкостью во мне просыпается чудовищная обида, обида за мою неудавшуюся семейную жизнь, обида на то, что мы еще не вместе, что он в семье и через час-другой придет к себе домой и будет там не один, а я вернусь в свою холодную квартиру, где меня никто не ждет, вернусь в свое одиночество, и такая жизнь от звонка до звонка? От встречи до встречи? Захлебываясь, окатила его своей обидой.

Минут через 15–20, не сразу, но оба успокаиваемся… — я, уже красивая и насмешливая, Лёня — недоверчивый, но все-таки счастливый: мы вместе, пусть час, пусть два, но вместе. И нет никого счастливей нас. Какой-то ближайший дворик приютил нас у себя, дал скамейку. Души сплелись крепко-накрепко. Любовь!.. Вот ты какая! Ты умеешь наносить раны, но — спасибо, Господи, за твой нам подарок, спасибо за Любовь! И так будет в течение долгих лет, только ссоры будут тяжелей и болезненней, разрушая сердце и душу. За каждым из нас — своя правда. И одна правда никогда не победит другую. Поэтому эта, в общем-то ничтожная ссора будет скоро забыта, но забыта на время. Моя же боль и обида будут жить еще очень долго.

Но были времена, когда я в очередной раз пробовала разорвать наши отношения, избегая даже случайных встреч, нагружая себя всем, чем угодно, только бы не видеть его. Возможно, и он старался остудить свои чувства, но ему это удавалось хуже, а если и удавалось, то ненадолго.

Начиная с 1975 года театр стал выезжать за рубеж. После Болгарии, наших первых гастролей, театр получает предложение приехать на Белградский международный театральный фестиваль «БИТЕФ-76». Потом будет Венгрия, в 1977 году — Франция, далее ГДР, Польша, Финляндия — волшебные поездки! Вообще, любые гастроли за границей для артистов — праздник! Как только ты сходишь с трапа самолета, тебя обволакивает совсем другой воздух, ты оказываешься будто на другой планете. Ты крутишь головой, вдыхая и запоминая запахи чужого, но, как потом окажется, гостеприимного города. И до конца гастролей тебя не покинет радостное возбуждение. Радость везде: и на опрятных улочках с любопытной архитектурой домов и храмов, с довольными

и, что удивительно, никуда не спешащими горожанами, с

нарядными витринами магазинов, зовущими зайти внутрь, куда ты зайдешь непременно; радость и на репетициях перед спектаклями, особенно после, когда воздух взрывается от восторженных аплодисментов, после чего придет понимание, как ты все-таки здорово устал за день, и на каком-нибудь приеме в кругу коллег с удовольствием растворишь эту усталость в горячительных напитках.

На гастролях мы почти не общались с Лёней: всегда откуда-нибудь выныривали артисты, все были у всех на виду. Ну а если перед гастролями происходила ссора, мы тем более сознательно избегали встреч, каждый живя своей отдельной жизнью. Хотя я ловила на себе его косые, а на приемах, где мы, артисты, естественно, «гуляли», и недоброжелательные взгляды.

— Ты хоть видишь себя со стороны? — гневно бросал он мне, пробегая мимо. Говорилось и еще что-то обидное. Быстро, почти злорадно отмечая, что я ему небезразлична, смотрела на себя в зеркало и очень даже себе нравилась. В такие периоды он выходил из себя, видя мое хорошее, а не дай бог! — веселое настроение. Это его бесило: ссора предполагает страдание, и если меня что-то веселит, значит, я не держу его в голове и совсем о нем не думаю.

Доходило до смешного. Это было позже, в годы, так сказать, «притирки». Я приехала к Лёне в Ростов-на Дону, где он снимался у режиссера Пучиняна в фильме «Из жизни начальника уголовного розыска». 13 января — старый Новый год. Ну, конечно, хорошо выпили в какой-то милой компании. У меня замечательное настроение: рядом — любимый, вокруг — приятные, интересные люди. Возвращались в гостиницу уже очень поздно, — вчетвером: впереди я шла с новым знакомым из той компании, который всю дорогу смешил меня, и мы хохотали, сзади нас — Лёня с режиссером. Подойдя к гостинице, мы со всеми попрощались, и всю дорогу до нашего номера мой любимый выговаривал мне что-то, что меня сильно обижало. За что? За то, что я шла не с ним, а с кем-то и мне с кем-то, а не с ним было весело? Разве я плохо себя вела и плохо выглядела? — это вообще невозможно… За что? Вино напомнило о себе и тут же продиктовало решение: «Все! Уезжаю в Москву! Сейчас соберу все свои вещи и в ночь на улицу, пусть знает!..» Итак, решила, насупилась, загремела кастрюльками, сковородками, ножами, вилками, которые бросались в дорожную сумку; я собираюсь в дальнюю дорогу. Лёня молчит. Зная мой авантюрный характер в таком состоянии, незаметно от меня прячет под подушку ключ. Полулежа на кровати, закрыв рукой лицо, через пальцы за мной наблюдает. Я этого не вижу. Собрав все в сумку, гордо вытянув

тело, толкаюсь в дверь. А она — заперта, и ключа в замке — нет. Алкоголь соображает: ключ спрятан. Ах, так?! Гневный взгляд на спящего в кровати. Тихо, на цыпочках, которые уже плохо мне удаются, подхожу к кровати и почти точно угадываю место, где спрятан ключ. Протягиваю руку, — нет, не получилось: мой обидчик быстро хватает его и, не выпуская из рук, принимает прежнюю позу наблюдателя. Алкоголь хитрит: надо лечь, не раздеваясь, в кровать, притвориться спящей, а потом, когда рядом уснут, незаметно ключ из рук вытащить. Ложусь. А спать уже хочется. Следующую мизансцену Лёня часто потом вспоминал, шкодно меня изображая. Мне тогда, во что бы то ни стало, нужно было знать, — спит он или нет. Поэтому я разворачивалась и, приподнимаясь на локте, очень близко подносила свое лицо к его лицу, при этом дико смешно (в Лёнином показе) напрягая губы. Увидев на расстоянии пяти сантиметров его глаза открытыми, я отворачивалась, решая подождать еще немного. Опять притворяясь спящей, закрываю глаза и — засыпаю. Утром проснулась уже раздетая и отдохнувшая. Лёне так не терпелось рассказать и особенно показать в красках мой вчерашний «балаган», что у меня, многократно обласканной, ушло желание таить на него обиду.

— А спала ты, как ребенок. Я умилялся, — сказал он в заключение.

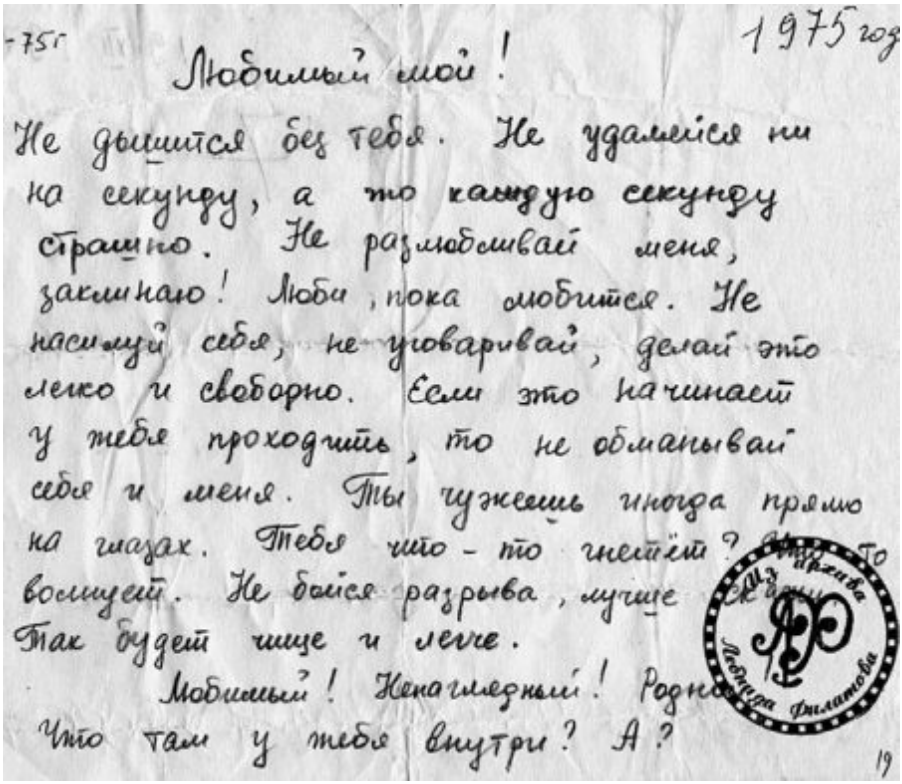
Вот так, вспоминая этот эпизод, я перескочила в 1982 год. Возвращаюсь в 1975-й. Не помню, что было в Болгарии, — скорее всего, мы там не общались, только изредка я его видела в компании с И. Дыховичным и Б. Хмельницким, всегда куда-то бегущими. Не помню, что было и после гастролей, но 19 декабря, через два месяца в театре (?) я получаю от него записку:

«Любимый мой!

Не дышится без тебя. Не удаляйся ни на секунду, а то каждую секунду страшно. Не разлюбливай меня, заклинаю! Люби, пока любится. Не насилуй себя, не уговаривай, делай это легко и свободно. Если это начинает у тебя проходить, то не обманывай себя и меня. Ты чужеешь иногда прямо на глазах. Тебя что-то гнетет? Что-то волнует. Не бойся разрыва, лучше скажи. Так будет чище и легче.

Любимый! Ненаглядный! Родной!

Что тому тебя внутри? А?»


-75г 1975 год

Любимый мой!

Не дышится без тебя. Не удаляйся ни на секунду, а то каждую секунду страшно. Не разлюбливай меня, заклинаю! Люби, пока любится. Не насилуй себя, не уговаривай, делай это легко и свободно. Если это начинает у тебя проходить, то не обманывай себя и меня. Ты чужеешь иногда прямо на глазах. Тебя что-то гнетёт? [illegible] то волнует. Не бойся разрыва, лучше [illegible] Так будет чище и легче.

Любимый! Ненаглядный! Родно[illegible]

Что там у тебя внутри? А?

19

И опять я на его крючке. Что делать? Куда мне деваться? И мне жалко его, а себя еще больше. Я давно перестала задавать себе вопрос, — почему мы до сих пор не вместе, но всегда буду помнить, что он живет не один, и мое замужнее одиночество контрапунктом будет окрашивать наши отношения. Поэтому на эти вопросы, вроде «что с тобой происходит?» или «что тебя гнетет?» я ничего не отвечала и устало отмалчивалась: все было давно сказано, и ответ был ему известен.

Но записка прочитана, сердце заныло, и в телефонной трубке на разные лады одна и та же фраза: «Я умру, Нинча, если ты меня разлюбишь».

И опять — родной, и опять — единственный.

В одной из поездок, — и опять — где это было? В Югославии? В Венгрии? — не вспомнить, произошла встреча, осевшая в памяти неприятным осадком. Были случаи, когда нас так страшно тянуло друг к другу, что, казалось, мы могли броситься навстречу друг к другу, невзирая на окружающих нас коллег. Это был как раз тот случай. Мы встретились с Лёней в его гостиничном номере, когда почти весь коллектив театра уехал на какую-то запланированную экскурсию. Как нам удалось от нее отвертеться и остаться в гостинице — не знаю, но мы остались, и у нас было

какое-то время для нервного, по понятным причинам, свидания.

Надо сказать, перед этим мы очень долго не виделись, и при встрече были даже слезы у обоих. Время пролетело быстро и незаметно. Мы стояли обнявшись, говоря друг другу тысячи нежнейших слов, как в последний раз, будто нас разлучали на всю жизнь. Надо было прощаться, и мы прощались. Замерли, когда вдруг кто-то стал пытаться открыть запертую дверь, и, до ужаса знакомый женский голос, отчего застыла кровь в жилах, позвал сначала негромко, потом громче: «Лёня!» Я пришла почти в обморочное состояние. Еле дыша, мы ждали. За дверью ждали тоже, — не уходили. Выпрыгнуть бы из окна, но — высоко, да и парашюта нет. Еще раз дернулась дверь, и через минуту, которая показалась нам вечностью, шаги наконец-то стали удаляться. Уже не слышу — «до завтра, родненькая, думай обо мне, помни, я люблю тебя», быстрым шагом иду к лифту, вся из себя деловая и строгая, ну точно партработник тех лет. В лифте со мной иностранец. Глядит на меня.

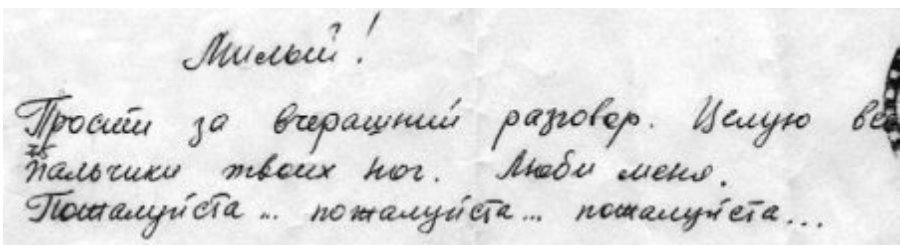
Я опускаю глаза и вижу: одна за другой на кофточку падают капли с лица. Долго еще меня мучили фантазии на тему: что было бы, если бы…

Глава 3 Наш почтальон Маша

Написав мне в театре какую-нибудь записку и не зная, как мне ее передать, Лёня всегда обращался к Марье,[58] нашей общей подруге, которая была у нас как бы почтальоном… И она была единственной, которая знала о нашем романе почти с самого начала. Взяв у Лёни записку и оставив его в нервном ожидании, она, не умея на лице скрыть чужую тайну, заговорщически блестя глазами, прочесывала в перерыве между репетициями весь театр и где-нибудь меня находила. До сих пор вижу перед собой эту смешную картину. Подойдя вплотную, поднося свое лицо слишком близко к моему — Марья сильно близорука — и заглядывая мне в глаза, отчего ее глаза начинали у меня двоиться, она, не отводя их, с возбужденным придыханием, молча вталкивала мне в руку Лёнино послание. Читаю:

«Милый!

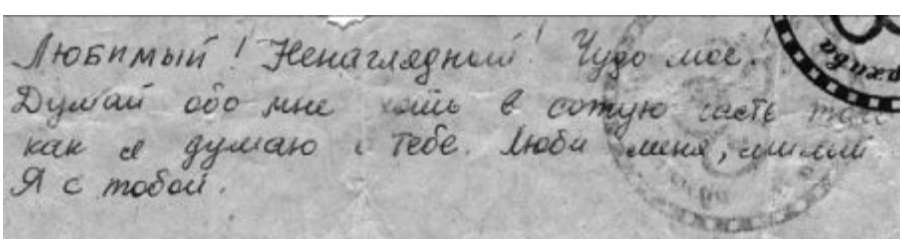
Прости за вчерашний разговор. Целую все пальчики твоих ног. Люби меня. Пожалуйста… пожалуйста… пожалуйста».



Или:

«Любимый! Ненаглядный! Чудо мое!

Думай обо мне хоть в сотую часть того, как я думаю о тебе. Люби меня, милый. Я с тобой».



Получив устный или письменный ответ, толкая бедром меня

в бок, как бы говоря: «Ну вы, ребята, даете!», она, хрюкнув напоследок, с теми же эмоциями повторяла свой маршрут, только в обратном направлении. Лёня ее ждал, выкурив за это время, наверное, не одну пачку сигарет, хватал послание, и настроение его менялось в зависимости от его содержания.

Глава 4 Я убегаю из дома

Мне плохо, Таня, мне очень плохо!!!

Случись эта история на несколько лет раньше, я была бы вожделенным объектом для серийного убийцы, прозванного «Мосгазом», который долгое время терроризировал москвичей, убивая молодых тридцатилетних женщин — блондинок, одетых в красное. Это был мой портрет. Мне 30, я блондинка, и на мне красивое итальянское пальто алого цвета. Оно мне очень шло. Такое же пальто только цвета синего было у Тани Жуковой, актрисы нашего театра, и оно ей тоже шло очень.

Мы, артисты, отмечали юбилей (не помню какого спектакля) в квартире Людмилы Цели-

ковской. Пока артисты распивали спиртные напитки, Людмила Васильевна рассказывала мне, как в свое время она бросила все: и театр, и кино ради своего больного сына, уговаривая и меня поступить таким же образом ради моего маленького сына Денечки. Я почти не пила в этот вечер: ситуация к этому не очень располагала.

Возвращались домой в такси, набитом артистами до отказа. Развезли всех по домам. Мы с Золотухиным были последними. Глубокая ночь. Наконец машина тормознула у подъезда нашего дома. Мы выходим, и Золотухин начинает настойчиво приглашать таксиста к нам домой — «выпить всего одну рюмку водки». Напрасно я сверкала глазами. Уже хорошо нагруженный, чтобы не сказать вдрызг пьяный, он уговорил парня, и мы — дома. Одна рюмка — и через секунду он уже храпел. Таксист уходит, а из комнаты выходит моя возмущенная мама. Она видит спящего зятя и свою дочь, закрывающую дверь за незнакомым ей мужчиной. Не хочу описывать сцену, которую она мне устроила, сцена — некрасивая и слова — страшные. Я в шоке и убегаю из дома. Четыре часа ночи. Наверное, я громко рыдала, кто-то выглянул в окно: «Девушка, вам плохо?» и что-то еще, но у меня в ушах только гневные слова мамы и храп мужа. Как мне было себя жаль! За что? Я никому не желала зла… За что?! И почему я иду по ночной улице?.. Я хочу спать… Слезы — ручьями… Конец улицы. Телефонная будка. Зачем-то набираю номер Тани Жуковой.

— Мне плохо, Таня, мне очень плохо…

— Ты где?

— На Таганской площади…

— Стой, где стоишь. Мы с мужем сейчас приедем.

Бросаю трубку. Ждать не стала. Подъехало такси, села.

— Вам куда?

— Не знаю… На ближайший вокзал.

Было одно желание: сесть на любой поезд, и не важно, куда он меня привезет. Мне все стало безразлично, — опасное ощущение своей ненужности. И сама себе я стала безразлична. Удивительно, но меня всегда хранили звезды. Или Судьба? Ближайшим вокзалом оказался Курский. По этой ветке в Павлово-Посаде живут мои родственники. «Дороги в никуда» — не вышло. Значит, так тому и быть, — еду к ним. Сажусь в электричку. Меня все время бьет озноб.

— Вам плохо? — опять тот же вопрос. Напротив меня сидит девушка. В вагоне несколько человек, одиноко сидящих на соседних лавках.

— Вам на какой остановке выходить? — продолжает она расспрашивать.

— 42-й километр.

— Положите мне голову на плечо, поспите. Я выхожу на одну остановку раньше, я вас разбужу.

Приехала к моим родственникам около шести утра. На крыльце — мужья моих двоюродных сестер. У них тоже какие-то свои неприятности, оба курят. Увидели меня, застыли как вкопанные, в глазах — ужас. Ничего не объясняя, прошу налить мне водки и отвести поспать. Единственное, что я сказала: «Послезавтра у меня спектакль и нужно отзвонить в театр, что я буду на спектакле».

Спала сутки. Меня пытались разбудить, били по щекам, — я не просыпалась. Шок от случившегося был настолько сильным, что проснулась я в день спектакля. Приехала в театр с лицом серо-зеленого цвета, с опухшими глазами, превратившимися в узкие щелки.

Оказывается, меня там искали по всем моргам в «неопознанных трупах». Только один человек остался равнодушным ко всей этой истории. Золотухин. С этих пор было навсегда зачеркнуто прошлое, я повзрослела.

Глава 5 Письма и телеграммы, полученные мною от Лёни

Нужно сказать, что за время своих съемок в кино в 70-е годы Лёня мне написал и отправил много писем и телеграмм, которые дополнят мои записи и, надеюсь, смягчат некоторые мои чересчур резкие и эмоциональные откровения в дневниках, которые открывались по большей части тогда, когда мне было особенно плохо. Шампанское в таких случаях добавляло всякой разной глупости и ненужной чепухи.

ТЕЛЕГРАММЫ

1976 г. Сочи. Главпочтамт.
До востребования.
Шацкой Нине Сергеевне.
=КАК ДЕЛА НАСТРОЕНИЕ РАБОТА НАДЕЮСЬ НИЧЕГО ПЛОХОГО НЕ ПРОИСХОДИТ ЦЕЛУЮ=

1976 год. Сочи. Главпочтамт.
До востребования.
Шацкой Нине Сергеевне.
=ПОЗДРАВЛЯЮ СТАРЫМ НОВЫМ ГОДОМ МОСКВЕ ХОЛОДНО МРАЧНО НЕУЮТНО У ВАС ТЕПЛО ПРАЗДНИЧНО ВЕСЕЛО ЖДУ ЦЕЛУЮ ОБНИМАЮ МЫСЛЕННО ТОБОЙ КАЖДУЮ МИНУТУ=

27 июля, 1978 год. Новосибирск.
Гостиница «Обь». Номер 518.
Шацкой Нине Сергеевне.
=КАК ЗДОРОВЬЕ НЕ БОЛЕЙ ВЕДИ СЕБЯ ХОРОШО ОТДЫХАЙ ПОБОЛЬШЕ ОЧЕНЬ ХОЧУ ТЕБЯ ВИДЕТЬ ПОСТОЯННО ПОМНЮ ЖДУ ВСТРЕЧИ ЦЕЛУЮ=АРТУР[59]=

Новосибирск. 29 июля.
Гостиница «Обь». Номер 518.
Шацкой Нине Сергеевне.
= КАЖДЫЙ ДЕНЬ ХОЖУ ГЛАВПОЧТАМТ ПОЛУЧИЛ ДВЕ ВЕСТОЧКИ ЭТО ОЧЕНЬ МАЛО ПОСЫЛАЙ ТЕЛЕГРАММЫ МОЛНИИ ОНИ БЫСТРЕЕ ДОХОДЯТ ЦЕЛУЮ =АРТУР=

Гостиница «Обь». Номер 518.
Шацкой Нине Сергеевне.
=СЕГОДНЯ ПОЧЕМУ ТО ОСОБЕННО ТРЕВОЖНО ЧТО СЛУЧИЛОСЬ СРОЧНО ОТКЛИКНИСЬ=АРТУР=

Гостиница «Обь». Номер 518.
Шацкой Нине Сергеевне.
=УЖАСНО ТОСКЛИВО КАЖЕТСЯ БРОСИЛ БЫ ВСЕ ПРИЕХАТЬ ТЕБЕ МНОГО РАБОТЫ НО НЕ ПОМОГАЕТ Я ЗНАЛ ЧТО ТАК БУДЕТ ЦЕЛУЮ ТЕБЯ НЕЖНО=АРТУР=

18 августа, 1978 год.
Сочи. Главпочтамт.
До востребования.
Шацкой Нине Сергеевне.
=КАК УСТРОИЛАСЬ КАК НАСТРОЕНИЕ КАК ОКРУЖЕНИЕ ВЕДИ СЕБЯ ХОРОШО ПОМНИ НАШ УГОВОР ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР БРОДИЛ ВОЗЛЕ
ТВОЕГО ДОМА ПРИВЫК ЧТО ТЫ РЯДОМ РАБОТАЮ УТРОМ И ВЕЧЕРОМ НО ВСЕ РАВНО ГРУСТНО ЦЕЛУЮ =АРТУР=

21 августа.
Сочи. Главпочтамт.
До востребования.
Шацкой Нине Сергеевне.
=СЛУШАЮ РАДИО ПОГОДУ СОЧИ ВСЕ ВРЕМЯ ДОЖДИ НАВЕРНОЕ СИДИШЬ НОМЕРЕ КРУГЛЫЕ СУТКИ ОТПРАВИЛ ТЕБЕ ПИСЬМО СКУЧАЮ УЖАСНО ЛЮБЛЮ ЦЕЛУЮ=АРТУР=

24 августа.
Сочи. Главпочтамт.
До востребования.
Шацкой Нине Сергеевне.
=ЗВОНИЛ ЕЛЕНЕ ТЫ ЕЩЕ НЕ ЗВОНИЛА КОГДА ДАВАТЬ ТЕЛЕГРАММУ СО СТУДИИ НАДЕЮСЬ 4 СЕНТЯБРЯ УВИДЕТЬ ТЕБЯ МОСКВЕ ЦЕЛУЮ=АРТУР=

Август 1980 года. Я в Пицунде!

Поселок Пицунда
Абхазской АССР, Гагрского района,
Дом творчества кинематографистов,
Шарыгиной Нелли Семеновне
=ОЧЕНЬ СКУЧАЮ МНЕ БЕЗ ТЕБЯ ПЛОХО БУДУ МОСКВЕ

КОНЦЕ ЭТОЙ НЕДЕЛИ ЦЕЛУЮ НЕЖНО = АРТУР =

Поселок Пицунда
Абхазской АССР, Гагрского района,
Дом творчества кинематографистов, Шарыгиной Нелли Семеновне НАДЕЮСЬ ВСЕ ПОРЯДКЕ ОТДЫХАЙ КАК СЛЕДУЕТ ВЕДИ СЕБЯ ХОРОШО ДУМАЮ ПОМНЮ ЛЮБЛЮ ЦЕЛУЮ ТЕБЯ НЕЖНО = АРТУР =

Письма

«Здравствуй, мой милый!

Сегодня утром я услышал автомобильные сигналы, выглянул было на улицу, но увидел только мчащуюся машину И сразу началась тоска… В Москве жарко, душно, противно. Твои окна опустели. Некуда звонить, незачем планировать время.

Сегодня просидел весь день дома. Пытался сосредоточиться на работе — трудно. Думаю, вечером будет чуть-чуть полегче. Ты уже в Сочи. Наверное, тебе дали номер, и ты отправилась на море.

Милый мой, счастье мое, любимый, думай, пожалуйста, обо мне, не выпускай меня из памяти. Вот уже один день прошел, осталось еще 19 или 20».

«Миленький!

Как ты, что ты, где ты? Что делаешь, о чем думаешь сейчас в эту минуту?

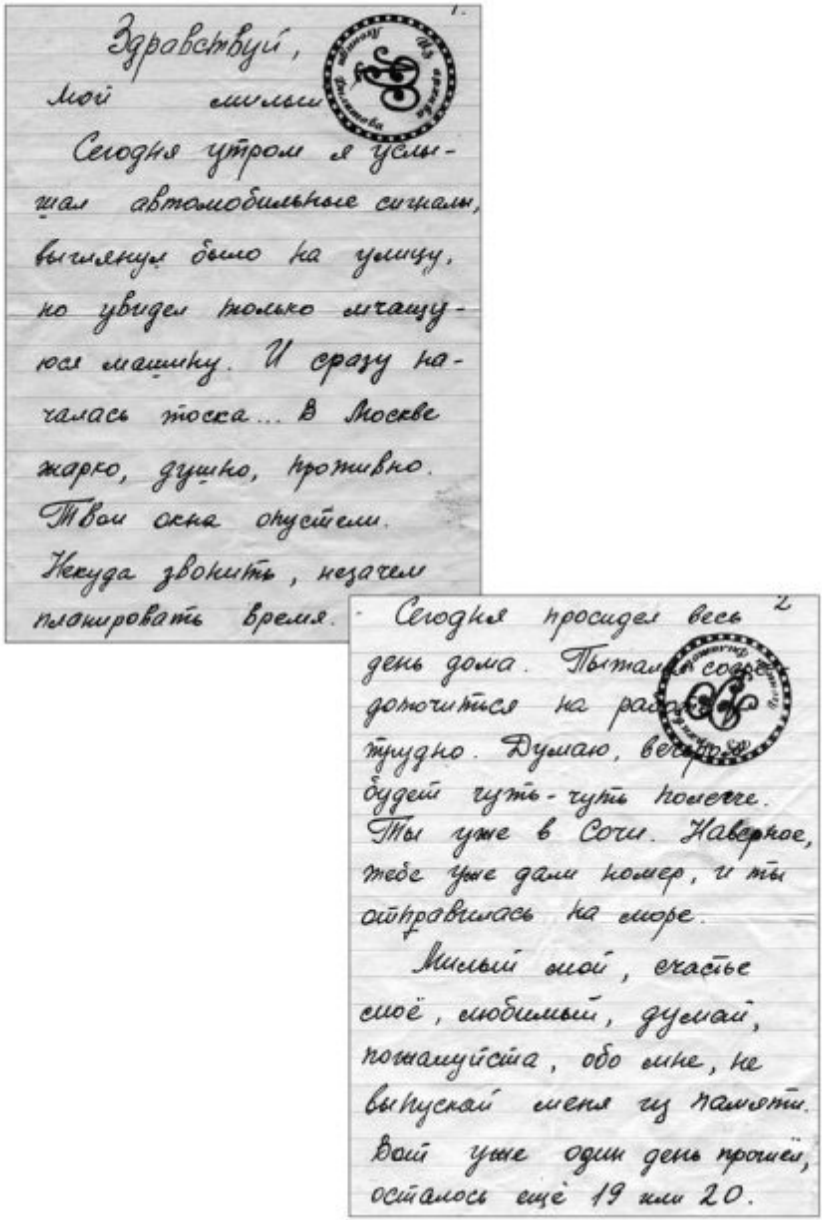
В первый раз за последние два года ты уезжаешь так далеко от меня. И так надолго!..

Нюнечка моя, смотри, чтобы я из тебя не выветрился!.. Юг располагает к веселью, а веселье предполагает окружение… Роднулечка, не предавай меня, не забывай, что я у тебя есть!.. Лучше почаще смотри на море и думай про меня. Море отвлекает от суеты и сосредоточивает внимание на самом главном.

Помни нашу клятву! В тот миг, когда с тобой будет происходить что-то неладное, я, пусть даже находясь далеко от тебя, непременно буду это чувствовать!..

Не забудь, что 13-го и 18-го мы будем сообщаться друг с другом телепатией (с 11.00 до 15–00). Или, может быть, ты уже забыла о нашем уговоре? Не смей забывать про меня! Я понимаю, море, пляж, погода, но я при всем этом обязан быть! Мне сейчас ужасно плохо. Поэтому столько восклицательных знаков. Не обращай внимания на мою экзальтацию. Просто ужасно, что еще так много дней до встречи. Целую тебя нежно. Н. З. (шифр)

P. S. Я тебя люблю…»



Здравствуй, мой милый
Сегодня утром я услышал автомобильные сигналы, выглянул было на улицу, но увидел только мчащуюся машину. И сразу началась тоска… В Москве жарко, душно, противно. Твои окна опустели. Некуда звонить, незачем планировать время.

Сегодня просидел весь день дома. Пытался сосредоточиться на работе, но трудно. Думаю, весной будет чуть-чуть полегче. Ты уже в Сочи. Наверное, тебе уже дали номер, и ты отправилась на море.
Милый мой, счастье моё, любимый, думай, пожалуйста, обо мне, не выпускай меня из памяти. Вот уже один день прочь, осталось ещё 19 или 20.

«Нинча, родненькая!

Вот и я уезжаю из Москвы. Уезжаю буквально через два часа. Прости, что корябаю ученическими перьями — это потому что все время пишу из нашего почтового отделения, а здесь только такие перья и такая бумага.

Любимый мой, что же это происходит?.. Почему ты уехала

от меня, почему оставила? Такая тоска — спрятаться негде! Может, поездка меня немножко спасет. Сожмет, сократит время. Всего три дня, как ты уехала, а кажется, что тебя нет уже месяц. Вот, а теперь даже на твои темные окна не смогу посмотреть. Уезжаю. Помни про 13-е и 18-е.

Жду тебя, малыш! Тоскую, как собака. Если удастся и захочешь, возвращайся хотя бы 22-го или 23-го.

До встречи.

Целую тебя нежно-пренежно. Н. З.

P. S. Не выпускай меня из памяти. Даже на секунду».

Инна, родненькая!

Вот и я уезжаю [illegible]. Уезжаю буквально через два часа. Прости, что корябаю ученическими перьями — это потому что всё время пишу из нашего почтового отделения, а здесь только такие перья и такая бумага.

Любимый мой, что же это происходит?.. Почему ты уехала от меня, почему оставила? Такая тоска — спрятаться негде! Может, поездка меня немножко спасёт. Сомневаюсь, сократит время. Всего три дня, как ты уехала, а кажется, что тебя нет уже месяц. Вот, а теперь даже на твои тёмные окна не смогу посмотреть. Уезжаю. Помни про 13-е и 18-е.

Жду тебя, малыш! Тоскую, как собака. Если удастся и захочешь, возвращайся [illegible] 22 или 23.

До встречи

Целую тебя нежно-нежно

Н. З.

P.S. Не выпускай меня из памяти. Даже на секунду.

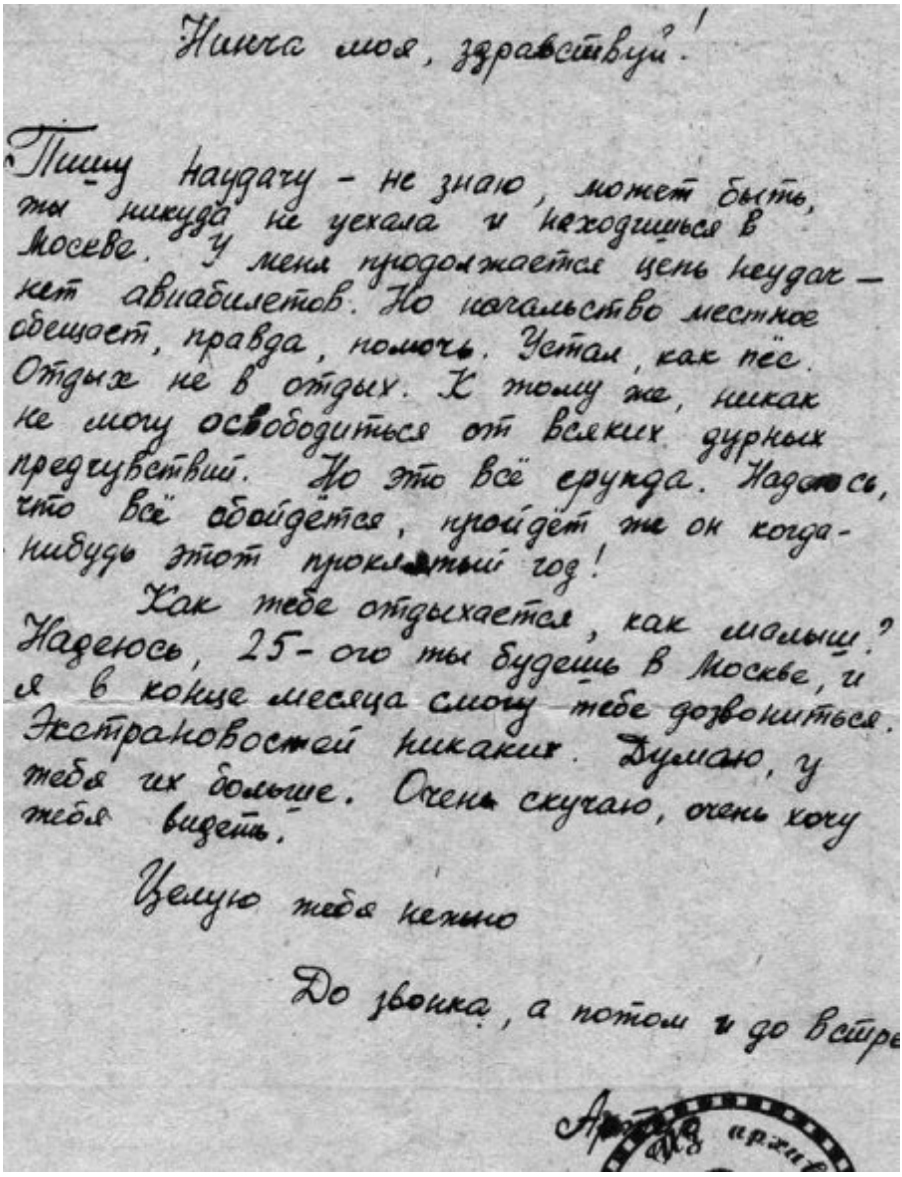
«Нинча моя, здравствуй!

Пишу наудачу — не знаю, может быть, ты никуда не уехала и находишься в Москве. У меня продолжается цепь неудач — нет авиабилетов. Но начальство местное обещает, правда, помочь. Устал, как пес. Отдых не в

отдых. К тому же никак не могу освободиться от всяких дурных предчувствий, но это все ерунда. Надеюсь, что все обойдется, пройдет же он когда-нибудь этот проклятый год!

Как тебе отдыхается, как малыш! Надеюсь, 25-го ты будешь в Москве, и я в конце месяца смогу тебе дозвониться. Экстрановостей никаких. Думаю, у тебя их больше. Очень скучаю, очень хочу тебя видеть. Целую тебя нежно.

До звонка, а потом до встречи. Артур».


Ничка моя, здравствуй!

Пишу наудачу – не знаю, может быть, ты никуда не уехала и находишься в Москве. У меня продолжается цепь неудач – нет авиабилетов. Но начальство местное обещает, правда, помочь. Устал, как пёс. Отдых не в отдых. К тому же, никак не могу освободиться от всяких дурных предчувствий. Но это всё ерунда. Надеюсь, что всё обойдется, пройдет же он когда-нибудь этот проклятый год!

Как тебе отдыхается, как малыш? Надеюсь, 25-ого ты будешь в Москве, и я в конце месяца смогу тебе дозвониться. Экстраковостей никаких. Думаю, у тебя их больше. Очень скучаю, очень хочу тебя видеть.

Целую тебя нежно

До звонка, а потом и до встре

«Роднулечка моя, здравствуй!

Кажется, уже тысяча лет прошло, как ты уехала. Всю эту неделю вынужден вставать в 6.00 утра, а приезжаю в 23.00 (это уже, как ты понимаешь, вечера). То вдруг безделье, то вздохнуть некогда. Помимо всего прочего, царапаю свой опус. С ужасом думаю о конце отпуска.

Маленький, скорее приезжай!.. Я очень надеюсь, что у тебя там не происходит ничего такого, после чего тебе трудно было бы взглянуть мне в глаза?.. Я очень тебе верю!..

У Вас, как я слышал по телику, дожди и дожди.

Значит, весь отдых комом. Если действительно купаться и загорать нельзя, возвращайся лучше домой. И я на следующей неделе уже окончательно освобождаюсь.

Малыша, без тебя тоскливо, особенно в моем положении. Если бы я тоже отдыхал, это было бы еще куда ни шло. А так все время такое ощущение, что я отбываю бесконечную повинность. Но я все-таки надеюсь дней через 10–12 тебя увидеть.

Сообщи, пожалуйста, когда ты точно намерена приехать. Ведь ты уже должна дня через 2–3 заказывать авиабилет. Будет просто ужасно, если ты не приедешь, когда обещала!.. Боюсь, пропустишь билетные сроки и не сумеешь прилететь вовремя. Ты уж, пожалуйста, побеспокойся о билете заранее, ладно?.. А то мне тут в голову будут лезть всякие мысли…

А телеграмму с вызовом на студию я тебе вышлю завтра или послезавтра.

Нежно-нежно тебя целую, мой хороший!.. До встречи!..»

Родненькая моя, здравствуй!

Кажется, уже тысяча лет прошла, как я уехала. Всю эту неделю вынужден вставать в 6.00 утра, а приезжаю в 23.00 (это уже, как ты понимаешь, вечера). Ты вдруг будешь, то вздохнуть некогда. Помимо всего прочего, сдаю свой опус. С ужасом думаю о конце отпуска.

Маленький, скорее приезжай!.. Я очень надеюсь, что у тебя там не происходит ничего такого, после чего тебе трудно было бы взглянуть мне в глаза?.. Я очень тебе верю!..

У вас, как я слышала по телику, дожди и дожди. Значит, весь отдых комом. Если действительно купаться и загорать нельзя, возвращайся лучше домой. И я на следующей неделе уже окончательно освобождаюсь.

Мальчика, без тебя тоскливо, особенно в моём положении. Если бы я тоже отдыхала, это было бы ещё куда ни шло. А так всё время такое ощущение, что я отбываю бесконечную повинность. Но я всё-таки надеюсь дней через 10-12 тебя увидеть.

Сообщи, пожалуйста, когда ты точно самолётом приехать. Ведь ты уже должна для через 2-3 заказывать авиабилет. Будет просто ужасно если ты не приедешь, когда обещала!.. Боюсь, пропустишь билетные сроки и не сумеешь прилететь вовремя. Ты уж, пожалуйста, побеспокойся о билете заранее, ладно?.. А то мне тут в голову будущей лезут всякие мысли...

А телеграмму с вызовом на студию я тебе вышлю завтра или послезавтра.

Нежно-нежно тебя целую, мой хороший!..

До встречи!..

Глава 6 Дневники (1980–1982 гг.)

Родненький, как долго ты ко мне идешь…

1980 год

Первые числа июля
(по-моему, это слезы в подушку).

Для меня существует одна истина, от которой я долгое время бежала. Истина в том, что я не жизненная необходимость для тебя, а поняв это, все сразу теряет смысл.

Любимый не хочет понять, — не в силах, — по причине душевной нечуткости, что мне больно просто видеть их двоих. Ты хоть раз попробовал прочувствовать ту смертельную боль, обиду, что творится в душе у твоего — якобы любимого человека?

……
……

Другая — «икона, на которую молятся». И она — одна. Утром, днем, вечером — одна. Заболела — опять одна: любимого нет рядом. Была больница — любимый — в семье и не знает, как плохо его «родному человеку». И надо быть чудовищем, чтобы оговориться: «А что я мог сделать — выгнать ее?»

……
……

А сейчас после твоего «доброго» совета я остаюсь одна, опустошенная, но отрезвленная, — даже нет боли… а 8 лет жалко.

Я не смогу остаться, потому что все теряет смысл и окрашивается пошлостью.

За меня нужно бороться, родненький.

С 19 по 25 июля мы с Лёней в Киеве на озвучивании к/ф «Женщины шутят всерьез». Я озвучивала героиню, в которую влюблен герой — Лёня. Гостиница киностудии А. П. Довженко. Комната 403. Жили в моем номере — пять восхитительных дней. Проба на семейную жизнь. Лёня обласкивает меня, как в наши первые дни. Счастливые глаза.

25 июля Шакуров принес страшное известие о смерти Володи Высоцкого. Шок Вакуумная пустота внутри. Слезы появились только в Москве, когда увидела…

(Вырваны страницы.)

Если Л. мне предназначен, он будет бороться за меня. Если моя Судьба не толкнет его на это, значит, он не мой.

Письмо мне в Щелыково, где я отдыхала (года не помню, может быть 1981).

«Родненький мой, здравствуй!

Прошло уже 10 дней, как ты уехала. Вроде бы я работаю, и суечусь, и есть, что делать, но привычка ощущать тебя где-то рядом так во мне укоренилась, что постоянно испытываю раздражение на мною же выдуманный график. Часто бывает тоскливо. Одно утешение — что ты, может быть, все-таки нормально отдохнешь, год был и для тебя тяжелый.

Как ты там себя ведешь? Спрашиваю чисто риторически, потому что верю — вполне достойно. Был в Киеве, Ленинграде, теперь временно опять в Москве. Сегодня должно выясниться, когда опять ехать в Ленинград. Думаю, что дня через три. Устал хуже собаки, но вот закончу последнюю работу — хоть 10–12 дней

отдохну.

Кое-какие деньги из обещанной суммы уже достал, остальные — вот-вот на подходе. Так что, как видишь, от моей суеты есть хоть какая-то польза.

После дикой жары везде дожди. Думаю, и в твоих теперешних краях — тоже, а ведь там нечем другим заняться, кроме как подольше бывать на воздухе. Значит, сидишь, наверное, у окошка и смотришь на дождь?

Милый мой, постараюсь числа 17–18 сентября оказаться в Москве. Если вдруг произойдет непредвиденная задержка, обязательно отзвоню. Но, по моим предварительным подсчетам, меня должны отпустить в это время дня на три-четыре, а то и больше.

Думаю о тебе. Скучаю. Люблю. Но что-то не получаю от тебя таких же импульсов… Может, у тебя все не так?

P. S. Звонил Лёне, узнал, что она едет к тебе. Задержал отправку письма, чтобы передать с ней. Лена сказала, что от тебя пришло ей письмо. Сейчас буду в Ленинграде, зайду на Главпочтамт — может, и мне что-нибудь перепадет?

Целую тебя нежно, мой хороший.

P. S. Мой родной, я тебя очень, очень, очень люблю!.. Веди себя хорошо, любимая!..»

Родненький мой, здравствуй!

Прошло уже десять дней, как ты уехала. Вроде бы я работаю, и суечусь, и есть что делать, но привычка ощущать тебя где-то рядом так во мне укоренилась, что постоянно испытываю раздражение на самого же выдуманный график. Часто бывает тоскливо. Одно утешение — что ты, может быть, всё-таки нормально отдохнешь, год был и для тебя тяжёлый.

Как ты там себя ведёшь? Спрашиваю чисто риторически, потому что верю — вполне достойно. Были в Киеве, Ленинграде, теперь временно опять в Москве. Сегодня должно выясниться, когда опять ехать в Ленинград. Думаю, что дня через три. Устал, как собака. Но вот закончу последнюю работу — хотя десять-двенадцать дней отдохну.

Кое-какие деньги из обещанной суммы уже достал, остальные — вот-вот на подходе. Так что, как видишь, от моей суеты есть хоть какая-то польза.

После дикой жары — везде дожди. Думаю, и в твоих теперешних краях тоже. А вечерь там нечем другим заняться, кроме как побольше бывать на воздухе. Значит, сидишь, наверное, у окошка и смотришь на дождь?

Милый мой, постараюсь числа 17-18 сентября оказаться в Москве. Если вдруг произойдет непредвиденная задержка, обязательно отзвоню. Но, по моим предварительным подсчетам, меня должны отпустить в это время дня на три-четыре, а то и больше.

Думаю о тебе. Скучаю. Люблю. Но что-то не получаю от тебя таких же импульсов... Может, у тебя всё не так?

Р.S. Звонил Лене, узнал, что она едет к тебе. Задержал отправку письма, чтобы

1981 год

Однажды режиссер Ашкенази пригласил меня сняться в своей картине, в которой главные роли играли В. Алентова и В. Меньшов. Если бы не нужда в деньгах, я бы отказалась: очень тяжело было уезжать даже на три съемочных дня. Перед вылетом встретились с Лёней.

— Нинча, я умру, если ты уедешь. Не бросай меня, не уезжай.

— Лёнечка, три дня пролетят быстро, всего ведь три дня, а я хоть немного смогу заработать…

— А как мне тут без тебя?.. Ну, хорошо, раз так решила. Ты прилетаешь через три дня, у нас в театре как раз будет выходной. Встречаемся в театре, поднимешься на второй этаж, я буду тебя там ждать.

Мы расстались, и я улетела на съемки. Уж не знаю — от чего, — от тоски ли или от чего-то еще, у меня вдруг поднялась в самолете температура. С жутким настроением — хоть лети обратно в Москву, я прилетела на съемки, встретилась в гостинице с Верой и Володей. По-моему, выпили — мне нужно было расслабиться. Меня трясло, и я больная, истерзанная понятными чувствами, со слезами и соплями сразу вылила им свою тоску. Я ревела, меня утешали. У меня не было сил держать в себе губительный груз страданий. Рассказала, отчего слезы.

Единственно утаила, кто был причиной моих слез: имя Лёни было моим секретом. Это, как в детстве, когда счастливым образом мы, дети, находили цветные стеклышки и зарывали их где-нибудь в тайном месте во дворе и потом каждый день разрывали и смотрели сквозь каждое на солнце. И мир был каждый раз разный, особенно красив он казался сквозь розовое, а таинственно-тревожным — через сине-фиолетовое. И этот чудесный клад назывался «секретом». Таким секретом для всех был мой Лёня.

Три дня тянулись как три месяца. Но вот последний день съемок, и я наконец-то лечу в Москву, где меня очень ждут, и как я это чувствую! Только вошла в квартиру — звонок. Знаю — Лёня. Забарабанило сердце, поднимаю трубку и — родной голос: «Я тебя уже давно жду, беги скорей в театр». Лечу на свидание. Не верится: неужели сейчас — вот уже скоро — увидимся. Первый этаж., второй этаж… коридор… и справа гримуборная. Надо взять себя в руки, — взяла, открыла дверь и — победоносно вошла. Через секунду мы уже обнимались, едва закрыв за собой дверь, и попробовал бы кто-нибудь оторвать нас друг от друга. Долго стоим обнявшись, и Лёнин шепот мне на ухо: «Нинченька, родная, пожалуйста, не уезжай так надолго».

Но я опять уехала, и были другие три дня.

6 апреля

5-го после спектакля Лёня с Хмелем пошли в Дом кино, в ресторан, откуда позвонил мне:

— Не могу говорить…

Перебиваю:

— Зачем тогда звонишь? Позвони, когда сможешь.

— Позвоню попозже.

Через 1–2 минуты:

— Не совсем могу…

— Ну что за бред, Лёня! Сегодня уже не звони, — поздно. Пока.

(Бросила трубку)

Сегодня;

Л.: — Что за трагический тон?

Я: — Он не к тебе относился, — я поругалась с сыном.

— А что вчера? Почему не стала говорить?

— Ты не мог.

— Через минуту уже мог, и что за тон?

— Потому что мне показалось обидным то обстоятельство, что ты отказался мне помочь, написать 15 строк, которые отняли бы у тебя не больше 20 минут.

(Крик, ор: «У меня столько работы… я все для тебя… морда бесстыжая». Трубка брошена. Я просила написать «шапку» для композиции о Пушкине — для меня и Шуляковского.[60])

«Морда бесстыжая»… впервые слышу оскорбление в мой адрес. Как мог?! Сразу стал чужим, хотя «морда бесстыжая» меня рассмешила.

7 апреля

Я у Иры с Володей. Выпивали. Что бы я без них делала? Из их окон видны его окна. Ночь. Окна горят… работает…

Не хочу! Не нужен! Не дорог!

Не слышу тебя, Кассиопея. Сухая, «как каменная глыба: меня выдоили».

27 апреля

Молчал ровно 20 дней. Телефонный звонок около 12 ночи. Подняла и бросила трубку

28 апреля

Все утро не смолкал телефон. Трубку не поднимаю. В 2 часа дня улетаю в Евпаторию с Л. Терещенко[61] и ее подругой за здоровьем и, главное, от него.

Последняя неделя — сны: переживает, ищет.

(В Евпатории чья-то мама работает в больнице, где мы будем делать кое-какие процедуры, есть траву, овощи, фрукты.)

11 мая

Москва. Приехала посвежевшей, помолодевшей. Я себе нравлюсь, что бывает не часто. Сразу получаю информацию о Лёньке: «Чудит дома, лежит все время, совсем не работает, огрызается, хамит…»

14 мая

Читка пьесы о В. В. С. Передали: «Лёнька не спускал с тебя глаз».

15 мая

Наконец-то премьера Иркиного «Вийона».[62] Отпраздновали круто.

26 мая

Оттащил от Гарика Антимония![63]

Л.: — Любимая моя…

Я: — Я не кошка,

— Ты — моя любимая…

— Я не кошка…

27 мая

Счастливое примирение у Лены.

— Ты мне сегодня подарила счастье. Я снова задышал. Я начал жить. Без тебя нет жизни, жить без тебя не могу!

Звонок к ночи — 11 часов 45 минут.

Говорили много. Наговорил много ласковых слов. Прощаться не хотелось.

— Ну все, давай, моя золотенькая, моя сладкая, спатоньки, глазоньки мои. Спатоньки, милый. Я тебя очень люблю. Тебе хорошо было утром?

— Очень. Я люблю тебя.

— Я тебя еще больше.

— Беги, миленький, скорей, — отдыхай.

— Завтра я тебя опять увижу, мою родненькую, мои глазоньки.

— Спокойной ночи. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

— Целую.

— Целую.

— Целую.

— Целую.

11 июня

Вела себя как королева, на 5+.

Друзья. Лёнечка: «Я никогда еще не был так счастлив в жизни. Было, но что-то совсем не то. Страшно, что тебя может не быть со мною. Я хотел бы всю жизнь служить тебе. Я мог бы стать хорошим другом твоему сыну».

_____

(Вырваны страницы.)

_____

Решается судьба театра. Ю. П. хочет уходить из театра: не разрешают спектакль — «В. Высоцкий». Отношения с Управлением культуры зашли в тупик. То есть театр — что будет,

то и будет.

Артисты на улице? Ну и черт с ними… Гнусное письмо о вещем сне — Любимову. Анонимное. Кто-то рассказывает про свой сон, называя его вещим. Герой сна — Любимов, в ногах у которого лежат трупы его артистов. Любимов прочитал анонимку, собрав всех нас перед репетицией. Труппа — молчит, кто-то вяло возмущается.

Высокие инстанции дали указание У. К. помочь театру выпустить спектакль. Но для начала они должны были бы прийти посмотреть его, а они не желают. Завтра утром — прогон все равно. Ю. П. хотел вечером сыграть на зрителе, но тогда всему — конец. Решил: не стоит.

Октябрь

Получился спектакль, каких не было и не будет… Как в храме… Актеры — святые, на сцене — святое: соединение Земли с Вселенной. Сердца, цветы — Володе.

25 ноября

Звонок от Лёни: «Люблю, как в рыцарские времена…» Неожиданный любовный захлеб. Вечером — у меня. Ночью слезы, любовь, счастье — еле успокоила. Час или полтора говорил о любви и любил. Я отвечала.

26 ноября

Продолжение любовного взрыва. Рассказывает о своем выступлении на концерте. Два вопроса из зрительного зала.

Первый: «Вы женаты?»

— Нет.

Второй: «Но Вы хоть любите кого-нибудь?»

— Да. Очень. И счастлив. Не буду говорить, какая она — блондинка или брюнетка, — это мой секрет, но благодаря этому человеку я живу, дышу, работаю, и все, что я сделал в последнее время, — это благодаря этому человеку. Я счастлив, но она не очень верит в это. Вот сейчас я позвоню ей, она опять не поверит, что я здесь публично объяснялся ей в любви.

В конце — овации.

Действительно, трудно поверить, что это правда.

У Лёни в последнее время подозрения относительно моей внутренней жизни.

С 29 на 30 ноября

У меня поздно ночью (ничего не боится), 1 час 30 минут.

Как два любовника-безумца. Два дня не виделись, он снимался в Ленинграде. Еле оторвались друг от друга. Ностальгическая нежность. Желание обнять и не отпускать и у него, и у меня.

30 ноября

В гостях у Галки Грачевой. Опоздала к 23 часам домой. Вечером Лёня уезжал в Ленинград. Очнулась в 12 часов — чуть не поседела. И осталась на ночь. По-моему, девочки меня обманули, давали неверную информацию о времени. Чувствую себя свиньей. С утра — угрызения совести. Домой пришла в 12.30 дня. Утром звонил любимый. В 13.00 звонок «Неужели ты не слышишь, как у меня надрывается сердце, я кричу тебе, мне очень плохо. Я в отчаянии — не знаю, что делать… Чем я заслужил, что ты так со мною поступаешь. Я чувствую, что у тебя что-то происходит или что-то уже произошло. У меня бесконечные импульсы относительно твоей внутренней нечистоплотности. Позвоню вечером».

Гудки: занято.

Господи, скорей бы вечер и разговор.

Смешно, 11 лет и — любовь. Я люблю!!!

Декабрь

«Милый мой!

Звоню, звоню, а тебя нет. Нельзя так от меня открещиваться. Все время ты „в бегах“. Или отключаешь телефон? Или в тебе что-нибудь переменилось. Все мне говори. А то ведь бог все видит. Меня нельзя обманывать, даже в

маленьком. Будь высоким человеком, я тебе верю. Я тебя очень-очень-очень люблю. Да?»

1982 год

Новый год

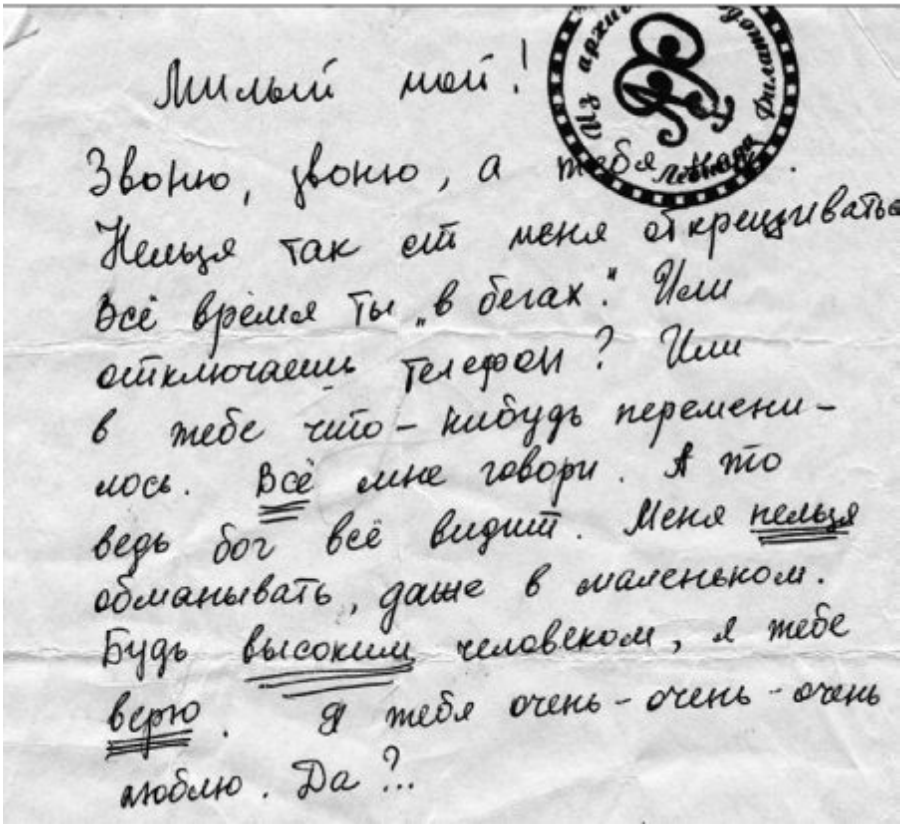
Пять минут первого звонок от Лёни, перед этим звонил наш общий знакомый.

— Кто звонил?

— Мужчина.

(Брошена трубка.)

Опять звонок.



Милый мой!
Звоню, звоню, а тебя нет.
Нельзя так ей меня откручивать
всё время ты „в бегах". Или
отключаешь телефон? Или
в тебе что-нибудь перемени-
лось. Всё мне говори. А то
ведь бог всё видит. Меня нельзя
обманывать, даже в маленьком.
Будь высоким человеком, я тебе
верю. Я тебя очень-очень-очень
люблю. Да?...

— Пфу, пфу (как бы прочищалась трубка).

— Ну, ты что, родненький. Звонил Олег.

— Ну, ладно, родная, я очень тебя люблю. Понял, что не прав, успокоился. Нежные слова.

5 января

2-го и 4-го не была вечером дома.

У Лёни — язва двенадцатиперстной кишки.

Боль дикая.

Телефонный звонок.

— У тебя нет желания извиниться за вчерашний вечер? Где-то жрешь водку (я не пью ее, люблю шампанское), и до тебя не доходит, что именно вчера ты должна была быть дома, — это надо было почувствовать клеточками. Я тебе скажу обидное: «Когда я буду подыхать и останусь один, я к тебе не приползу подыхать».

— Мы с тобой уже договорились об этом еще раньше. Я бы очень хотела не сводить счеты. Обиду твою понимаю. А когда у меня была температура под 40 и я не могла доползти до кухни за водой, почему ты не услышал, как я харкаю кровью, чтобы до тебя достучаться? Сейчас у тебя боль, и тебе ничего не хочется понимать, кроме себя и своей обиды. Но мы обоюдно воспитываем друг друга своим же отношением друг к другу. И как помнишь, я тебе тогда ничего не сказала и никаких выводов не сделала. Какие у меня могут быть к тебе претензии, если я понимаю, что любовь у тебя ко мне не настоящая. Там, где включена счетная машинка, там нет любви. Я все это понимаю и веду себя скромно и не заставляю тебя любить себя больше, чем ты можешь дать. Переживаю такого рода обиды молча.

18 января

Гадание — тревожное лицо.

Звонки из Минска (у Лёни с Хмелем концерты).

Л.: — Мой миленький, чем занимаешься? Ты меня любишь?

Я: — Да, люблю.

— А что делаешь без меня?

— Гадаю на суженого, — привиделось лицо какое-то.

— Тебе явиться должен я. Ведь я — твой муж

— Нет, ты — мой возлюбленный, друг, товарищ, а появиться должен суженый.

— Я — твой суженый.

— Нет. Ты — для другой.

— Не в штампе дело.

— Чудной. Должен явиться кто-то, кто будет и в быту мужем. Мне привиделось какое-то тревожное лицо с длинным носом, по-моему, еврей.

— Ты веселишься? Это мне не нравится.

— Чудак. Если бы я была другая, то давно бы потребовала жениться на мне, а я этого не требую.

— А ты бы потребовала. Мне бы хотелось, чтобы ты этого требовала.

— Перестань. Нам и так с тобой хорошо.

Связь прервалась.

Звонок.

— Я твой суженый, слышишь? Я — твой суженый!! Зачем я здесь?

— Ты играешь концерт.

— Для кого?

— Для меня… для меня, себя и других…

27, 28, 29 января

У меня съемки в Одессе.

(В театре 28-го были читки пьес — «Бесов» и «Самоубийцы». В это время я была в Одессе, Лёня — в Ленинграде.)

За три дня съемок в Одессе — тоска. Тоска… и в одиночестве — о любимом. Ждала встречи. Скорей домой. Прилетела 30 января в 12 часов ночи.

Утром звонок и злой голос Лёни:

— Привет. Когда прилетела?

(Уже никакого счастья. Как сдуло…)

— Вчера в ночь. Я думала, ты позвонишь, — иногда звонишь и в 2 часа ночи. Уж в 12, думаю, позвонишь наверняка. Звонка не дождалась.

(Понял, что все в порядке.)

— А я думал, грешным делом, что ты прилетела рано и вечером удрала в гости, — прости.

— Мы же с тобой договорились, что я прилечу поздно 30 января, забыл? А я о тебе все три дня думала, тосковала, рвалась к тебе. Спасибо, нарвалась на злобность.

— Прости, родненький, солнышко мое. Я тоже тосковал о тебе. Думал, е. т. м., прилетела и тут же — в гости. Прости, мой хороший. До завтра. Завтра увидимся на «Что делать?». Я люблю тебя.

(Настроение не улучшилось. Нельзя себя настраивать на «счастье». Главное — ровность отношений, никаких сердечных захлебов.)

Купили с Ириной К. две бутылки шампанского. Она подозревает во мне жестокость, — ужасно: ничего про меня не

понимает.

31 января

После «Что делать?» — у Елены. Скромно кутили. Без Лёни.

Звонок вечером.

Л.: — Мне не нравится твое настроение.

Я: — Нормальное настроение.

— Что происходит, Нюся? Может, ты все-таки объяснишь?

— Ничего. Тебе кажется.

— И все-таки?

— Все нормально.

— Ну, хорошо. Спокойной ночи.

— Пока.

(Сделала телефон на «занято», через 10 минут включила — звонок.)

Беру трубку: «Вас слушают».

(Молчание.)

Отключила телефон еще на 5 минут. Включила — звонок. Отключила. Включила — опять звонок. Отключила на подольше.

1 февраля. 2 часа дня

Звонок мне.

Я: — Вас слушают. Говорите.

Л.: — Тебе не хочется, Нюся, мне все рассказать? Я ведь знаю, что вчера, после моего звонка, тебе позвонил или ты позвонила тому человеку.

(Объяснила, как было дело.)

— Неправда. Я прошу только одного, — не делать из меня дурака. Нельзя усидеть на двух стульях.

— Это я-то на двух стульях? Это ты — вдвоем, а я — одна.

— Я не вдвоем. Ты прекрасно знаешь, как я там живу. Я по отношению к тебе безупречен, чист. Там все жутко. Вся жизнь — для тебя.

…….

…….

Позвони вечером. Узнай у Лены на завтра.

Звонок вечером: «Тебе плохой человек не звонил?»

— Почему «плохой»? И потом — не звонил.

— А что ты так его оберегаешь? Что он такое для тебя сделал, что вызывает в тебе такое бережное к нему отношение? Что-то я к

себе не чувствую такого отношения.

— Лёня, опомнись! Я сколько раз просила тебя не упоминать о нем. Я не хочу!

— Почему? Почему он тебе так дорог? Я и не хотел о нем говорить и вспоминать, но ты так о нем говоришь, что это вызывает у меня недоверие.

— Ты много суетишься, Лёня, и, знаешь, думаю, не по моему поводу.

— Не понимаю. А по какому же, если не по твоему? Зачем эти съемки, звонки, нервотрепки?

— Не по моему. Я знаю ваши домашние дела, из-за них и мне достается рикошетом. Задавай эти вопросы своим близким. Никакого человека у меня нет. Может быть, у тебя дома не все благополучно в этом плане. Вот там и выясняйте свои взаимоотношения, — со мною не надо.

— Родненький, все мои переживания касаются только тебя одной… Все идет к нормальному завершению. Обо мне не беспокойся. Я абсолютно твой. Я не играю ни в какие игры. Меня на две жизни просто не хватит. И я не хочу. Ты у меня одна и будешь до конца моих дней. Целую глазоньки, и узнай у Елены, с квартирой.

— Хорошо. До завтра.

— До завтра, родненький мой. Спи спокойно. Целую нежно.

— Пока. До завтра. Пока.

(Заказала такси на утро.)

Мой самый близкий человек, мой родной, как же мне тебя предать?

2 февраля

Звонок при Ирине,[64] — нежность с обеих сторон. Ирина кашляет, от чего-то поперхнулась.

1 серия фильма (?).

Л.: — Я бы очень хотел, чтобы он тебе понравился. Он посвящен тебе. Я много думал о тебе, о своих переживаниях.

Уехал в Киев.

3 февраля

Груднева[65] в «Гробах» много говорила о Лёниной «подруге», о ее любовнике, об их взаимоотношениях. Она — ее близкая

подруга, о нас с Лёней ничего не знает. Слушать было неловко, но чтоб не насторожить ее, рассказ не прервала.

15 февраля 1982 года

Театр. 11 часов. Читка «Самоубийцы». Лёня прилетел из Киева. Возможности поговорить не было. Передал термос, проводил к выходу. У меня настроение — чудовищное (заболела). Он не понимает. Говорю: «Приедешь — объяснимся…»

Л.: — Я предварительно там все выяснил. Да, она подтвердила.

(Очевидно, она рассказала, что у нее кто-то есть.)

— Теперь я совсем твой, твой, твой.

Сегодня уезжает опять на один день. Не могу снарядить в дорогу — жаль!

Родненький, как же долго ты ко мне идешь…

17 февраля

Вечером «Мастер».[66] Я — больна.

Письмо Лёни ко мне:

«Нюська.

Не сердись на меня, просто два дня сидел у телефона, ждал звонка. Естественно, нервничал — все-таки город беспокойный…

Не волнуйся, нашего разговора никто не слышал — все были далеко в стороне. Иначе я бы не позволил себе задавать вопросы, которые задавал.

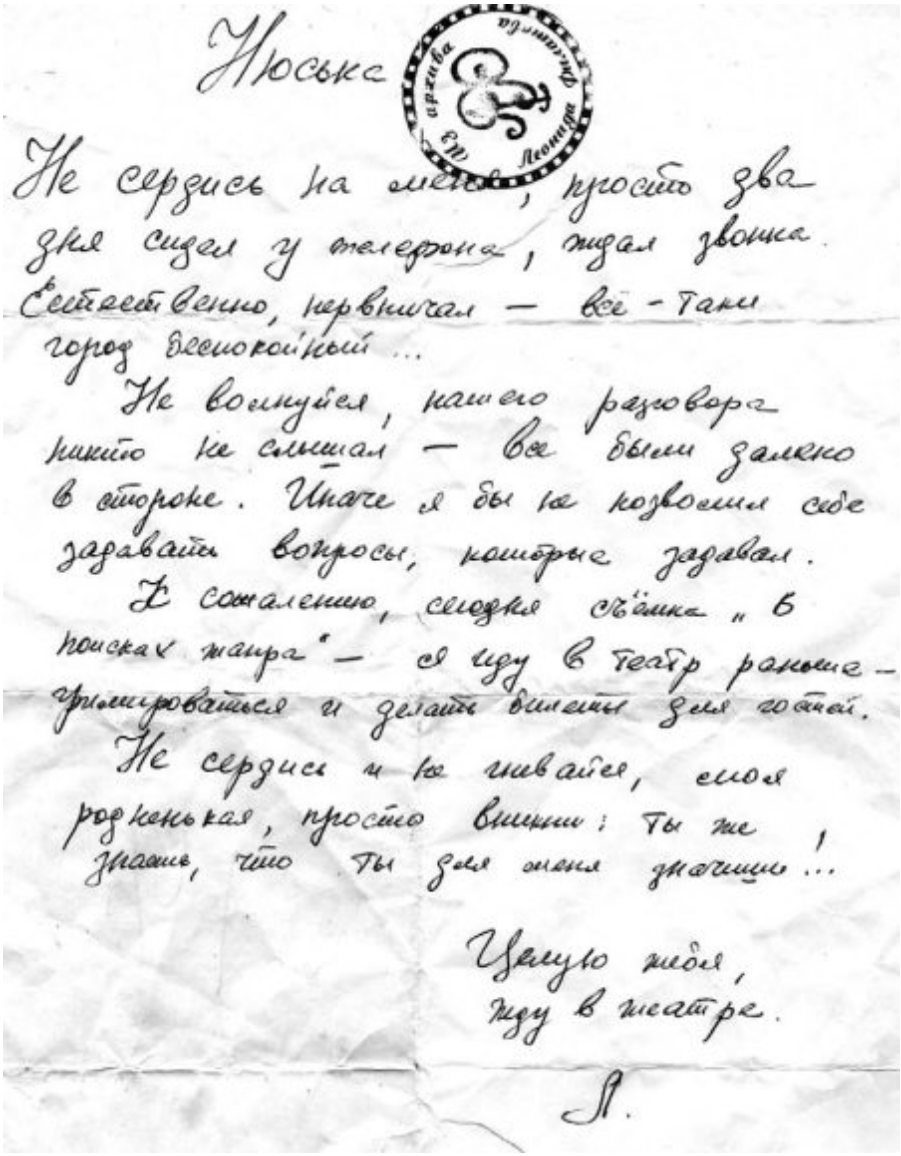
К сожалению, сегодня съемка „В поисках жанра“ — я иду в театр раньше — гримироваться и делать билеты для гостей.

Не сердись и не гневайся, моя родненькая, просто вникни: ты же знаешь, что ты для меня значишь!..

Целую тебя.

Жду в театре.

Л.»


Юськ

Не сердись на меня, просто два дня сидел у телефона, ждал звонка. Естественно, нервничал — все-таки город беспокойный...

Не волнуйся, нашего разговора никто не слышал — все были далеко в стороне. Иначе я бы не позволил себе задавать вопросы, которые задавал.

К сожалению, сегодня съёмка „В поисках жанра" — я еду в театр раньше — гримироваться и делать вылеты для гостей.

Не сердись и не ругайся, слова родненькая, просто вылет: Ты же знаешь, что ты для меня значишь...

Целую тебя, жду в театре.

Я.

19 февраля

Утро с Лёней у Лены. Счастье. 10 часов утра. Накормила бульоном с курицей. Мне слова утешения: «Все у нас будет хорошо, роднулечка, все будет хорошо!»

Вечером звонок.

Я: — Ты окончательно решил уйти из той жизни?

Л.: — Окончательно.

— Тебя ничего не может поколебать?

— Нет (уверенно). Нет

— Но дома будут переживать.

— Уже. Ты не беспокойся.

— Ты абсолютно мой?

— А чей же? Конечно. Ни о чем не думай. У нас все будет хорошо. У нас с тобой все будет хорошо.

Уехала в Одессу 20 февраля.

24 февраля

В 9 часов вечера — в Москве.

— Хорошо, что приехала. Я уже не могу весь груз держать один. Там плачут, просят остаться… добивают подруги… сделал непростительную глупость, пригласил ее в Дом кино, этим как бы обнадежил, и опять слезы, когда поняла, что все остается в силе. Я, конечно же, раздражитель в доме. Нужно съезжать. Пока квартиру не нашли. К матери не хочется…

— Лёнечка, я бы не хотела, чтоб ты сразу приходил ко мне. Как бы ты ни решил, ты должен пожить один, без нее и без меня. Некоторое время. Возможно, тебя вдруг потянет опять в тот дом, а кто знает, вдруг встретишь еще кого-нибудь…

— Ты сумасшедшая. Как ты обо мне думаешь?

— И все-таки, Лёнечка. Мне это важно.

28 утром

Пошла в церковь. Поставила 3 свечи. Попросила Господа укрепить дух троим.

Утром «Зори».[67] Отыграла больная.

В 3-30 звонок.

Л.: — Какие дела?

Я: — Хреновые. Как твоя репетиция прошла? Была?

— Да ничего нового. Звоню из театра. Вечером перезвоню. Поговорим обстоятельно. Целую.

— Целую.

Вечером: «Хочешь, буду у тебя?»

Конечно, ему трудно. И всех жалко.

Ночью: «Ты меня не любишь». Ерничает.

4 марта

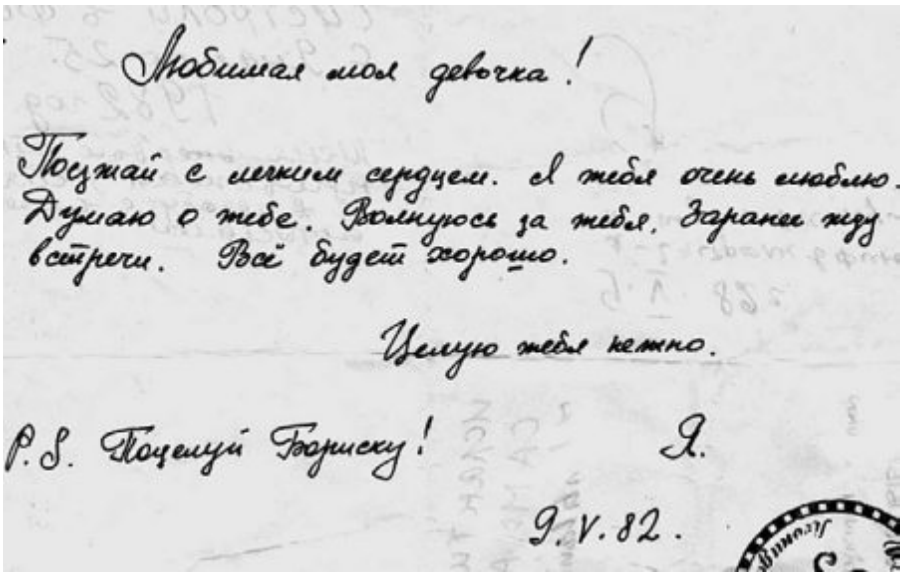
Вечерний звонок:

— Есть хороших два варианта с квартирой. Сдают надолго. Надо на год, на полтора, а уж потом подальше — строить кооператив. Мне могут помочь деньгами, занять (помог впоследствии Вадим Туманов).

7 апреля

Объявилась Колумбия, где Лёня будет сниматься в к/ф «Избранные» у С. Соловьева.

А я с театром еду на гастроли в Финляндию. Отправляясь на гастроли, садимся в автобус. Лёня, провожая меня, впервые не таясь, вошел в переполненный артистами автобус и меня поцеловал. Какая образовалась тишина! Наэлектризованная тишина. Для всех — шок.



Любимая моя девочка!

Поезжай с легким сердцем. Я тебя очень люблю. Думаю о тебе. Волнуюсь за тебя. Заранее жду встречи. Всё будет хорошо.

Целую тебя нежно.

P.S. Поцелуй Бориску! Я.

9.V.82.

Записка Лёни:

«Любимая моя девочка!

Поезжай с легким сердцем. Я тебя очень люблю. Думаю о тебе. Волнуюсь за тебя. Заранее жду встречи. Все будет хорошо.

Целую тебя нежно.

P. S. Поцелуй Бориску[68]*».*

Кончается тетрадь, наступает новая жизнь.

Часть III ВМЕСТЕ

Глава 1 Письма Лёни из Колумбии (во время съемок к/ф «Избранные»)

Письмо 1:

«Нюсенька моя, здравствуй!

Отправил Бориске Хмельницкому письмо с просьбой передать тебе имаме телефон моего отеля с тем, чтобы вы мне дозвонились из Москвы, ибо из Москвы дозвониться до Боготы гораздо проще и дешевле, чем из Боготы в Москву Здесь счет идет на доллары, а у нас на рубли. Но почему-то вот уже неделю ни от тебя, ни от мамы, ни от Бориски ни слуху ни духу.

Это письмо привезет в Москву жена нашего сотрудника посольства (прекрасного, кстати, человека). Зовут ее Тамара Сергеевна. В Москве она опустит письмо в почтовый ящик, и оно придет в театр по почте. Можешь ей позвонить и узнать, каким образом лучше всего дозвониться до Колумбии. Заодно пригласи ее в театр.

Мои колумбийские координаты:

Колумбия, Богота, апарта-отель „Америка“.

Телефон 212.44–90 или 212.81.10.

Комната 201а.

Женька моя, здравствуй!

Отправим Борьке Хмельницкому письмо с просьбой передать тебе и маме телефон моего отеля с тем, чтобы вы сами дозвонились из Москвы, ибо из Москвы дозвониться до Боготы гораздо проще и дешевле, чем из Боготы в Москву. Здесь сейчас идёт на доллары, а у нас на рубли. Но почему-то вот уже неделю ни от тебя, ни от мамы, ни от Борисов ни слуху ни духу.

Это письмо привезёт в Москву жена нашего сотрудника посольства (прекрасного, кстати, человека). Зовут её Тамара Сергеевна. В Москве она опустит письмо в почтовый ящик и оно придёт в театр по почте. Можешь ей позвонить и узнать, каким образом лучше всего дозвониться до Колумбии. Заодно пригласи её в театр.

Мои колумбийские координаты

Колумбия, Богота́, апа́рта-отель „Америка"

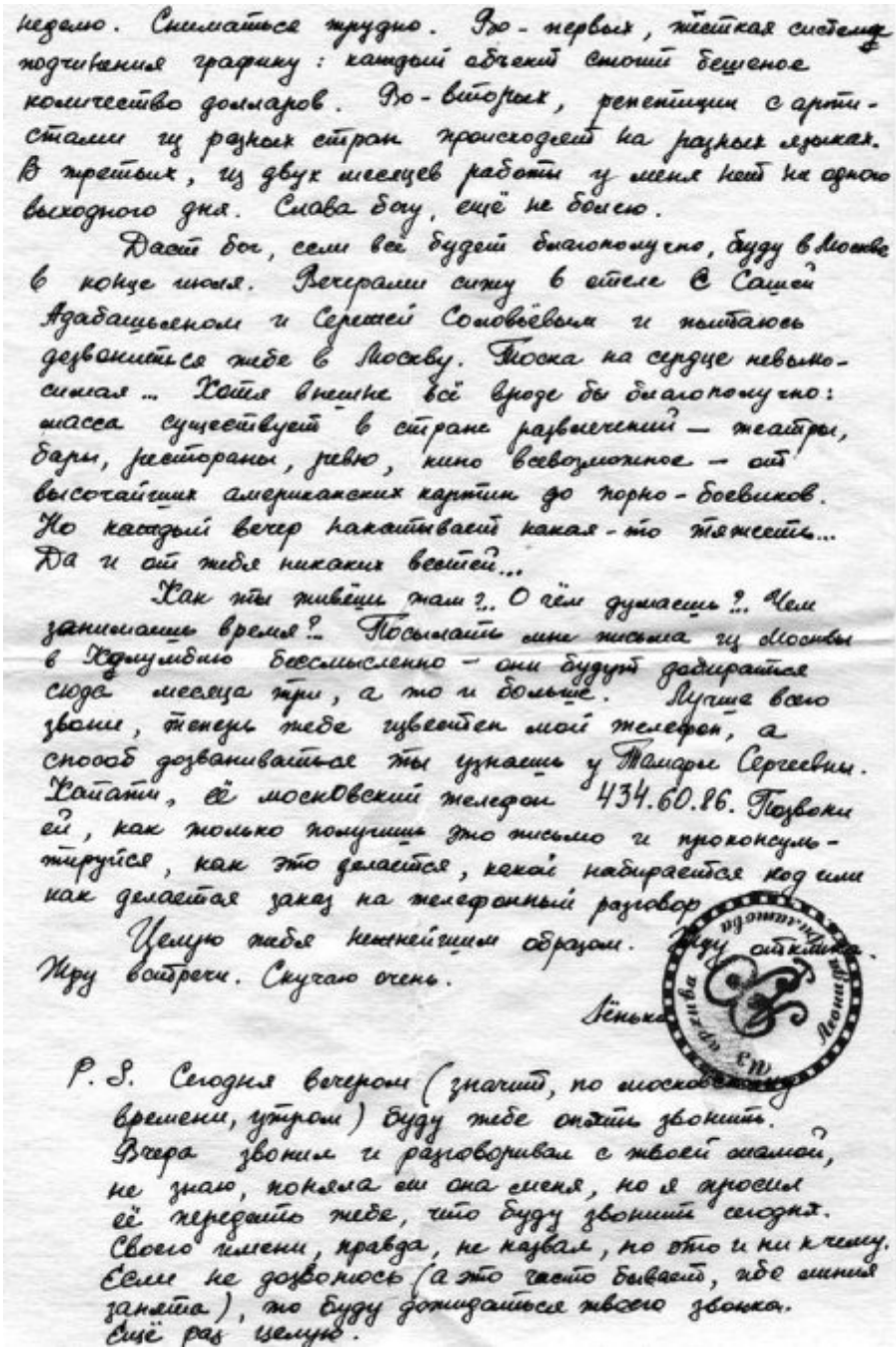
телефон [redacted] 212.44.90 или 212.81.10

комната 201[redacted]

Говорят, что дозвониться сюда непросто, нужно заказывать разговор за день, а то и за два, но ты уж не поленись, ладно? Заказывать разговор лучше всего на 9 или 10 часов утра (по московскому времени). У меня здесь в это время как раз будет вечер, почти ночь, ибо разница во времени между Москвой и Боготой составляет девять часов. Всё-таки между нами целый океан!..

Подробно о Колумбии расскажу при встрече. Завтра здесь состоятся выборы президента сроком на 4 года. Весь город бурлит, огромное количество полиции с автоматами (а они весьма часто постреливают) и не меньшее количество уличных экстремистов с ножами и бомбами. Страшно, аж жуть!

Началась работа над картинкой. Снимаем уже



недешево. Снимаются трудно. Во-первых, жёсткая система подчинения графику: каждый обычный сполна бешеное количество долларов. Во-вторых, репетиции с артистами из разных стран происходят на разных языках. В третьих, из двух месяцев работы у меня нет ни одного выходного дня. Слава богу, ещё не болею.

Дасть бог, если всё будет благополучно, буду в Москве в конце июля. Вечерами сижу в отеле с Сашей Адабашьяном и Сережей Соловьёвым и помираюсь деваться тебе в Москву. Тоска на сердце невыносимая... Хотя внешне всё вроде бы благополучно: масса существует в стране развлечений — театры, бары, рестораны, ревю, кино всевозможное — от высочайших американских картин до порно-боевиков. Но каждый вечер накатывает какая-то тяжесть... Да и от тебя никаких вестей...

Как ты живёшь мама?.. О чём думаешь?.. Чем занимаешь время?.. Посылать сюда письма из Москвы в Ходынскую бессмысленно — они будут добираться сюда месяца три, а то и больше. Лучше всего звони, теперь тебе известен мой телефон, а способ дозваниваться ты узнаешь у Тамары Сергеевны. Хайами, её московский телефон 434.60.86. Позвони ей, как только получишь это письмо и проконсультируйся, как это делается, какой набирается код или как делается заказ на телефонный разговор.

Целую тебя нежнейшим образом. Буду откликаться. Жду встречи. Скучаю очень.

Лёнька

P.S. Сегодня вечером (значит, по московскому времени, утром) буду тебе опять звонить. Вчера звонил и разговаривал с твоей мамой, не знаю, поняла ли она меня, но я просил её передать тебе, что буду звонить сегодня. Своего имени, правда, не называл, но это и ни к чему. Если не дозвонюсь (а это часто бывает, тебе ли этого не знать), то буду дожидаться твоего звонка. Ещё раз целую.

Говорят, что дозвониться сюда непросто, нужно заказывать разговор за день, а то и за два, но ты уже не поленись, ладно? Заказывать разговор лучше всего на 9 или 10 часов утра (по московскому времени). У меня здесь в это время как раз будет вечер, почти ночь, ибо разница между Москвой и Боготой

составляет девять часов. Все-таки между нами целый океан!..

Подробно о Колумбии расскажу при встрече. Завтра здесь состоятся выборы президента сроком на четыре года. Весь город бурлит, огромное количество полиции с автоматами (а они весьма часто постреливают) и не меньшее количество уличных экстремистов с ножами и бомбами. Страшно, аж жуть!

Началась работа над картиной. Снимаем уже неделю. Сниматься трудно. Во-первых, жесткая система подчинения графику: каждый объект стоит бешеное количество долларов. Во-вторых, репетиции с артистами из разных стран происходят на разных языках. В-третьих, из двух месяцев работы у меня нет ни одного выходного дня. Слава богу, еще не болею. Даст бог, если все будет благополучно, буду в Москве в конце июля. Вечерами сижу в отеле с Сашей Адабашьяном и Сережей Соловьевым и пытаюсь дозвониться к тебе в Москву. Тоска на сердце невыносимая… Хотя внешне все вроде бы благополучно: масса существует в стране развлечений — театры, бары, рестораны, ревю, кино всевозможное — от высочайших американских картин до порнобоевиков. Но каждый вечер накатывает какая-то тяжесть… Да и от тебя никаких вестей…

Как ты живешь там?.. О чем думаешь?.. Чем занимаешь время?.. Посылать мне письма из Москвы в Колумбию бессмысленно — они будут добираться сюда месяца три, а то и больше. Лучше всего звони, теперь тебе известен мой телефон, а способ дозваниваться ты узнаешь у Тамары Сергеевны. Кстати, ее московский телефон 434.60.86. Позвони ей, как только получишь это письмо, и проконсультируйся, как это делается, какой набирается код или как делается заказ на телефонный разговор.

Целую тебя нежнейшим образом. Жду отклика. Жду встречи. Скучаю очень.

Ленька.

P. S. Сегодня вечером (значит, по московскому времени утром) буду тебе опять звонить. Вчера звонил и разговаривал с твоей мамой, не знаю, поняла ли она меня, но я просил передать тебе, что буду звонить сегодня. Своего имени, правда, не назвал, но это и ни к чему. Если не дозвонюсь (а это часто бывает, ибо линия занята), то буду дожидаться твоего звонка.

Еще раз целую».

Письмо 2:

Нюсенька, родная моя!

Вот уже почти месяц, как я не в Москве. Каждый день — работа. В колумбийской прессе постоянно появляются сообщения о нашей картине. Этот фильм чрезвычайно важен для колумбийского кино. Предполагается, что его должны купить в Штатах и в Европе. Работать невероятно трудно. Так, пожалуй, я никогда не уставал. Здесь, в кино, идет все что угодно — от прекрасных американских фильмов последнего времени (включая «Регтайм» — это последний фильм Милоша Формана, который снял «Кто пролетит над гнездом кукушки») до чернейшей порнографии. Но усталость валит с ног уже в 19.00 вечера (к тому же высота над уровнем моря 4 км — дышать и то трудно), так что никуда почти не выхожу. Помимо всего прочего в Колумбии проходили выборы нового президента. Это, конечно, зрелище, ни с чем не сравнимое. Все бурлит, все орут, толпы людей на улицах, куча огней, огромное количество полицейских. Иногда постреливают. Иногда попадают в цель. Иногда подкладывают бомбы. Нас покамест все это не коснулось, но кто знает… Здесь действуют своего рода «красные бригады», похищающие людей.

Наша картина, судя по колумбийской прессе, привлекает всеобщее внимание. У Тани Друбич (она привезет это письмо в Москву) есть журнал с фотографиями из нашего фильма. Попроси ее показать, если тебе, конечно, интересно.

Вчера закончили съемки в самом опасном районе Боготы. Это район, где живет беднота, самый преступный район столицы. Местные власти предупреждали нас, что там может быть все, что угодно, ибо это район, где властвует мафия. Здесь торгуют кокаином, морфием и другими наркотиками (Колумбия — это вообще страна наркотиков). Здесь могут выстрелить в тебя просто за то, что ты гринго (то есть не колумбиец).

Но страхи оказались напрасными. Очаровательные, добрые, великодушные люди, улыбчивые и благородные. А дети — вообще восторг!.. Чумазые, грязные, плохо одетые, но нежные и привязчивые. У меня среди маленьких детей куча прекрасных товарищей. В общем, выяснилось, не так страшен черт… Скорее, даже наоборот. Люди везде люди.

Люсенька, родная моя!

Всё уже почти снято, как я не в Москве. Каждый день — работа. В колумбийской прессе постоянно появляются сообщения о нашей картине. Этот фильм чрезвычайно важен для колумбийского кино. Предполагается, что его должны купить в Штатах и в Европе. Работаем невероятно трудно. Так, понимаешь, я никогда не уставал. Здесь в кино грязь всё что угодно — от прекрасных американских фильмов последнего времени (включая „Фортаймен" — это последний фильм Милоша Формана, который снял „Кто пролетит над гнездом кукушки") до черной порнографии. Но усталость валит с ног уже в 19.00. вечера (и тому же высота над уровнем моря почти 4 км — дышать и то трудно), так что никуда почти не выхожу. Помимо всего прочего недавно в Колумбии проходили выборы нового президента. Это, конечно, ничто ни с чем несравнимое. Всё бурлит, все орут, толпы людей на улицах, куча огней, огромное количество полицейских. Иногда постреливают. Иногда попадают в цель. Иногда подкладывают бомбы. Нас покамест всё это не коснулось, но кто знает... Здесь действуют своего рода „красные бригады", похищающие людей.

Наша картина, судя по колумбийской прессе, привлекает всеобщее внимание. У Тани Дрибас (она привезет это письмо в Москву) есть журнал с фотографиями из нашего фильма. Попроси ее показать, если, конечно, тебе интересно.

Вчера закончили съёмки в самом опасном районе Боготы. Это район, где живёт беднота, самый преступный район столицы. Местные власти предупреждали нас, что там может быть всё, что угодно, что это район, где властвует мафия. Здесь торгуют кокаином, морфием и другими наркотиками (Колумбия — это вообще страна наркотиков). Здесь могут выстрелить в тебя просто за то, что ты гринго (то есть не колумбиец). Но страхи оказались напрасными. Очаровательные

добрые, великодушные люди, улыбчивые и благородные. И дети — вообще восторг!.. Чумазые, грязные, плохо одетые, но нежные и привязчивые. У меня среди маленьких детей куча прекрасных товарищей. В общем, не так страшен чёрт... Скорее даже, наоборот. Люди везде люди.

Страна прекрасная, неожиданная, яркая, шумная, опасная. Но — странно! — я впервые не ощущаю себя заграницей, и нет желания ходить, смотреть, впитывать впечатления. Такое ощущение, что я в России, но просто очень далеко от Москвы. Может быть, просто устал?..

Нет никакой охоты к общению, к прогулкам, к кино, к барам и ресторанам. Единственное, чего хотелось бы, так это увидеть Габриэля Гарсиа Маркеса (он ведь живёт в Боготе). Но сейчас, говорят, он находится в Мексике или в С.Ш.А. Всё это отсюда довольно близко.

Картина движется — жду, жду, жду! — довольно стремительно. Смотрел уже довольно много материала. Трудно пока составить какое-то определённое впечатление. Видимо, пока не соберутся сюжетные блоки, ничего нельзя будет понять. Это ведь не просто кино, это кинороман, история человеческой жизни на фоне эпохи 41-45-годов.

Ну, хватит о нашей кровавой работе. Тебе это вряд ли интересно, ты ведь даже не читала сценария. Давай лучше поговорим о тебе. Это письмо придёт к тебе по почте. Его привезёт Т. Друбич. Она приедет в Москву дней на 10 — ей необходимо сдать экзамены. Чтобы избавить тебя всяких намёков на ревность, считаю необходимым сообщить: Таня — жена нашего режиссёра Сергея Соловьёва. Пока неофициальная, но жена. И это продолжается уже много лет. У них ситуация очень трудная и весьма похожа на нашу в прежние годы. Надеюсь, теперь ты понимаешь, какая ты у меня дурачок в своих подозрениях на ревность?.. По телефону я ничего не мог тебе объяснить, ибо тебя соединили почему-то не с моим номером, а с номером Сергея Соловьёва. Он подал мне трубку, а сам был рядом. Сама понимаешь, я ничего конкретного не мог сказать в ответ на твои глупости.

Что же касается моего первого к тебе письма, переданного через посольство, т.е. через Тамару Сергеевну, то я очень рассчитывал на твою сообразительность.

Не могу же я сказать сотрудникам посольства, что я живу любимой женщиной, а не тем. Пришлось что-то выдумать в расчёте на твою кошмутую головку. Они ведь не знают, что я практически разведён. Да и вообще к разводам у нас относятся весьма настороженно.

Каждый вечер сижу дома, смотрю телевизор. В основном, показывают шоу и американские боевики. Каждые 20 минут оснащаются рекламой. Всю рекламу я уже знаю наизусть.

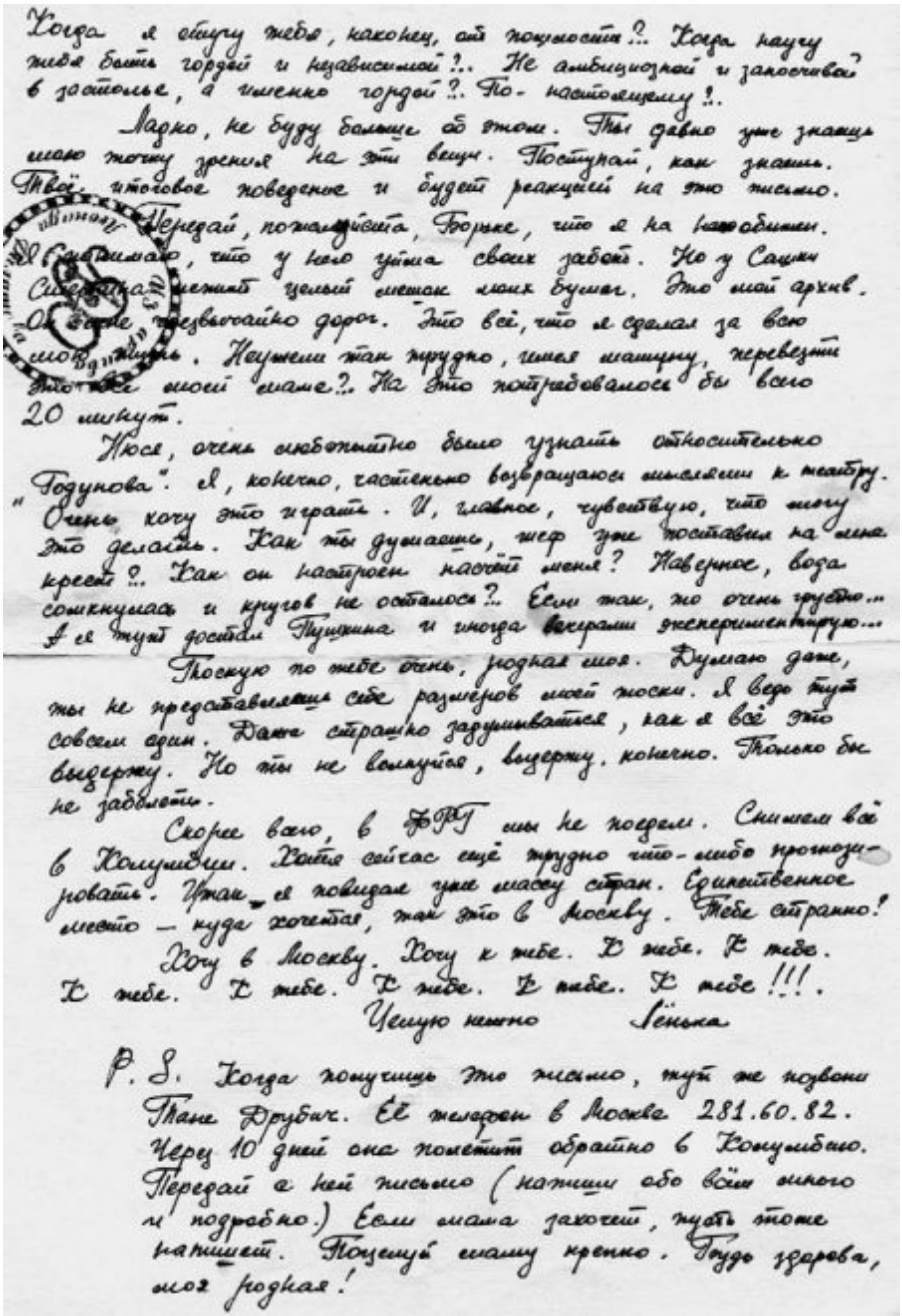
Фирма, которая отмечает нашу картинку, платит нам довольно мало денег, хотя мы здесь считаемся звёздами первой величины. Но ты не беспокойся, я, конечно, кое-что хорошего тебе привезу.

Очень огорчён твоим желанием поехать в эту военную поездку по поводу заработка. У меня даже зарождаются подозрения, что тебя привлекают туда не одни только деньги. [redacted] Не обижайся, но уж больно ты пошла и настойчиво упираешься в эту поездку. В чём дело? Скучно стало? Вскудель сердце? Захотелось освежиться?.. Смотри, смотри...

Я ведь обещал тебе, что сразу по приезде поищу на Моховинке большие деньги. Что ж тебе не хватает? Надеюсь, ты сумеешь и одеться, и обуться, и откормить мою и Денечка тоже. Откуда же эта мышья и небывородная авантюрность?.. От скуки?.. Или тебе самой хочется поскользиться по этим вавивым окопам? Такой, так сказать?.. Неискоренимое желание вываляться в говне?.. Зачем?.. Тем более, теперь?

Я не имею права настаивать, но хочу тебя сказать, что меня это очень и очень расстроит. Я бы понял твою настойчивость, если бы речь шла о больших деньгах. Но стремление изловчиться за копейки? Не понимаю...

Ты же пока не умираешь с голоду?.. Ну, дотерпи хотя бы до моего приезда... Не понимаю, не понимаю... О, эти твои вечные решения, вроде бы честные, вроде бы прямые, вроде бы не предполагающие двойного дна, а на самом деле, чреватые и двусмысленные. Объясни, наконец, почему такие, на первый взгляд, пустяки тревожат меня даже за океаном?..



Когда я обниму тебя, наконец, сама почувствуешь?.. Когда научу тебя быть гордой и независимой?.. Не амбициозной и заносчивой в застольях, а чуточку гордой?.. По-настоящему?..

Ладно, не буду больше об этом. Ты давно уже знаешь мою точку зрения на эти вещи. Поступай, как знаешь. Твоё итоговое поведение и будет реакцией на это письмо.

Передай, пожалуйста, Борьке, что я на него обиделся. Считаю, что у него уйма своих забот. Но у Сашки Сибирцева лежит целый чемодан моих бумаг. Это мой архив. Он стоит чрезвычайно дорог. Это всё, что я сделал за всю свою жизнь. Неужели так трудно, имея машину, перевезти этот чемодан?.. На это потребовалось бы всего 20 минут.

Люся, очень любопытно было узнать относительно Годунова". Я, конечно, частенько возвращаюсь мыслями к театру. Очень хочу это играть. И, главное, чувствую, что могу это делать. Как ты думаешь, шеф уже поставил на мне крест?.. Как он настроен насчёт меня? Наверное, вода сомкнулась и кругов не осталось?.. Если так, то очень грубо... А я тут достал Пушкина и иногда вечерами экспериментирую...

Тоскую по тебе очень, родная моя. Думаю даже, ты не представляешь себе размеров моей тоски. Я ведь тут совсем один. Дама страшно загрустилась, как я всё это выдержу. Но ты не волнуйся, выдержу, конечно. Только бы не заболеть.

Скорее всего, в ФРГ мы не поедем. Снимем всё в Колумбии. Хотя сейчас ещё трудно что-либо прогнозировать. Итак, я повидал уже массу стран. Единственное место — куда хочется, так это в Москву. Тебе странно?

Хочу в Москву. Хочу к тебе. К тебе. К тебе. К тебе. К тебе. К тебе. К тебе!!!.

Целую нежно Ленька

P. S. Когда получишь это письмо, тут же позвони Тане Друбич. Её телефон в Москве 281.60.82. Через 10 дней она полетит обратно в Колумбию. Передай с ней письмо (напиши обо всём много и подробно). Если мама захочет, пусть тоже напишет. Поцелуй маму крепко. Будь здорова, моя родная!

Страна прекрасная, неожиданная, яркая, шумная, опасная. Но — странно! — я впервые не ощущаю себя за границей, и нет желания ходить, смотреть, впитывать впечатления. Такое ощущение, что я в России, но просто очень далеко от Москвы. Может быть, просто усталость?.. Нет никакой охоты к общению, к прогулкам, к кино, к барам и ресторанам. Единственное, чего

хотелось бы, так это увидеть Габриэля Гарсиа Маркеса (он ведь живет в Боготе). Но сейчас, говорят, он находится в Мексике или в США. Все это отсюда довольно близко.

Картина двигается — тьфу, тьфу, тьфу! — довольно стремительно. Смотрел уже довольно много материала. Трудно пока составить какое-либо определенное впечатление. Видимо, пока не соберутся сюжетные блоки, ничто нельзя будет понять. Это ведь не просто кино, это кинороман, история человеческой жизни на фоне эпохи 41–45 годов.

Ну, хватит о нашей кровавой работе. Тебе это вряд ли интересно, ты ведь даже не читала сценария. Давай лучше поговорим о тебе. Это письмо придет к тебе по почте. Его привезет Т. Друбич. Она приедет в Москву дней на 10 — ей необходимо сдать экзамены. Чтобы лишить тебя всяких шансов на ревность, считаю необходимым сообщить: Таня — жена нашего режиссера Сережи Соловьева. Пока неофициальная, но жена. И это продолжается уже много лет. У них ситуация очень трудная и весьма похожа на нашу в прежние годы. Надеюсь, теперь ты понимаешь, какой ты у меня дурачок в своих потугах на ревность?.. По телефону я ничего не мог тебе объяснить, ибо тебя соединили почему-то не с моим номером, а с номером Сережи Соловьева. Он позвал меня к телефону, а сам был рядом. Сама понимаешь, я ничего конкретного не мог сказать в ответ на твои глупости.

Что же касается моего первого к тебе письма, переданного через посольство, т. е. через Тамару Сергеевну, то я целиком рассчитывал на твою сообразительность. Не мог же я сказать сотрудникам посольства, что я пишу любимой женщине, а не жене. Пришлось что-то выдумывать в расчете на твою неглупую головку. Они ведь не знают, что я практически разведен. Да и вообще к разводам у нас относятся весьма настороженно.

Каждый вечер сижу дома, смотрю телевизор. В основном показывают шоу и американские боевики. Каждые 20 минут ошарашивают рекламой. Всю рекламу я уже знаю наизусть.

Фирма, которая оплачивает нашу картину, платит нам довольно мало денег, хотя здесь мы считаемся звездами первой величины. Но ты не беспокойся, я, конечно, кое-что хорошего тебе привезу.

Очень огорчен твоим желанием поехать в эту вонючую поездку по поводу заработка. У меня даже закрадывается подозрение, что тебя привлекают туда не одни только деньги. Не обижайся, но уж больно ты пошло и настойчиво упираешься в эту поездку. В чем дело? Скучно стало? Оскудело сердце? Захотелось освежиться?.. Смотри, смотри…

Я ведь обещал тебе, что сразу по приезде получу на «Мосфильме» большие деньги. Что же тебе не хватает? Надеюсь, ты сумеешь и одеться, и обуться, и отдохнуть летом. И Денечка тоже. Отчего же эта нищая и неблагородная авантюрность?.. От скуки?.. Или тебе самой хочется послоняться по этим вшивым окопам? Тянет, так сказать?.. Неискоренимое желание вываляться в говне?.. Зачем, тем более теперь?

Я не имею права настаивать, но хочу тебе сказать, что меня это очень и очень расстроит. Я бы понял твою настойчивость, если бы речь шла о больших деньгах. Но стремление изговняться за копейки? Не понимаю…

Ты же пока не умираешь с голоду?.. Ну, дотерпи хотя бы до моего приезда… Не понимаю, не понимаю… О, эти вечные твои решения, вроде бы честные, вроде бы прямые, вроде бы не предполагающие двойного дна, а на самом деле чреватые и двусмысленные. Объясни мне, почему такие на первый взгляд пустяки тревожат меня даже за океаном?.. Когда я отучу тебя, наконец, от пошлости?.. Когда научу тебя быть гордой и независимой?.. Не амбициозной и заносчивой в застолье, а именно гордой?.. По-настоящему?..

Ладно, не буду больше об этом. Ты давно уже знаешь мою точку зрения на эти вещи. Поступай, как знаешь. Твое итоговое поведение будет реакцией на это письмо.

Передай, пожалуйста, Борьке, что я на него обижен. Я понимаю, что у него уйма своих забот. Ноу Сашки Стернина[69] лежит целый мешок моих бумаг. Это мой архив. Он мне чрезвычайно дорог. Это все, что я сделал за всю мою жизнь. Неужели так трудно, имея машину, перевезти все это моей маме?.. На это потребовалось бы всего 20 минут.

Нюся, очень любопытно было узнать относительно «Годунова».[70] Я, конечно, частенько возвращаюсь мыслями к театру. Очень хочу это играть. И, главное, чувствую, что могу это делать. Как ты думаешь, шеф уже поставил на мне крест?.. Как он настроен насчет меня? Наверное, вода сомкнулась и кругов не осталось?.. Если так, то очень грустно… А я тут достал Пушкина и иногда вечерами экспериментирую..

Тоскую по тебе очень, родная моя. Думаю даже, ты не представляешь себе размеров моей тоски. Я ведь тут совсем один. Даже страшно задумываться, как я все это выдержу. Но ты не волнуйся, выдержу, конечно. Только бы не заболеть.

Скорее всего, в ФРГ мы не поедем. Снимем все в Колумбии. Хотя сейчас еще трудно что-либо прогнозировать. Итак, я повидал уже массу стран. Единственное место — куда хочется, так это в Москву. Тебе странно?

Хочу в Москву. Хочу к тебе. К тебе. К тебе. К тебе. К тебе. К тебе. К тебе. К тебе!!!

Целую нежно.

Лёнька.

P. S. Когда получишь это письмо, тут же позвони Тане Друбич. Ее телефон в Москве… Через 10 дней она полетит обратно в Колумбию. Передай с ней письмо (напиши обо всем много и подробно). Если мама захочет, пусть тоже напишет. Поцелуй маму крепко. Будь здорова, моя родная!

Глава 2 Подарки

В доме поселилось счастье!!!

Разведясь с женой, Лёня пришел ко мне не сразу. Я поставила ему условие: «Придешь тогда, когда поймешь, что не сможешь без меня жить. А пока поживи какое-то время без меня, все может быть, — или тебя потянет в тот дом, который ты оставил, или — ко мне, или найдешь за это время кого-то еще…»

Прошло немного времени, ив 1982 году Лёня пришел насовсем к нам в дом, и мы стали жить вчетвером: он, я, моя мама и сын Денис. И неважно, что первые два года мы с ним «притирались» — аж искры летели, — неважно, что позже моя мама имела, мягко скажем, свои к нему безосновательные претензии, — в доме поселилось счастье! Денис еще раньше, узнав, что «моим мужем станет Лёня Филатов», запрыгал от радости и счастливо кричал: «Как здорово! Мамочка, как здорово!» А я, живя с моим дорогим человеком, окруженная его заботой и любовью, обретя так нужную мне и долгожданную опору в жизни, впервые стала ощущать себя настоящей женщиной. Я вдруг успокоилась. Как будто не было тех долгих тяжелых лет, я чувствовала себя заново рожденной, я была другой, той, которая так надолго и глубоко была запрятана внутри меня же. Лёня ни на секунду не оставлял меня без внимания, — исключением была только работа.

И подарки! Я вдруг впервые в жизни поняла и прочувствовала, какую радость они могут принести женщине, — подарки от любимого человека, а Лёнина щедрость в этом смысле не имела, казалось, границ.

Однажды, приехав со съемок из-за границы, втащив в дом огромный чемодан и какие-то сумки, наспех обняв и расцеловав всех нас, проигнорировав накрытый к его приезду всякими вкусностями стол, плюхнулся на пол и стал при нас с Дениской открывать бесконечные замки, ремешки, что-то отстегивать, расшнуровывать, и когда все было открыто, попросил, чтобы я отвернулась. Уши мои улавливают возбужденный шепот Дениса и Лёни, какое-то легкое шуршание…

«Ну, Нюсенька, поворачивайся!» — слышу я и поворачиваюсь. Ой — в меня одна за другой полетел целый ворох красивых фирменных вещей. Ежик прокатился по всему телу, — с ума бы не сойти! Лёня с Денькой требуют, чтобы я тут же все это примерила. Да меня и просить не надо. Я вертелась перед зеркалом, надевая то одно, то другое, и как я сейчас себе

нравилась!! На меня из зеркала глядело высокое стройное — что за прелесть! — очаровательное существо. Я была не я. Я не узнавала себя. Так вот как выглядят по-настоящему счастливые женщины. Музыка! Комната наполнилась музыкой. Каждый раз, поворачиваясь от зеркала к вам, моим дорогим мальчишкам, вижу в ваших глазах столько счастливого солнца, восторга, — вы улыбаетесь, и я, счастливая на весь мир, бегу к вам, крепко обнимаю моего любимого Лёньку, целую, — у меня нет слов, только слезы градом текут по щекам: за всю жизнь с другим человеком, кроме кубика-рубика на один из моих дней рождения, я не получала никаких подарков, и шуба, которую наш тогдашний кассир Театра на Таганке Бэлла Григорьевна почти заставила его для меня сшить у своего знакомого скорняка вместо никуда не годного пальто, вовсе не была подарком за придуманное мной названия «Дребезги» к его повести, и рождение сына тоже никак не было отмечено. Только В. Высоцкий написал мне в этот день свое поздравительное стихотворение и поздравили девочки из театра.

Больно уколола память, и вот они — слезы, переходящие в рыдания. Лёня по-своему понимает смысл слез и достает все новые и новые прекрасные вещи. И я опять верчусь и кружусь перед зеркалом и прыгаю от счастья, зарабатывая на лице так мне идущий румянец.

— Все, Нюсенька! — ты закрываешь чемодан, и я со словами: «Лёнечка, как я тебя люблю! Спасибо! Как я счастлива!» — опять бегу к тебе, зацеловываю, но ты меня отстраняешь.

— Забыл! Совсем забыл! Денис, подай вон ту сумку.

С забывчивостью здорово наиграл, и я догадываюсь, что это еще не все, хотя уже весь пол был завален грудой вещей, что ты решил «добить» меня еще каким-то сюрпризом. Тебе интересна моя реакция. Да какая может быть реакция, когда я уже в хроническом очумелом состоянии. И опять в меня летит красота.

— Лёнечка, мне плохо.

— Давай, Нюсенька, примеривай. Дениска, правда — красивая у нас мама?

А у меня уже нет сил радоваться, и я опять плачу Но и это был не конец. Ты вытаскиваешь красивую жемчужную сумку с дорогущей косметикой и духами, которую, к сожалению, на второй или третий день мы благополучно оставили в такси. Боже! Какой счастливый лотерейный билет выпал кому-то в этот день! А сейчас, видя все это богатство, от недостатка какого-то сердечного клапана я начинаю нервно зевать, — это у меня происходит всегда от сильного волнения, когда я переживаю сильный стресс. Тебя это смешит, ты весело смотришь на меня:

стоит перед тобой дива, обессиленная от нечеловеческих эмоций, прикрывающая одной ладонью рывками зевающий рот, другой утирая непрекращающиеся слезы, и ты — счастлив!

Теперь подарки будут каждый раз, когда ты будешь возвращаться со съемок из-за границы, хотя я никогда тебя об этом не просила. Просьба была одна — не экономить на своем здоровье и жить там, как положено жить «белому человеку».

И наконец-то был приодет Дениска, которому Лёня тоже привозил много хороших вещей. Не забывались и обе наши мамы, Матрена Кузьминична и Клавдия Николаевна.

А как-то раз (это в первый год совместной жизни) Лёня приносит нам трехлитровую банку черной икры. Собрав всех нас, не избалованных подобным деликатесом, усадил за стол и заставил ее есть ложками. Моя мама, стесняясь, стала капризничать: «Ну, как можно? Это ведь даже невкусно. И потом, мы же не съедим все это за один раз, а завтра…» — лепетала она, и 12 икринок сиротливо ложились на ломтик хлеба. Видя это «безобразие», Лёня начинал «хозяйничать» сам, и на куске хлеба появлялось столько икры, что втащить его в рот практически становилось невозможно. Дениска ел «от пуза», я не отставала, не забывая о нашем Дедушке Морозе, который, казалось, уже был сыт, глядя на нас, — довольный и счастливый. И это тоже был — праздник! Праздник потому, что в той жизни мы вообще были лишены подобных праздников. Стыдно сказать, но когда после вечерних спектаклей к нам в гости приходили друзья, мы ничего не могли им предложить, кроме двух-трех пельменей. Действительно, так однажды было. А когда знаешь, что Валерий после развода в 1979 году сразу покупает трехкомнатную квартиру, дачу и машину — вообще перестаешь что-либо понимать про людей, про жизнь. Ну ладно, не складывалась со мной жизнь, но был ведь еще ребенок, которого нужно было кормить, одевать и обувать, с деньгами была всегда проблема: побочные заработки от семьи прятались. Какие-то крохи появились, когда, еще до развода, я вынуждена была подать на алименты. К тому времени он много снимался, концертировал. Понимаю, какой стыд он пережил, но я была доведена до предела. И когда через какое-то время он предложил развестись, я с радостью приняла это предложение. Разводились очень весело. Получив развод, купив торт и шампанское, мы — я, Валерий и Володя (брат его) — хорошо отпраздновали это благое для всех событие.

Я это рассказываю для того, чтобы было понятно, какие ощущения и чувства я испытывала, когда Лёня нас чем-то одаривал, какой это всегда был для нашей семьи праздник, какую

радость он принес в наш дом.

А самый первый подарок Лёня мне преподнес в первые годы нашего романа. Тогда были ничтожные заработки, и даже на телевидении, где Лёня для телевизионных спектаклей писал сценарии, даже там платили очень мало. Почему-то кому-то нужно было доплачивать, чтоб разрешили спектакль, и почему-то вычитались деньги из Лёниной зарплаты. Оставались копейки. И все-таки однажды, встретив меня в театре, уведя в безлюдное место, он мне протягивает маленькую коробочку. «Открой, Нинча, это тебе подарок, — прости, не дорогой… получил немного на телевидении, пошел в магазин. Мне показали много чего, но, по-моему, это лучшее из того, что я видел… и по деньгам…» — он быстро проговаривал, чтобы успеть до того, как я открою коробочку. Успел. Я открываю и — вижу прелестную, изящную, с нежным изгибом золотую веточку с маленькими листочками. Веточка маленькая, а какой восторг она у меня вызвала. Правда, при этом мои брови выстроились домиком и спросили-укорили: «Лёнечка, ну зачем? Я же знаю, что это стоит дорого…» А в подтексте звучали слова благодарности: «Спасибо, я люблю тебя, я самая счастливая женщина на свете». Приближались чьи-то голоса, которые разметали нас в разные стороны. Я тут же нацепила на себя эту прелесть и долгое время не расставалась с ней, переадресовывая на другие свои туалеты. Но, видимо, замочек был несерьезный, и вскоре я обнаружила, что моя веточка пропала. Как я страдала! — не передать.

А еще через какое-то время Лёня передает мне небольшую сумму денег, на которые в ГУМе я купила четыре тарелочки с сюжетным рисунком в коричневых тонах. Вот они-то сохраняются у меня до сегодняшнего дня — память о наших первых счастливых днях, которые я помню памятью зрения, слуха, обоняния. Я умею вспомнить те запахи, те ощущения, тот неповторимый наш воздух.

Глава 3 Ссоры в годы «притирки»

В годы «притирки», когда мы с Лёней наконец-то стали жить вместе, между нами с какой-то пугающей частотой стали вдруг возникать конфликты, ссоры. И не то удивительно, что ссорились — редкая семья обходится без ссор, а то удивительно, что они возникали уж как-то совсем на ровном месте и как бы помимо нашей воли.

— Нюська, что с нами происходит? Почему мы ссоримся?

— Не знаю, — еще не отойдя от очередного выяснения отношений, мрачно отвечаю я, — как правило, ты провоцируешь ссоры, я ненавижу ссориться.

Легкий шок на Лёнином лице и тут же быстрое, но не желательное понимание моей правоты.

Только что у нас в гостях был наш товарищ, при котором мы здорово поцапались. Досталось от меня и нашему товарищу. А поссорились из-за того, что я забыла от него передать Лёне привет. Каждый раз, когда он звонил и не заставал Лёню дома, он передавал ему приветы, а при встрече всегда спрашивал: «Нина передавала тебе привет?» Пять раз я передала, а про шестой забыла. И — ссора! Дурдом. Кафка!

Лёня быстро отходит от ссоры, а я, ужаленная его несправедливостью, некоторое время все еще буду держать на него обиду. Такие вот мы, Рыбы, нежные, — к нам надо подходить тонко, ажурно.

— Ну хватит. Нюсенька, прекрати обижаться. Ты же знаешь, какую нежность я к тебе испытываю. Ну, посмотри на меня, на своего влюбленного муску (мужа).

Я поднимаю глаза и вижу его сплющенное лицо, сильно сжатое между ладонями. Это меня смешит, и я разрешаю себе улыбнуться. Венчает наше примирение мое ласковое — «засранец». Пользуясь моментом, прошу:

— Но за это ты со мной сыграешь в «скрэбл». — Эта игра ему за долгое время порядком надоела, но, пусть нехотя, он все-таки идет мне навстречу У него на лице будни, у меня — радость и азарт.

Были ссоры и покруче. Однажды, доведенная до истерики, выкрикнула Лёне в лицо, что не люблю его, за что в ту же секунду получила от него пощечину, которую я быстро вернула ему назад.

Мои выкрики: «Не люблю! Не люблю!» — заглушила еще одна пощечина…

Я сидела у стены и плакала, а Лёня с рыданиями обцеловывал меня с ног до головы, повторяя: «Прости, прости, скажи, что ты меня любишь, я безумно тебя люблю, — все от этого, прости…»

Больше подобных эксцессов не было на протяжении всей нашей жизни, но это лето я проходила в черных очках, а Лёня — с угрызениями совести.

И все-таки в этих ссорах был положительный момент. Они помогали нам лучше узнать друг друга, воспитывали наши взаимоотношения.

Она внушала страх, от нее исходили неприятные живые импульсы. И когда я на себе это ощущала, поворачиваясь к ней лицом, меня охватывал ужас…

Африканская голова-маска висела над нашей с Лёней кроватью. Она жила, дышала, смотрела на тебя, — видела…

С тех пор как нам ее подарили наши друзья Горбуновы, Татьяна с Володей, приехавшие из Сенегала, где они какое-то время работали, я вдруг стала ощущать в квартире смутное беспокойство, дискомфорт. Еще не понимая, в чем дело, делюсь своими ощущениями с Лёней.

— Нюсенька, да все нормально, только сними ты эту безобразную маску со стены, — выброси!

Решили выбросить немедленно. Встав ногами на кровать и протянув к ней руку, я почувствовала страх: она мне угрожала. Со словами «Лёська, мне страшно», — быстро про себя произнесла молитву, отяжелевшей от ужаса рукой сорвала ее со стены. Подбежав к окну, постаралась забросить ее подальше… Она валялась на тротуаре, все еще страшная, без одного рога. Как ни странно, в доме задышалось легче.

У наших друзей в квартире висела похожая маска, но она, очевидно, была с добрыми намерениями, не влезала в человеческие взаимоотношения, — поэтому гостит у них до сих пор.

Отыграв спектакль «Мастер и Маргарита», я пригласила в

гости Веру, молодую женщину, которая каждый раз для этого спектакля приводила дога «играть» сцену с Понтием Пилатом.

Мы — дома. Говорим о театре, о коллегах. Где-то к концу посиделок она просит меня встать у окна на фоне штор, во что-то всматривается, потом заявляет, что кто-то наводит на нас с Лёней порчу, и этот кто-то мне знаком. Вера уходит, а меня вдруг потянуло проверить входную дверь снаружи. Открываю ее, внимательно оглядываю и обнаруживаю девять хорошо замаскированных булавок. Конечно, звонок — другу и, конечно, зло вернется к отправителю. Кстати, за день или за два до этого эпизода поздно вечером я слышала шорох возле нашей двери и звуки убегающих ног.

Такие же булавки, только не девять, а две, я нашла в своем купальнике. Много лет я ходила в бассейн «Москва», а в тот день со мной плавали девочки из нашего театра, — Груднева и Сидоренко, обе Татьяны и обе — близкие подруги Лёниной «бывшей». Не хочу брать греха на душу, подозревая их: со свечкой не стояла, но догадаться, откуда могла исходить угроза (зло), было несложно.

Глава 4 Отношение к сыну

Именно он был для Дениса настоящим отцом…

Особенно трогательным, удивительным было отношение его к сыну — не родному по крови, но которого любил как родного. Он называл Дениса своим сыном, а Денис его с гордостью — отцом. С мужем я развелась в 1979 году, когда Денис учился в третьем классе, и вплоть до армии, все эти годы его, Золотухина В., как бы не существовало, не было даже телефонных звонков: тогда его маленький ребенок не интересовал. Только Лёня — нет-нет, да и напомнит: «Тебе не стыдно, Денис? Позвони отцу!» Но Денис, отвыкший от отца, мог и не позвонить. А перед тем, как получить паспорт, что-то провернув в голове, он просит Лёню его усыновить и поменять свою фамилию Золотухин на Ленину фамилию — Филатов. И я знаю, что Лёня с радостью бы усыновил Дениса, но посчитал это неправильным, несправедливым по отношению к родному отцу, о чем он мягко, чтобы не обидеть, постарался ему объяснить: «Денечка, это нехорошо, — я бы тебя усыновил, но ты же первый, когда вырастешь, не простишь мне этого поступка, что я вовремя тебя не остановил, тем более что отец тебе ничего дурного не сделал». «Но и хорошего — тоже», — подумала я. Тема была закрыта, больше к ней сын не возвращался. То, что Лёня мог большую часть своего времени отдавать воспитанию Дениса, — это вообще особый разговор. Даже когда у нас дома собирались друзья, он мог через какое-то время встать из-за стола и уйти к нему часа на два, на три, в течение которых много рассказывал про жизнь и учил всему тому, что могло ему пригодиться в жизни. Иногда, имея незрелую точку зрения, Денис вступал с ним в спор, который много раз кончался бурной сценой. Он настаивал на своем, не понимая Лёниных точных аргументов, оглушенный азартом спора. У Лёни подскакивало давление, но Денис, видя это, все не успокаивался, продолжая спорить, шум, крик, я набрасывалась на Дениса, обвиняя его в нечуткости, устыжая и обращая внимание на Лёнино нездоровье, а доведенный до крайности Лёня коротко обрывал спор: «Пошел вон!» Но даже оставаясь один, он продолжал спор с выгнанным Денькой, губы его, — я видела, — шевелились, очевидно, придумывая все новые и новые убедительные аргументы. А я носилась от одного к другому, говоря одному, что «он же ребенок еще, многое не понимает, — зачем ты так…», другому, что у него «самый лучший в мире отец,

который любит его, но он нездоров, и его нужно жалеть и понимать…» и т. д. и т. п. Через какие-нибудь 10–15 минут, — здесь было два варианта, — либо Денис приходил к Лёне с извинениями, либо Лёня уходил к нему в комнату, и я слышала их мирную беседу, все успокаивались, и снова все были счастливы.

Благодаря усилиям Лёни Денис полюбил читать, читал по Лениной программе, запоем и, кажется, знал всю русскую литературу и даже каждого писателя и поэта — по имени и отчеству.

— Имя-отчество Гаршина? — спрашивал Лёня.

— Всеволод Михайлович, — отвечал Денис.

— Панаева?

— Иван Иванович.

— Слепцова?

— Василий Алексеевич.

— Вересаева?

— Смидович Викентий Викентиевич и т. д.

А когда Лёня узнал, что Дениса его родной отец устроил в армию в химические войска, которых в первую очередь посылают туда, где происходит подобное Чернобылю, он пришел в такой ужас, что не мог успокоиться до тех пор, пока Дениса не перевел в другую часть. Чтобы как-то задобрить армейское начальство, Лёня, зная даже, что вечером у него концерт, утром садился в машину, три часа трясся по жутким дорогам, чтобы приехать к Денису и поговорить с его командирами. Я была рядом. Приехав, мы кормили его до отвала, — он ел с жадностью все подряд: фрукты, ягоды, мясо, курицу, шоколад и много-много всего разного, которое все, естественно, не съедалось, и потом он все это нес своим ребятам. Смотреть тогда на него без слез было невозможно: худой, метр девяносто четыре и тонкая-претонкая длинная шейка-ниточка. Гася внутренние рыдания, мы прощались, крепко обнимались, целовались и опять прыгали в машину, потому что уже опаздывали на концерт. А дорога — длинная, а наш душевный непокой — еще на долгое время служения Дениса в армии. И мне странно, когда я читаю в дневниках Валерия, что я сошла с ума, называя Дениса сыном Лёни или, наоборот, Лёню — его отцом. А кто же он? Дядька ему чужой, что ли? Именно он был для Дениса настоящим отцом и достойным ему примером для подражания. Сейчас у него перед глазами другой пример, но я очень надеюсь на его взрослость и на его понимание, каким должен быть настоящий мужчина.

Глава 5 Олечка

Для Лёниной любимицы — Олечки, когда она подрастет.

Боже мой, Лёнечка, как ты ее любил…

1997 год

— «О! Сидись! Нитиво никому не сказаль, бабуле Клаве не сказаль — усоль!.. Спуститься на лифти и сидись на далеське, думаесь сто-то…» Так отчитывала «дедуську» Лёню его любимица, двухгодовалая внучка Оленька. Мы были в гостях у Клавдии Николаевны, Лёниной мамы. Лёня почувствовал себя неважно и чуть раньше нас спустился вниз на улицу Попрощавшись с мамой, в ожидании лифта, я с наигранным негодованием обращаюсь к ней: «Оленька, ну что у нас за деда? — не попрощался с мамой, ничего ей не сказал и нас не подождал — ушел!» Она внимательно слушала и — я видела — мои слова отражались на ее лице по-детски забавным возмущением, которым она сразу же окатила Лёню, сидящего на улице на корточках. Дед корчит гримасу горькой обиды. Оля настораживается — не притворяется ли, понимает — вроде нет и с чувством жалости и прощения крепко обнимает его и, кряхтя, помогает ему подняться на ноги.

Боже мой, Лёнечка, как ты ее любил, обожал и как тосковал, когда подолгу ее не видел. «Ты мой самый потлясаюсий дедуська!» — объяснялась она таким образом тебе в любви и тут же: «А дедуська — мой самый лутьсий подлук». И ты растапливался, как сливочное масло. Догадываясь о твоем желании увидеть Оленьку, я привозила ее к нам. Ты был счастлив!

А иногда ты вдруг останавливал на ней по-смешному пристальный взгляд, пытаясь что-то постичь для себя, и надолго уходил в свои мысли, пока я тебя не возвращала к нам. Ты легко вздрагивал, улыбался, глаза теплели. О чем ты думал?

Естественно, всегда к приезду Оли готовилось много вкусных вещей, но сначала надо было ее накормить, что было делом не из легких. Соревнования — кто быстрее съест — она или «деда», не всегда давали положительные результаты, и поэтому вскоре у нас на этот случай появился Карабас-Барабас, который находился за входной дверью и никак не мог войти в дом, если Оленька

съедала тарелочку супа, а он, злой, так этого хотел, чтобы… да уже неважно, что бы он сделал; тарелка быстро опустошалась. Оля торопилась съесть, глядя на дверь, все время имея в виду это страшное чудовище. Ну, кажется, все съедено. Деду в приказном порядке: «Сказы ему — уходи, Калабас-Балабан, не тлогай мою дотьку холесенькую, клясявитю!» А дальше от себя, показывая язык в сторону двери и грозя крохотным кулачком: «Вот тебе, бесталькovый!.. Стоить тут, хулюганить! Вот и хулюгань!» По-актерски долго держится злобная мимическая пауза. Мы с тобой отворачиваемся, еле сдерживая смех.

Пройдет какое-то время, Оленька пойдет в 1-й, 2-й, 3-й класс, народятся другие внучки и внуки, которых ты также будешь любить, но Оленька всегда будет оставаться первой любовью, и ты всегда будешь вспоминать ее в двухгодовалом возрасте, когда не выговаривались отдельные буквы, когда Ольга проявляла удивительные актерские способности. Отсюда и обращение ко мне, подражая Оленьке: «Нюсенька, покулим?»

Однажды я подвезла вас с Олей к парку «Зенит», что находился рядом с нашим домом, на Таганской улице. Выходим из машины, Ольга крепко схватила тебя за руку Я шла на полшага сзади, наблюдая за вами и наслаждаясь семейной картинкой. Ты уже ходил с трудом, но как отказать своей любимице, она ж — святое, тем более она так хотела «поплыгать» на батуте. Заранее я ей объяснила, что такое батут, что на нем можно прыгать как дома на диване, только подскакивать еще выше и если даже упасть, то это нисколько будет не больно, потому что он мягкий, — как можно понятнее разъясняла я ей. И вот в сторону этого батута мы втроем и направляемся. Ты держишь Олю за руку, гордый как дед, а Ольга, глядя на бегающих взад-вперед детей, вдруг громко им сообщает: «А мы с дедой идем плыгать и падать!..» В общем-то никто особенно не обращает на нее внимания — Лёню не узнают. Ольга прибавляет звук «А мы с дедой идем плыгать и падать!» Эффект тот же, но кто-то обернулся, и Оля, воодушевленная чьим-то вниманием, кричит уже совсем громко: «А мы с дедой идем плыгать и падать!» Мне стало смешно, представив на батуте прыгающего и падающего «дедуську». А батут приближался, и вдруг маленькая стала заметно сникать, пружинки внутри ослабли, в глазах стало появляться что-то вроде страха, а уж когда мы почти вплотную подошли к этой огромной надутой подушке, где весело прыгали и гоготали дети, она вдруг заплакала и наотрез отказалась «плыгать», а уж тем более «падать». И никакие наши с Лёней уговоры, вроде того что — «посмотри, дети прыгают, падают и смеются, и никто не плачет», — не помогали.

А когда я оторвала ее от Лёни, взяла на руки и со словами — «ну что ты за трусиха» — поставила на батут, то поднимая ее, то опуская, началась уже настоящая истерика.

Лёнечка, ты сидел на лавочке и страшно переживал за Оленьку, которая, очутившись на земле, обиженная на весь мир и на меня в первую очередь, опрометью бросилась к тебе и крепко к тебе прижалась, от меня подальше, разговаривала и общалась исключительно с тобой. Мне был объявлен бойкот. Потом успокоившись, на горке, скатываясь вниз, бормотала: «Какая тлусиха, тлусиха какая, нитиво стласного на батути, нетево бояться на батути». А мы с тобой украдкой подглядывали за ней, укрытые деревьями, и нашему тихому озорному счастью, кажется, не было предела.

Была удивительной, Лёнечка, твоя к ней любовь — столько обожания, восхищения, радостного удивления было каждый раз, когда ты с ней общался. Ты был ее крестным и мог подолгу, со всеми мельчайшими подробностями рассказывать, как ее крестили. «Нюсенька, она единственная из всех детей, которая не плакала. Я держу ее, она опустила головку, на которую льют воду, головка беспомощно болтается, а она, маленькая, хоть бы звук издала…» — и ты показывал, как держал этот беспомощный комочек, проигрывая всю сцену крещения.

А это — коротенькие зарисовки-сценки, которые Лёня просил меня записывать.

Барвиха, 1999 год

С Лёней у бассейна с рыбками, Оля: «Деда, поймай мне лыпку». Лёня: «Что ты, Оленька, ей нельзя без воды, на воздухе она умрет». Длинная пауза. Оля мучительно о чем-то думает. Потом, очевидно, не найдя аргументов, с дикой силой убеждения: «Да не умле-е-е-т! Я ее только поделзу и выблосу».

Оля у нас в гостях. Звонок. Входит фотокорреспондент.

Оля: «Как тебя зовут?»

Он: «Боря».

Оля: «А я Оля. Оля-Боля, Боля-Оля. (Мгновенная оценка.) Складно: Боля-Оля».

Везу Олю к нам домой, к «деде». Объясняю: «Деда, наш потрясающий деда ждет тебя, приготовил подарки. Он откроет дверь — ты обними его, поцелуй».

Приезжаем. Звоним в квартиру Открывает счастливый деда: «Здравствуй, сердце мое, здравствуй, мое солнышко…» Оля перебивает и по-простецки: «Здлавствуй, дед! Давай подалок!»

Телефонный звонок. Подходит Оля, берет трубку: — «Алле! (тоном ниже, Лёне). Это моя подлуга. (Опять в трубку.) Болею… болею… (кивает головой, что-то выслушивая). Я иду, ездю на масынке, но болею, болею… Сегодня не покакали» (Лёнины слова).

— Я-а. (Отвечая на вопрос «Кто?» с важностью и подтекстом «а кто же еще?».)

Звонила моя приятельница.

Лёня: «Оленька, ты, наверное, хочешь стать артисткой?»

Оля: «Да. (Пауза. Долго смотрит на Лёню.) Деда, я ты альтиска?»

Лёня: «Бывшая, Оленька, альтиска».

Соглашается, кивает, видимо, какие-то представления совпали.

Мне: «Ниня, а деда — мой самый лютсий подлук!»

Зима. Оля скатилась с маленькой горки. Внизу падает: «О! Повалилася…»

Мне: «Ниня, поплебуй!»

Я попробовала и тоже «повалилася».

Лёська гоготал как сумасшедший. И впрямь смешно: здоровая тетя взобралась на маленькую горку, тут же со скоростью скатилась с нее, чуть не выбив коЛёнями зубы.

Ольга смотрит на меня и шевелит губами. Я догадываюсь — произносит слово «бабуля». Начинаю хмуриться. Мне хитро: «Ниня, ти не бабуля, ти — Ниня». Я запретила детям называть меня бабушкой.

Денис с Лёней полулежат на полу перед телевизором. Входит Оля, скрестив руки на груди.

Оля: «О! Лизат! Смотлят тиливизил… (Поднимает левое плечо.) Те такое? (смешно качает головой) — не знаю». (Ужимки и интонация моей мамы Матрены Кузьминичны.)

В цирке на сцене «дуркует» клоун. Он очень нравится Оле. Она вскакивает с места и бежит к арене. Лёня еле ее остановил. Просит его умильно: «Я хотю его потилява-а-ать», рассмешив всех сидящих рядом.

«Люблю, люблю, люблю…» — Оля ласкается щекой о перьевую щетку для пыли. Она разноцветная и очень ей нравится.

Я: «Пойди к деде и покажи, как ты ее любишь».

По коридору к деде, не переставая повторять: «Люблю, люблю…», смотрит на деда влюбленными глазами, изображая нежность, продолжая тереться щекой о щеточку.

Лёня: «Маленькая моя, я тоже тебя люблю…» Начавшийся было монолог прервался легким шоком в глазах Оли и глубоким разочарованием любящего деда. Обоюдное непонимание.

Новогодние дни. Мы с друзьями обедаем в ресторане. У елки красивый игрушечный Дед Мороз, Оля смотрит на него не отрываясь. Ой, как хочется, чтобы ей дали этого деда поиграть.

Громко для всех: «А мне этот дед молос не нузен!!!» Ну, конечно, нужен, и, конечно, ей дали с ним поиграть.

Вся семья в сборе. Обласкивают Танечку, вторую за Ольгой внучку Ольга где-то в стороне. Вдруг басом, индифферентно: «А она пукаить». Захлестнула ревность.

Оля провинилась. Лёня сделал вид, что обиделся. Она ходит вокруг и так и этак Лёня как будто не обращает на нее внимания. Она не знает, как подлизаться, ждет, что дед заговорит. Лёня молчит, смотрит телевизор, наблюдая за ней, когда она его не видит. Наконец нервы у нее не выдерживают, она подбегает к нему, наклоняет голову близко к его лицу и почти кричит с надрывом: «Да я тебе касетку дам». Быстро убегает на кухню и приносит ему конфету Мир воцарен. Оба довольны.

В гостях Оля и Таня. Прощаясь, Танечка обняла Лёню и долго не отпускает. Оля, оттягивая ее за рукав, со злобным шипением: «Да иди ты отсюда». (Страшное дело — ревность.) После подошла к деду, поцеловала с видом: хозяйка здесь я!

Звонок. Лёня открывает дверь. В дверях с родителями Оля, которая, не ожидая его увидеть (всегда открывала я), восклицает: «О!» (показывая на него пальцем и переводя взгляд с Лёни на родителей с немым вопросом). Лёнина расшифровка ее подтекста: а этот что тут делает?

Мы подолгу смеялись, вспоминая эту сцену.

Я Оле нарисовала домик с садиком и ушла на кухню. Лёня предлагает ей нарисовать в садике лошадку: «Давай, Оленька, я нарисую тебе лошадку». Не дает договорить, категорически: «Да неть! Ниня мне налисовала домик».

Лёня: «А я нарисую лошадку».

Оля: «Да неть! Ниня мне налисовала домик!»

Лёня: «Ну хорошо, — Нина тебе нарисовала домик, а я

нарисую лошадку».

Оля: «Неть! Ниня мне налисовала домик!» Отобрала у Лёни тетрадку.

Друг за другом появились Таня, Маша, Алексей и Мирослав, и всем Лёня отдавал свою бесконечную любовь. Он вообще был неравнодушен к маленьким детям. Будь то дома или на съемочных площадках, или в гостях, — если он видел ребенка, он никогда не оставлял его без своего внимания, восторгаясь их забавными, иногда талантливыми проявлениями.

Однажды моя подруга принесла нам с Лёней тетрадку с сочинениями своей внучки, которая вдруг увлеклась сочинительством, описывая свои незамысловатые детские истории. Лёня прочитал их и, найдя в них неординарное детское мышление, написал ей в тетрадке: «Настенька! Молодец! Умница! Жду новых рассказов. С уважением — твой постоянный читатель — Л. Филатов. Апрель 2001 года».

Глава 6 Лёня в гневе

Он не прощал предательства…

Вообще, тема — дети в Лёниной жизни — нескончаема.

И именно благодаря этой его любви он ответил согласием на предложение стать ректором гимназии «Монотон» с театральным уклоном в Митино. «Я хочу, чтобы дети выросли стоящими людьми, образованными, цельными». Безгранично любя Пушкина, он стремился привить детям эту любовь. «Зная все об Александре Сергеевиче, его друзьях, связях, взаимоотношениях, дети будут знать пушкинскую эпоху», — говорил Лёня. Он уже составлял список знаменитостей, досконально знающих пушкинское время и все о Пушкине, но его мечта — сделать из ребят настоящих людей — так и не осуществилась: болезнь подошла уже совсем близко, ходил он с большим трудом, поэтому встречи с детьми были крайне редки. А директор гимназии учил детей по программе, где Александру Сергеевичу места не находилось.

Лёня выходил из себя, видя, что его требования и пожелания им не выполнялись, и, когда тот появлялся у нас дома за каким-нибудь советом, обрушивал на него свой гнев. А назавтра все оставалось по-прежнему

Через какое-то время, накопив через край негатива, уже не желая не только видеть, а и разговаривать с ним по телефону, Лёня бросает гимназию. Но прежде, находясь в санатории в Барвихе, встретившись с ним, он облил его таким крепким монологом, что мои уши не выдержали, и я тихо свалила на балкон. И было страшно за Лёнино здоровье. Какими только словами он не награждал его… Тот только молчал, кивал головой, повторяя: «Да, я понял, Леонид Алексеевич, понял». «Ну, а если понял, иди и застрелись», — срывался на крик Лёня. Тот не уходил, продолжая качать головой в знак согласия.

После этого Лёня подписал заявление об уходе из гимназии и потом еще долго переживал за оставшихся там детей. «Если бы мне позволило здоровье… я бы смог научить их всему, чему научился сам в свое время, научил бы их жить по законам чести и совести. Какие там замечательные ребята! Если бы не болезнь!» Я, утешая, незаметно переводила его внимание на другую, более веселую тему Кстати, за всю жизнь с Лёней в настоящем гневе я видела его дважды.

Второй случай был с человеком, который в то лето 198? года отдыхал вместе с нами в сочинском санатории «Актер» и с которым Лёню сблизила общая любовь к поэзии.

Когда солнце убегало за горизонт, мы — Лёня, я и наш товарищ — шлепали к морю на дикий пляж, где нас никто не видел, не видел наших синюшных незагорелых тел. Втроем садились на теплые плиты ограды. Мальчики наперебой читали друг другу стихи, травили анекдоты, я же слушала их вполуха, больше наслаждаясь музыкой моря, с которым мы сегодня прощались. И сегодня же договорились втроем встретиться в Москве у нас дома, на Рогожском Валу.

Встреча состоялась через несколько дней. Нужно ли говорить, как мы ее отметили? Естественно, хорошо. Естественно, выпито было немало. Когда стали прощаться, обнаружилось, что наш товарищ слишком нетверд в движениях, и мы с Лёней решили проводить его до такси. Машину поймали без проблем: время было ночное. Как я предполагала, Лёня сел в такси, решив, как хороший товарищ, проводить приятеля до дома. Я села рядом с водителем. Едем. Нашего приятеля развезло страшно. Низко опустив голову, он не в силах был даже разговаривать. Вдруг он поднимает ее, раскачивая в разные стороны, приоткрывает невидящие глаза и пробует из-под полуоткрытых век глядеть в мою сторону, пытаясь что-то сказать. Я догадываюсь, что он предлагает мне деньги. Мне смешно. Я поворачиваюсь к нему, спрашиваю — за что? Лёня, естественно, слушает. Приятель опять что-то промычал, икнул, потом кое-как спроворил фразу: «Пойдем ко мне, а он (имелся в виду таксист) на улице…» Понимаю его пьяную идею: затащить меня к себе домой, таксиста поставить на улице караулить, — за это и ему он собирался отрядить какую-то сумму. А вот про Лёню он вдруг напрочь забыл или для него не нашел занятия — не знаю, но кроме моего любимого мы все были при деле. Гвоздем его пьяной фантазии была я. Мне было смешно, не тревожили никакие предчувствия — сидит сзади меня вдрызг пьяный человек, предлагая себя в качестве любовника и деньги. Продолжая веселиться, я капризничаю: «Я стою гораздо больше — у тебя не хватит денег». Таксист улыбается. Лёня спокойно, как мне тогда казалось, слушает. После паузы, еле слышно: «Всю зарплату, он (опять таксисту) пусть на стреме».

В общем-то, ничего страшного: пьяный человек чего-то себе спьяну нафантазировал, — в трезвом виде с его стороны я не наблюдала никаких любовных поползновений по отношению ко мне, — скромный и милый, в общем, человек.

Мы еще минуту продолжаем ехать по ночной Москве, потом Лёня вдруг резко требует остановить машину. Задыхаясь, со словами «подлец, как ты мог, как мог!..» он выбрасывает приятеля из машины, выскакивает сам и начинает по-мужски выяснять отношения. Я бросилась к нему, еле остановила, посадила в

машину. Его бил озноб. Но, приехав домой, его неожиданно стала мучить совесть: мы оставили пьяного человека лежать на земле ночью, далеко от дома.

И тогда, когда он был в гневе, и сейчас, в раскаивании, я его понимала. Таким он был: он не прощал предательства, а уж когда он в человека вкладывал душу и любовь, а в ответ получал вероломство, он становился беспощадным. Вот два случая, когда Лёня не мог с собой совладать.

Через несколько дней ему позвонил брат приятеля, сказав, что Лёня в отношении его брата был абсолютно прав: «В общем-то, человек он неплохой, но когда выпьет, становится „черным“ человеком. Раньше за такое вызывали на дуэль. Теперь дуэлей нет, вы поступили правильно, Леонид!» Выслушав Лёнино раскаивание, он еще раз подтвердил правильность его поступка: «Не мучьте себя, Леонид Алексеевич!»

Конечно, можно было бы избежать подобного кошмара, если бы меня беспокоили нехорошие предчувствия. Но их не было, и я легкомысленно отнеслась к пьяному бреду нашего товарища, думая, что и Лёне он покажется смешным, — прости меня, Господи!

Глава 7 Лёня сочиняет сказку

Твоя сказка переживет наших детей и внуков…

Квартира на Рогожском Валу. Наши первые годы совместной жизни с Лёней. Стол. За столом — Лёня. На стуле под попкой удобно устроилась левая нога, оставив правой свободу выбора — либо на стул, либо на пол. На столе — гора исписанной бумаги слева, на которой устроилась Анфиса Леонидовна — кисонька, кто забыл, справа — гора сигаретных бычков в пепельнице, которую я периодически выбрасываю. Лёня сочиняет сказку «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Я рядом в кресле читаю книгу. Сижу тихо как мышка. Так же тихо переворачиваю страницы. Эта мизансцена ему нравится и дает ощущение покоя. «Нюсенька, мне спокойней, когда ты рядом». Шариковая ручка быстро бегает по бумаге, что-то зачеркивает, вносит изменения. Исписана половина страницы, и зачеркнутое одно, как ему кажется, неточное слово его нервирует, и все заново переписывается на чистый лист. Лёня «болен» чистописанием.

Иногда он обращается ко мне: «Нюсенька, придумай несколько слов в рифму к слову…» — и называлось слово. Я закрываю книгу и с радостью принимаю участие в его работе. Ему это, понятно, не нужно, но ему важна моя высокодуховная сопричастность. Отдаю столбик слов. Пригодятся они или нет — неважно, но получаю слова одобрения.

Однажды прошу Лёню приспособить в сказке слово «егоза» или «егозить», — к моей радости просьба была удовлетворена.

Генерал:

Ну-ка где ты, егоза?
Погляди людям в глаза?
Лично я не удержуся —
Врежу саблей два раза!..

А вот, по-моему, смешное слово «выказюливать» его нисколько не вдохновило.

Я знаю это сладостное ощущение, когда между очень близкими, любящими людьми возникает как бы провод, по которому проходит общение внутренних миров обоих: там и вопросы, и ответы, и радости, и огорчения. Вы можете молчать, но вам хорошо оттого, что общение ни на минуту, ни на секунду

не прерывается.

— Нюська, кончай читать, послушай, что я написал.

У тебя в руках два исписанных листа, и ты начинаешь читать… Ты — в кураже. В глазах — смешинки. Провод сокращается до минимума. Я смеюсь, я хохочу. Моя реакция для тебя — в десятку: ты знаешь, меня рассмешить непросто.

— Лёнечка, гениально! Твоя сказка переживет наших детей и внуков. На моих словах — «сказка будет жить в веках» — ты морщишься.

Законченную сказку я отнесла в журнал «Юность», который ее и напечатал в 1985 году. И только два человека — Л. Лавлинский и Д. Быков отозвались замечательными рецензиями.

В журнале Лёнечка напишет мне посвящение.

Глава 8 Константин Худяков в жизни Лёни

…Между ними установились замечательные товарищеские взаимоотношения…

Лёня всегда считал, что в кино его привел режиссер Константин Худяков, которого он звал своим крестным отцом в кино и с которым ему особенно комфортно работалось.

Меня всегда поражало, почему Лёню, фанатично влюбленного в кино, поражавшего почти энциклопедическими знаниями о нем всех своих друзей и знакомых, так поздно начали снимать в фильмах, — в театре он был уже известным артистом.

И только Константин Худяков в 1977 году, несмотря на все отговоры мосфильмовского худсовета, на свой страх и риск все-таки отважился снять Лёню в фильме «Иванцов, Петров, Сидоров» в роли молодого ученого Алексея Петрова. Фильм вышел на экран в 1978 году, и артиста Леонида Филатова заметили, и не только заметили, а тут же пригласили сыграть роль бортинженера Игоря Скворцова в фильме А. Митты «Экипаж», после просмотра которого Лёня наутро встал уже знаменитым на всю страну, сведя с ума, кажется, всю ее прекрасную половину. Действительно, уже при мне он продолжал получать несметное количество писем от влюбленных женщин, иногда агрессивных — от мужчин: жены невольно стали сравнивать своих мужей с Лёней, и чаще всего не в их пользу, те злились и строчили гневные письма.

А Лёня радовался не столько за себя, сколько за Костю, в подсознании желая доказать, что не зря он тогда пригласил актера Филатова. У него же Лёня снимется в фильме «Кто заплатит за удачу», в телевизионном фильме «С вечера до полудня», в фильме «Успех» и в телевизионном фильме «Претендент». Между ними установились замечательные товарищеские взаимоотношения.

Только однажды произошла история, которая чуть было их навсегда не рассорила. Это уже я знаю из Лёниного рассказа.

Собираясь снимать по сценарию Гребнева фильм «Успех», Костя уговаривает Лёню сняться в главной роли — режиссера Геннадия Фетисова, обещая больше никого на эту роль не пробовать. Лёня читает сценарий, влюбляется в него, примеривает на себя роль, которую он уже знает, как играть. Короче, он полон надежд и светится радостью, делясь ею со мной.

Но однажды он прибегает домой, со злостью рвет сценарий и

выбрасывает в окно. От него узнаю: Костя, несмотря на обещание, за его спиной все-таки сделал пробы Олегу Янковскому, но самое страшное было потом, когда его любимый режиссер на худсовете, проголосовавшем единогласно за Лёню, был единственным, который проголосовал против него. Лёня пришел в бешенство. Для него было нестерпимой мукой осознать, что его товарищ оказался предателем. Мне совершенно невозможно было его успокоить, да я особенно и не старалась, понимая и соглашаясь с ним. Он должен был выкричать свою боль. Я его слушала, и у меня самой было нехорошо на сердце. «Все! Я сниматься у него не буду», — как будто успокоившись, поставил он точку.

Но группа уже на выезде. Нужно было срочно начинать съемку первого эпизода фильма. Ему стали звонить из группы, уговаривая не обижаться. Лёня своим отказом, естественно, их подводил, и понимая это, он все-таки соглашается. Мы простились, и он с тяжелым чувством обиды поехал во Владимир, где должны были проходить съемки. Слава богу, работа их быстро помирила и такой редкостный союз двух художников не распался.

Этот эпизод никогда больше за всю нашу жизнь не вспоминался, и ничего, кроме слов благодарности и любви, в адрес Кости я от Лени не слышала.

Записка Лёни в мой день рождения, оставленная перед его поездкой во Владимир, где он снимался в к/ф «Успех» (меня в это время не было в Москве, я вернулась только к вечеру):

«Нюсюлечка моя!

Поздравляю тебя!

Целую тебя нежно!

Видишь, как выходит: ты здесь, а я — в отъезде. Это стало в твой день рождения уже традицией. Буду тебе звонить. Скорее всего, поздно — тебя же вечером не будет дома.

Объявится Петька и позвонит Сашка Стернин. Вкупе с Сережей Львовым — это уже вполне мужская компания. Еще раз целую.

Л.

P. S. Я тебя люблю».

Люсюнечка моя!

Поздравляю тебя!

Целую тебя нежно.

Видишь, как выходит: ты здесь, а я - в отъезде. Это стало в твой день рождения уже традицией. Буду тебе звонить. Скорее всего поздно – тебя же вечером не будет дома. Объявится Петька и позвонит Сашка Стерлин. Вкупе с Серёгой Львовым – это уже вполне мужская компания. Ещё раз целую.

Л.

P. S. Я тебя люблю

16 марта 85.

Лицедей, болтун, бездельник,
Я не нажил ни хера —
Ни имущества, ни денег,
Ни кола и ни двора.

Но к печальному итогу
Всё ж поправка быть должна:
У меня есть, слава богу,
Первоклассная жена!..

Л. Ф.

P. S. Я тебя люблю!

Стихотворение в мой день рождения:

Лицедей, болтун, бездельник,
Я не нажил ни хера
Ни имущества, ни денег,
Ни кола и ни двора.

Но к печальному итогу
Все ж поправка быть должна:
У меня есть, слава богу,
Первоклассная жена!..

Л. Ф.

P. S. Я тебя люблю!

Ф. ТГ-12

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ТЕЛЕГРАММА

ВЛАДИМИР ГОСТИНИЦА ЗАРЯ

АКТЕРУ ФИЛАТОВУ ЛЕОНИ[Д] [АЛЕ]КСЕЕВИЧУ=

МОСКВА 782 Ч1 17 0040=

СПАСИБО ЗА СЧАСТЬЕ НЕРАЗУМНУЮ ЩЕДРОСТЬ СУМАСШЕДШИЙ ЛЮБИМЫЙ МУЖ МОЙ НО НЕ ПРЕВРАЩАЙ ТРАДИЦИЮ СВОЕ ОТСУТСТВИЕ МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СЕГОДНЯ ДРУЗЬЯМИ ДОМЕ КИНО ПРИЕЗЖАЙ СКОРЕЙ БЕЗ ТЕБЯ ПЛОХО ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ГОРЖУСЬ ТОБОЙ ЦЕЛУЮ= НИНА=

Моя телеграмма Лёне во Владимир:

=СПАСИБО ЗА СЧАСТЬЕ НЕРАЗУМНУЮ ЩЕДРОСТЬ СУМАСШЕДШИЙ ЛЮБИМЫЙ МУЖ МОЙ НЕ ПРЕВРАЩАЙ ТРАДИЦИЮ СВОЕ ОТСУТСТВИЕ МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СЕГОДНЯ ДРУЗЬЯМИ ДОМЕ КИНО ПРИЕЗЖАЙ СКОРЕЙ БЕЗ ТЕБЯ ПЛОХО ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ГОРЖУСЬ ТОБОЙ ЦЕЛУЮ =НИНА=

Все последующие годы Лёня много снимается, иногда в четырех или пяти картинах в год.

Глава 9 Киномания

— Ура-а-а! Лёнька, я выиграла! Сергей, гони рубль!

— Недам!

— Ты же проиграл!.. Что таращишь глазки?

— Не отдам! Я отыграюсь! Давай играть еще!

— Посмотри на часы… Хватит на сегодня! Нам с Лёней пора домой… Поздно!..

— Нет, давай еще раз! Я хочу отыграться!

Я отыграюсь!

— Сереж, это нечестно, отдавай рубль! Лёнь, а ты чего молчишь? Скажи ему, пусть отдаст долг.

Мы в гостях у наших друзей — Львовых. Сергей — муж моей подруги Лены Герсони. Мы любим бывать здесь, тем более что ребята привезли из Швейцарии массу кассет с новейшими зарубежными фильмами и видео, по тем временам большую редкость.

Киноман Лёня, просмотрев две замечательные картины и удовлетворив свой интерес, в споре держал нейтральную позицию.

На улице — лютая зима, а дома — жарко, и мы с наслаждением пьем холодное пиво и играем в кости. Вчетвером сыграли не одну партию, а в последней, уже основательно очумевшая, я один на один с Сергеем одержала победу. Мы с ним люди азартные, почти кричим, дымимся в игровом азарте, волосы — дыбом, глаза вылезают из орбит.

— Давай сыграем еще один раз с тобой, посмотришь — я выиграю! Давай!! — пузырится Сергей, как хамелеон окрашиваясь в бойцовский цвет бордо.

— Перестань! Говорю тебе, хватит! Хватит на сегодня! Ты проиграл! Тебе жалко рубля?!! — мои брови вскакивают на лоб, там и застревают, держа почти трагическую паузу. Пиво внутри закипает. Ленка тоже что-то там подкрикивает-подвизгивает, поддерживая своего партнера по бизнесу, — ну точно лиса Алиса и кот Базилио! И я одна против двух. Лёнька над всеми нами подсмеивается, изображая нас, гримасничает.

Пусть с рублевым долгом у меня ничего не вышло, «долг чести» и «это не по-мужски» не сработало, зато ребята в этот вечер сделали нам с Лёней щедрый подарок, дав просмотреть роскошные фильмы.

Лёня с сигаретой во рту уже топчется у книжной полки, вытаскивая одну книгу за другой, забывая стряхивать пепел в пепельницу. Чтоб прекратить это безобразие, зову его на выход.

Попрощавшись с друзьями, с удовольствием получив приглашение на следующее свидание, мы выходим на улицу

Боже, как темно!.. И как холодно!.. Еще не остывшую от жаркого спора, разгоряченную, меня начинает трясти. В последний раз сравниваю ребят с котом и лисой, после чего мой быстро обледеневший рот на время замолкает. На дворе — градусов тридцать, а на мне осенние туфли.

— Нинченька, потерпи, миленький, сейчас поймаем такси, — подбадривает меня Лёня, растирая мои руки и спину. Одна машина — мимо, другая, третья, — ни одна не останавливается: все спешат домой к теплу, а у меня уже стали покалывать пальцы ног.

Стоим обнявшись.

— Тебя в твоей волчьй шапке никто не узнает, — проблеял мой рот, — сдвинь ее на затылок, открой лицо…

Лёня уже снялся в «Экипаже», и уж с машинами у него никогда не было проблем. А сейчас его лохматая шапка натянута почти до носа. Он смешно бьет по шапке, совсем закрывая ею лицо, и — машина останавливается. Уже совсем замороженные, посиневшие, втискиваемся в машину

— Ой! — вскрикивает водитель, обозначая таким образом, что узнал артиста. На лице такая степень восторга, ну точно увидел явление Христа народу. Потом шея быстро отворачивается, руки где-то копошатся и вытаскивают деньги и паспорт. И пока Лёня своим автографом не испортил купюру в 10 рублей — для его жены и паспорт — для него, машина не тронулась с места.

Водитель долго вел машину молча, не убирая с лица восторженной улыбки.

Какое радостное было время, когда мы с Лёней имели возможность приходить к нашим друзьям, знакомым и смотреть на видео фильмы. Таких мест было три. В нашем же доме проживала еще одна семья — Китовы Володя и Оля, у которых мы также проводили немало времени у экрана телевизора. И у них тоже было видео и много зарубежных картин. После просмотра фильм долго обсуждался. А за чаем или за какими-нибудь изысканными напитками разговор плавно менял вектор в сторону поэзии, о которой оба, и Лёня, и Володя, могли говорить бесконечно. В общем, интеллигентные посиделки в интеллигентной семье. И было еще одно место, куда мы приходили и где застревали часов на десять.

Был у Лёни замечательный, очень милый приятель Петя. Лёня называл его Петруччо. Так вот этот Петруччо приглашал нас

к себе рано утром, уходил на работу и возвращался уже вечером, когда мы с Лёней успевали просмотреть по пять, шесть фильмов. У Пети было много «ужастиков» — первых фильмов ужасов.

В комнате темно, окна зашторены. Мы одни. На экране хрипящие зомби. Лёнька меня пугает, тоже хрипит, как те мертвяки, протягивает ко мне руки… Понимаю: на экране загримированные артисты, и это всего лишь фильм, и Лёня не зомби, а все равно становится не по себе.

— Ну, все дуркуете? — это пришел с работы Петя. Фильм кончился. Переводим дух. Головы тяжелые, но мы счастливы. Петька улыбается — ему очень идет улыбка, они обмениваются с Лёней шутками, и вскоре мы уходим, зная, что через короткое время придем сюда опять.

Но самое большое наслаждение Лёня испытывал от общения со своим другом, главным «домовым» Госфильмофонда Владимиром Дмитриевым. Оба, страстно влюбленные в кино, обладающие о нем энциклопедическими знаниями, они могли разговаривать часами, обсуждая интересующие их фильмы, называя имена и фамилии режиссеров, которые я слышала впервые. Слушая их с жадным вниманием, я старалась как можно больше запомнить, одновременно понимая, что усвоить такой огромный объем информации, к сожалению, невозможно.

С Володей и его очаровательной женой Татьяной Лёня познакомился давно, задолго до нашего законного брака. В театре он находил удобный момент, когда никого не было рядом, и сообщал мне, что «завтра мы с нашими артистами едем в Госфильмофонд». Это было для меня подарком: я знала, что увижу классное кино и, заранее радуясь этому событию, быстро целовала своего любимого.

— Смотри, не опоздай… Я завтра буду видеть тебя и буду счастлив… До завтра, родная…

Какие счастливые были времена! И как мы были молоды и красивы… И как талантливо дружили!

Глава 1 ˚Суханово

Груз предательства не покидал
нас очень долго…

Милый, милый «мышкин домик», который мы с Лёней с особой теплотой очень часто вспоминали, — дом отдыха архитекторов в «Суханово».

1987 год

Н. Губенко нам троим — мне, Лёне и нашему товарищу Володе Китову — достал три путевки на летние каникулы.

Знакомимся с директором этого дивного исторического места. Лёня за время отдыха собирается написать для нашего театра «Содружество актеров Таганки» пьесу по произведениям Салтыкова-Щедрина. Просим директора найти нам домик подальше от людского шума. И вот он, наш «мышкин дом», действительно стоящий автономно, далеко от всех других коттеджей.

Окруженный густым кустарником, он и мы естественным образом были от всех закрыты. Во дворике под деревом — небольшой стол, за которым можно было работать или за чашкой кофе приятно беседовать. В первый же день к нам на радость пришла в гости киска, которая сказала, что будет жить с нами. Нарекли мы ее Алисой. Ей было не больше полугода. С ее приходом во мне проснулась ревность: казалось, что Лёня всю свою нежность отдает ей, не оставляя мне ни капельки. Нет, конечно, и мне доставалось. И именно здесь Лёня и Алиса научили меня любить кошек, к которым я всегда относилась довольно равнодушно, — я любила собак. Когда-то давно у меня был прелестный гладкошерстный фокстерьер Кузенька, который даже снялся в фильме «Цветы запоздалые». Алиса очень быстро влюбила меня в себя, а о Лёне и говорить было нечего — у них с Алисой сразу возник обоюдный роман, — она могла, как собачка, целую минуту вылизывать ему лицо. Только наш товарищ Володя Китов, отдыхавший вместе с нами, оставался к Алисе равнодушным.

В этот приезд, а в Суханово мы были дважды, Лёня был в отличной форме. (В 1986 году мы отпраздновали его сорокалетие, а недавно он снялся у Кости Худякова в фильме «Претендент».) Быстрая, легкая походка, — мы с Володей едва

успевали за ним, когда гуляли, уходя далеко за территорию дома отдыха. «Вовка, ну ты даешь… У тебя одышка? — нехорошо… Вот отдохнешь здесь, и все пройдет», — оборачивался на нас, весь из себя спортивный, Ленька, продолжая бежать вперед. Мы тянулись сзади.

«Как здесь красиво! Какая красота!» — восхищался Володя, вдыхая в себя изумительно пряный воздух. И потом мы вдруг замирали, цепенея от восторга: перед нами сверкал на солнце чудными красками великолепный сказочный ковер из тысяч бабочек, покрывающих стебли высокой травы. Мы втроем завороженно глядели на это диво дивное, боясь нарушить эту живописную картину, а Володя, поэтически настроенный, читал нам стихи, каких он знал очень много, соответствовавшие нашему настроению.

После прогулок Лёня бросал нас и уединялся дома, где работал до вечера. Мы с Володей ему не мешали и из столовой таскали тарелки с обедами и ужинами. А вечерами Лёня читал нам то, что успел написать к этому времени — отрывки из сочиняемой пьесы.

Но вдруг к нам домой повадился ходить огромный черный кот, который пугал нашу Алису. Убегая от него, она забивалась в такие недоступные места, что мы с Лёней подолгу не могли ее найти. Вообще, кот и на меня наводил ужас, никогда не убегая, если я его прогоняла, а медленно пятясь назад и не сводя с меня черных глаз. Что-то пугающее было в них, дьявольское. А когда он все-таки загнал маленькую Алиску на дерево, — мы выбежали из дома на ее зовущий страшный крик, — он даже и не собирался убегать, гипнотизируя нашу обезумевшую от страха девочку. Алиска истошно вопила. Я схватила палку, чтоб прогнать его, но, поскользнувшись, сама себя ударила по ноге… Думаю, не простой был кот…

Все-таки он ушел. А кисонька плакала, боясь и не умея вернуться с дерева вниз. И только Лёня смог долгими ласковыми уговорами заставить ее спуститься к нему на руки. А какие нежнейшие родительские чувства она вызвала у Лёни, описав его от страха. «Маленькая моя, моя маленькая», — бормотал он, успокаивая ее и крепко прижимая к груди. А я опять шла на войну с котом, который сидел неподалеку в кустах.

Спасибо Володе, который сделал несколько снимков на память о замечательных днях, проведенных в Суханово.

В гости к нам приезжали артисты. Навестил нас Евгений Цымбал, который начинал в то время снимать свою картину «Повесть непогашенной луны». Они долго разговаривали с Лёней, обсуждая какие-то свои проблемы. Приезжал Николай Губенко,

[71] у них были свои разговоры. Лёня читал ему уже написанные отрывки из пьесы. На один день с ночевкой приезжали наши друзья Фроловы — Виктор с Нелей. Бедная Нелька! Наутро она сообщила, что всю ночь не сомкнула глаз, потому что слышала и даже видела, как по полу бегала мышь (!) «Конечно, могла бегать, но не мышь, а малюсенькая мышка-полевочка», — объяснял ей Лёня за завтраком. Все равно ребята уехали довольные.

Володя отдыхал с нами две недели. Как только он уехал, приехал к нам наш сын Денис, и мы стали жить дружной семьей. За время отдыха Лёня написал еще два стихотворения — «Пенсионеры» и «Кюхельбекер».

Дня за три до отъезда встал вопрос: что делать с Алисой — очень мы к ней прикипели. Вернувшись с прогулки, слышу рассказ Лёни. Захлебываясь, он говорил: «Нюсенька, невероятно, ты не поверишь… Я лежу, у меня в ногах Алиска. Я обращаюсь к ней: „Алисонька, если ты хочешь поехать с нами в Москву, как-нибудь обнаружь это“. И девочка, — я не вру, — подошла ко мне и лизнула меня в лицо. Потом уселась на прежнее место, представляешь? Я не верю, что она сознательно это сделала, прошу ее повторить, если хочет жить с нами. И она подошла и опять лизнула… Что будем делать? Если не веришь, проверь сама». Я бы, наверное, не поверила, но столько эмоций было в его рассказе, так он разнервничался…

Алиса лежала в кресле, я подошла к ней, опустилась на колени, смотрю ей в глаза и произношу Лёнину фразу. Алисонька потягивается, нехотя поднимается и, подойдя, меня лизнула. «Вот видишь?» — у Лёни задрожал подбородок, и у меня что-то ушло в пятки, и стало невыносимо горько оттого, что знала: мы не можем девочку взять с собой: мама будет против.

А на следующее утро, за день до отъезда, Алиска пропала. Весь день и вечер лил сильный дождь, и мы с Лёней бегали под дождем по всей территории, звали, но Алиски нигде не было.

Она пришла только поздно вечером, вся мокрая, и в зубах держала маленького мышонка, которого положила к нашим ногам. Нам пришлось в этот вечер объяснять ей, извиняясь, почему мы ее не можем взять в Москву.

Когда в день отъезда я взяла Алису на руки, чтоб проститься, Алиса глаз не открыла и не проявляла никаких чувств. Я подбрасывала ее, уговаривала открыть глазки, — бесполезно, она не захотела с нами проститься, она как бы умерла. Мы с Лёней обливались слезами. Нас не извиняло и то, что мы нашли ей замечательную семью. Груз предательства нас не покидал еще очень долгое время.

Глава 11 История с маленькой пичугой по имени Галочка

Галка прижилась у нас и стала членом семьи

Птичка, которая какое-то время согревала нам с Лёней души. Очень любопытная история.

Весна. Я иду на рынок — пошататься среди прилавков со всякой всячиной и что-то прикупить для дома.

Редиски, баклажаны, помидоры — дуреешь от изобилия красок. И вдруг я вижу: в полуметре от продавца сидит маленькая черная пичуга, не то грачонок, не то галка с очень большой для ее маленького тельца головкой. Подхожу ближе — она и не думает отлететь, сидит себе — не боится. Спрашиваю продавца, что за птичка, почему не боится, вроде как ручная. Тот подтверждает мою догадку: «Может быть, чья-то, вылетела из клетки». Налюбовавшись отважным созданием и закупив все необходимое, довольная, возвращаюсь домой.

Прошло, наверное, дня два. Дома я и Лёня. За чем-то подхожу к окну и вижу — Боже мой! — моего рыночного галчонка, сидящего на перилах нашей лоджии. Не верю своим глазам: неужели та, о которой я упоенно рассказывала Лёне два дня назад. Кричу Лёне, открываю окно и просто зову: «Галочка, иди ко мне, иди сюда, не бойся», естественно, не рассчитывая, что птичка пойдет мне навстречу. Смотрю: галка, будто стесняясь, потопталась немного и — так не бывает — потопала прямо ко мне в открытое окно. И она уже на подоконнике в комнате. Мы с Лёней, затаив дыхание, наблюдаем за ней.

— Лёнечка, налей водички в блюдце и принеси кусочек яблока, — шепчу я, чтоб не спугнуть это чудо. Короче, галка прижилась у нас и стала членом семьи, причем главным ее членом. Естественно, на лоджию прилетали голуби, рядком усаживались на перилах и, конечно, видели наше чудо, которая, сидя на подоконнике, всем своим видом показывала, как она гордится, что обзавелась своим домом. Потом, важная, она выходила к голубям, которые, безусловно, ей завидовали, а она, маленькая, не подходя к ним близко (а то, мало ли что — еще затопчут… — так, по-видимому, протекали ее рассуждения), на расстоянии за ними наблюдала.

Лёня, как водится у швейцаров, закрывал за ней окошко и садился работать за стол, который находился рядом с окном. Он в

это время дописывал свою сказку «Про Федота…» Проходило время, час или два, и вдруг быстрое, требовательное — стук-стук, стук-стук: Галка нагулялась и требовала впустить ее обратно в дом. Большая головка продолжала настойчиво стучать до тех пор, пока Лёня не впускал ее внутрь. Я не видела этой сцены, но Лёня так уморительно смешно рассказывал, изображая пластику и мимику галкину, что я становилась в результате, не видя, очевидцем.

И совсем смешной эпизод, который мы наблюдали уже вместе. Опять наша галка собралась погулять. Но теперь у нее уже была цель, которую она, очевидно, вынашивала не один день. Последнее время она как-то странно приглядывалась к голубям, которые, не стесняясь ее, громоздились на балконе. А в этот раз сидел один голубь. Он был большой, крупнее остальных, сидел и важничал, повернувшись хвостом (чтоб не сказать «задом») к нам и к ней. Наша подошла и села на некотором расстоянии от него. Пат и Паташон. Она смотрит перед собой минуту, потом поворачивает к нему голову, что-то проверяя, изучая. Мы с Лёней затаились. Вдруг она (сидит справа от голубя), стоя на правой лапке, левую пододвигает к голубю и быстро приставляет правую, а головку одновременно отворачивает от голубя. «А что? Я ничего. Сижу — никому не мешаю» — так мы прочитали ее жест.

И опять смотрит куда-то вдаль. Голубь не реагирует никак

— Нинча, по-моему, у нашей любовь.

Пластика повторилась дважды, пока галка не оказалась очень близко к предмету своего обожания.

После каждого такого жеста хитренькая головка через секунду проверяла реакцию голубя. «Все спокойно, можно продолжать игру». Так повторилось еще раза два-три, пока этому жирному и, в общем, малопривлекательному голубю вся эта ажурная игра не надоела. Он был груб и неотесан и оттолкнул от себя нашу маленькую хитрюшку. Но та отлетела ровно на то место, откуда начинала свою забаву. Галочка еще долго развлекала нас с Лёней, пока что-то не случилось, и она перестала являться к нам домой. Не хочется брать греха на душу, но моей маме не нравилась наша с ней дружба. И когда мы однажды пришли со спектакля, нашей любимицы дома не оказалось. Она сидела на соседнем балконе в окружении голубей, маленькая, беспомощная, и как я ее ни звала, — не захотела вернуться. Ее, очевидно, обидели, и она не захотела простить обиду

Вот такой печальный конец этой истории.

Глава 12 Спектакль «Мастер и Маргарита»

Не могу сказать — я играла, я — жила!

Так случилось, что на сцене Театра на Таганке мы с Лёней вместе играли только один спектакль — «Мастер и Маргарита», он — Мастера, я — Маргариту

Правда, были поэтические представления — «Товарищ, верь!» и «Владимир Высоцкий», в которых я знаково изображала Н. Гончарову и М. Влади, возлюбленных поэтов, и где мы в кратких эпизодах, невидимо для всех, общались друг с другом.

Для меня была чудесным мгновением сцена, когда я выходила из возка в спектакле «Товарищ, верь!» и Лёня мне протягивал руку. Легкое прикосновение… и у меня в этот момент было такое чувство, будто я излучаю свет… Счастье, Любовь и беспечное легкое озорство контрапунктом ложились к словам: «Александр страдает ужасно… ревматизм разыгрался…» Моя же душа при этом пела…

«Люблю тебя сейчас, не тайно — напоказ…» — прекрасно читал Лёня стихотворение Володи в спектакле «Владимир Высоцкий», а я знала, что Володиными словами Лёня каждый раз объяснялся мне в любви.

И только однажды мы с Лёней в спектакле «Антимиры» прочитали стихотворение А. Вознесенского «Париж без рифм».

Пандус, на котором сидят артисты. Звучит нежная музыка, и из двух порталов мы с Лёней медленно шли навстречу друг другу. Мы несли на сцену нашу тайну напоказ. Глаза в глаза. Между нами волшебное поле Любви. И мы шли по этому полю, щедро даря зрителю свою любовь. И в глазах:

— Я люблю тебя, Нинча!

— Я счастлива, Лёнечка! Я тоже тебя люблю!

И какая нежная хрупкость в словах: «О, Париж! Мир паутинок, антенн и оголенных проволочек… Как ты дрожишь, Париж… Как тикаешь мотором гоночным, о, сердце, под лиловой

пленочкой…» И сердце полушепотом: «Спаси и сохрани нас, Господи!..» Спектакль «Мастер и Маргарита» превращался в историю нашей жизни. Даже не могу сказать, я — играла, я — жила. Я любила, я ждала чуда, я рыдала, я ненавидела, я готова была на все, чтобы соединиться с Лёней, моим возлюбленным Мастером. И удивительно, как точно характер Маргариты совпадал с моим тогдашним. Ее страдания были моими страданиями, и я верила! («Я верую! Что-то произойдет! Не может не произойти, потому что за что же в самом деле мне послана пожизненная мука?., я лгала и обманывала, и жила тайной жизнью, сокрытой от людей, но все же нельзя за это наказывать так жестоко. Что-то случится непременно, потому что не бывает так, чтобы что-нибудь тянулось вечно».)

Похожие слова почти каждый день я обращала к Богу. Я верила, что мы наконец-то когда-нибудь с Лёней будем вместе, а когда я видела больного Лёню-Мастера после сцены «бала» (тогда я, может быть, не совсем это осознавала), мне было страшно за его жизнь, и я — Маргарита — верила, что упрошу спасти моего возлюбленного… нас…

И на каждый спектакль я бежала отдать накопившееся за время разлуки. Пожалуй, только в этом спектакле я до конца выразила свои чувства, была сама собой — настоящей.

Глава 13 Швейцария

Мы с Лёней еще долго будем ностальгировать по этому дивному месту на земле

В 1988 году мы с Лёней получаем от наших друзей Горбуновых приглашение приехать к ним в гости в Берн, где они временно жили и работали. Володя, будучи главным инженером, руководил строительством жилого дома на территории посольства с 1986 года по 1992 год. Не раздумывая долго, найдя недельное окошко в репертуаре театра, собрались в одно мгновение и очень скоро вступили на швейцарскую землю. Мы в аэропорту Навстречу бежит Танёчек с букетом. Какое счастье! Она — маленькая, улыбка до ушей, запыхалась… Здравствуйте, дорогие! А вот и мы! А вот и Володя… объятия, поцелуй… садимся в машину, едем к ним домой. Угадали, как мы отметили эту встречу? Правильно. «А поутру они проснулись», — так рассказала одна из фотографий на следующий день.

В день приезда познакомились с нашим послом в Швейцарии Зоей Григорьевной Новожиловой. Высокая, красивая, с иссине-черными волосами, туго уложенными на затылке в пучок, она встретила нас с замечательной улыбкой, приглашающей на доверительные, дружеские общения, чем мы с Лёней с радостью воспользовались.

Всю неделю с утра до вечера мы с нашими друзьями знакомились с этой восхитительной страной.

Ах, Швейцария! Где мы только с Лёней не побывали — Берн, Монтре, Муртон, Тун, Интерлакен, Адельбоден, Люцерн, Андермат, Вевей…

Я даже побывала в гостях у барона Фальц-Фейна Эдуарда Александровича в его маленьком, но в таком милом государстве Лихтенштейн, — к сожалению, без Лёни, у которого, по-моему, в то время была запланирована встреча в посольстве. Меня же на встречу с бароном взяли с собой советник-посланник Ефимов Владимир Георгиевич и его жена Римма Викторовна.

Машина довольно быстро довезла нас до Лихтенштейна. «А где граница?» — спрашиваю. «Она осталась позади, — отвечают мне, — мы только что ее проехали». А я и не заметила, ее просто нет, — как-то несерьезно. Подъезжаем к дому, где нас встречает хозяин. Уже в очень солидном возрасте, но какой молодой: высокий, стройный, загорелый, и ему очень идут шорты. После положенных слов приветствия нас приглашают в дом.

Мы с Риммой шарим глазами по стенам, увешанным уникальными картинами русских художников, две из которых при прощании барон подарит нашему посольству, портретами отца, матери, ближайших родственников. Потом Эдуард Александрович с удовольствием и подробно расскажет о них, о своих корнях, завораживая нас прекрасной русской речью. Мы ходим как по музею, впитывая и запоминая свои ощущения о той дореволюционной России, которую так бережно хранит этот гостеприимный дом.

«Много из того, что вы видите, я был бы счастлив отдать в дар России, если бы был уверен в их сохранности. Неоднократно велись переговоры на эту тему, но у них нет для этого отдельного помещения… значит, не нужно», — сокрушался барон.

Конечно же, на память сделали несколько снимков. Обогатив себя духовно, начинаем прощаться. Хозяин выходит на улицу проводить нас. Мы садимся в машину. Отъезжая, оборачиваемся, смотрим на удаляющийся кусочек России в маленьком государстве Лихтенштейн.

Лёня часто любил передо мной похвастаться, перечисляя страны, где он побывал, а их было действительно очень много. Теперь я могла козырнуть: «Зато я была в Лихтенштейне, а ты — нет».

Путешествуя по городам, Лёня с Володей поочередно все снимали на камеру. Лёня впервые познакомился с работой оператора — это ему очень пригодится в свое время, когда он начнет снимать свой первый фильм «Сукины дети». А сейчас у него в руках камера, он немного воображает, напуская на себя солидность опытного оператора.

В эту поездку мы с Лёней решили разыскать могилу Чарли Чаплина на Вевейском кладбище. Поехали вчетвером. Володя — за рулем. Рядом Лёня с кинокамерой снимает пробегающие мимо нас опрятные швейцарские деревни, сменявшиеся по обе стороны дороги дивными пейзажами. Какая красота! Даже наши голоса обрели мягкие обертоны. Разговаривали вполголоса.

Ну вот и Вевей. И странно: никто из горожан не знает, где похоронен Чаплин. Останавливаемся часто. Татьяна, профессионально владеющая французским, поговорив с очередным прохожим, разводит руками: не знает. Мы, сидя в машине, наблюдаем сцену, — опять не повезло. Понять невозможно: кажется, и городок-то известен только потому, что там похоронен Великий Артист. Продолжаем поиск. Объехали, кажется, все возможные дороги и — спасибо единственному вевейцу, объяснившему нам наконец, как добраться до кладбища.

Вевей — городок маленький. Кладбище, до которого мы все-таки добрались, небольшое, тихое, и только хрустальными колокольчиками перекликивались друг с другом веселые птички, создавая уют этому благословенному месту. Находим могилу, замираем в священном почтении. Территория захоронения небольшая, со скамеечкой слева от надгробия. Сидим молча, каждый думая о чем-то своем и, конечно, о Вечности, о Боге и о нашей земной суете. Медленно идем на выход. Какая тишина!.. И она какая-то особенная, нарушать которую не хотелось.

Была еще одна встреча с Чарли Чаплином в швейцарском городке Монтре. На набережной Женевского озера стоит с человеческий рост статуя: котелок, усики, трость. Без обозначения, кто это, написаны слова: «Величайшему гению человечества, который принес столько радости миру». И все! и не надо никаких больше объяснений. Уже потом, давая очередное интервью, Лёня будет вспоминать этот памятник и эту надпись, отвечая на вопрос, что есть настоящая слава артиста. «Когда наши знаменитости, которых знают только в собственном подъезде, когда вот эти четырнадцати-, пятнадцатилетние дети говорят о своей славе, — думаешь, ну, ладно, может, они еще молоденькие, может, когда-нибудь поймут… Хотя, я думаю, при том интеллектуальном уровне, на котором находятся многие из них, и судя по тому, что они поют, какие слова они выговаривают, совершенно не по-русски зарифмованные, да еще то, что они говорят в своих интервью, — это достаточный показатель их уровня…

Я не говорю обо всех, потому что есть очень талантливые люди. Но мне забавно наблюдать как раз вот за этими „птичками“, у которых и мозги птичьи, и ухватки — как будто они действительно кто-то и что-то!.. Ну, как будто вся Россия глаз с них не сводит! Они даже не понимают, кто их аудитория! У них тусовки, люди бизнеса, но надо же понимать, что есть Окуджава, которого знает вся страна, и есть ты — маленький Коля Тютькин или Лиза Пупкина. Нуда, где-то спели какие-то пять песенок, так сказать, не лучшего качества, ну, кто-то вам аплодирует — ведь страна огромная, всегда найдется „покупатель“… Но говорить о славе… Спроси „знаменитость“ эту: „А что вы слышали о Блоке?“ — он, поди, не вспомнит, кто такой, он решит, что речь идет о блоке сигарет или еще о чем-нибудь…»

О чем думал Лёня, когда снимал этот памятник, мы с Танёчком не знали, легкомысленно подскочили к Чаплину, игриво прижавшись к нему с двух сторон, за что тут же схлопотали от Лёни, «осудившего» наше легкомыслие.

Всю поездку Лёня не расставался с камерой. А снимал он

действительно профессионально.

В 1991 году мы опять на неделю прилетели к нашим друзьям в Швейцарию, на ноябрьские праздники. Таня с Володей уже около года как дед с бабкой и, как это обычно бывает, нянькаются с внучкой Настенькой, очаровательным девятимесячным ребенком. Теперь кто-то из них обязательно должен был оставаться дома. Ребенок — это хорошо, но не очень хорошо путешествовать без кого-то из них.

Теперь у нас с Лёней уже есть любимые места, на свидание с которыми мы летели в первую очередь.

Вспомнился смешной эпизод с Лёней. Мы с Татьяной однажды встали очень рано, чтобы пробежаться по бутикам. Володя ушел на работу, Лёня, естественно, отказался нас сопровождать, оставаясь досыпать дома. Через 2–3 часа, насладившись прогулкой по городу, мы возвратились домой. Открываем дверь и что мы видим… На полу в ворохе многочисленных игрушек копошатся Лёня и маленькая Настя, во что-то, видимо, играя. Нужно было видеть это смешное и трогательное зрелище. Заметив нас, он так обрадовался, что наконец-то может передать девочку в наши руки, вскочил на ноги, тут же схватил сигарету, на ходу объясняя: «А что я еще мог сделать? Я спал, Настя проснулась, стала плакать и просить молока. Где я его возьму? Вот завалил ее игрушками, как мог, стал забавлять». Судя по всему, они нашли общий язык. Настя молчала, забыв про молоко. Потом мы с Татьяной наблюдали, как Лёня, выкурив сигарету, забавлялся с Берликом, обаятельной собакой породы колли. Мой милый на четвереньках и Берлик обнюхивали друг друга. «Танечек, не спугни очарование…»

Наш праздник — 7 Ноября. В посольстве Зоя Григорьевна Новожилова принимает иностранных послов. Торжественный момент румянит ее щеки, от чего она делается особенно привлекательной. А мы, уединившись и отгородившись от этого праздника какими-то перегородками с цветами, наблюдаем происходящее. Нас никто не видит: они — там, мы — здесь. Мы — это Татьяна, Лёня, я и Тамара, с которой мы только что познакомились, подсев к ней на скамью. Мы озорно вздрючены. Что за праздник без выпивки? Володя, помогая Зое Григорьевне, носится между ней и нами, нам в клювике притаскивает бутылку красного вина. И вот она уже открыта, фужеры наполнены, мы быстро выпиваем, после чего бутылка стыдливо прячется под сиденье. Зоя Григорьевна продолжает принимать гостей, которым нет конца. Вот кто-то звякнул шпорами-погремушками, кажется, венгерский посол. Мы высунулись из своего укрытия, очаровались зрелищем и назад с глаз долой. Мы выпивали, слушая рассказ

Тамары о том, как она совсем молоденькой девушкой вышла замуж за состоятельного швейцарца, как они полюбили друг друга и были счастливы. За это, то есть за Любовь, мы тоже выпили. К концу вечера Тамара пригласила нас всех к себе в гости. Но получилось так, что в доме у нее побывали только я и Володя: Таня оставалась дома с Настей, Лёня с Зоей Григорьевной уехали в Лугано.

Кстати, перед поездкой в Швейцарию я в Москве открыла какой-то журнал с гороскопом, прочла про Рыб: «скоро вас ожидает далекая поездка, из которой вы вернетесь с подарками…» «Вранье!» — подумала я: мы с Лёней еле-еле наскребли на дорогу. И вот, прощаясь, Тамара с мужем дарят мне прелестный полушубок из каракульчи от Шанель, диоровские очки и еще какие-то милые штучки, в общем, приукрасили меня от души. Теперь сую нос в любые гороскопы, когда они попадаются на глаза.

Тамара несколько раз приглашала нас в дорогие рестораны с роскошными интерьерами, где мы наслаждались изысканной едой и дивным видом на реку Рейн, отделявшую страну от Германии, до которой, казалось, было рукой подать.

Милая Тамара, окружившая нас своим вниманием и щедрой любовью, уже несколько лет одна (ее любимый муж умер), а дозвониться до нее невозможно, а так хочется — пусть по телефону — сказать ей слова благодарности, услышать ее голос, убедиться, что жива, здорова… Телефон молчит… Где ты, Тамара, откликнись…

— Нюська, представь себе, что мы с тобой богатые люди, живем в Швейцарии, в Интерлакене, и вон тот коттедж — наш.

— Ну, не знаю… Нет, не смогу, мои мозги не смогут справиться с этим допуском, трудно — с трешкой в кармане.

— А ты попробуй…

Лёня обнимает меня за плечи, и мы, пробуя изобразить хозяев предполагаемого «нашего» коттеджа, убыстряем шаг. Володя сзади снимает нас на камеру, что-то говорит, мы его не слышим, спешим к «себе домой», приближаясь к воротам. Дотрагиваемся до ворот и… — на этом греза кончается. Но мы даже с трешкой в кармане ощущаем себя хозяевами жизни, потому что — счастливы. К нам подтягиваются Татьяна с Володей, и Лёнин интерес тут же переключается на кинокамеру, которую забирает у Володи. Иногда он забывал ее выключить, и уже в Москве, отсматривая пленку, мы видели в течение долгого времени прыгающую дорогу и Ленины кроссовки.

Как нам всем было тогда хорошо! Мы с Татьяной развлекались, как хотели. На углу какого-то секс-шоповского

магазина, уже к вечеру, стали изображать девиц легкого поведения, веселя наших мужчин. Думаю, мы это делали бездарно, слишком целомудренно обнажая ноги, но нам было весело. А раз весело нам и нашим мужчинам, значит, вечер удался, а значит, — скорее домой, — к столу!

Возвратясь из поездки, уже дома, мы показали отснятую кассету моей маме и моей тете Марии Кузьминичне, приехавшей к нам погостить. Это было время, когда наши магазинные прилавки пустовали.

Мы — я, Таня и Лёня — сидим на кухне, чтоб не мешать им в комнате наслаждаться чужой жизнью. Проходит время, — минут 15–20. И вдруг мы слышим истерический хохот. Ошалело выскакиваем из-за стола, бежим к ним, не понимая, что могло вызвать такой эмоциональный взрыв? Видим: на экране телевизора — длинная панорама мясных и сырных изделий. Сестры аж заходятся от смеха, из глаз потоком текут слезы. Вытирая их, чуть успокоившись, вновь начинают хохотать, — камера движется в обратном порядке, дразня сочными кусками свежайшего мяса. И все это в таком изобилии, и конца и края этому нет Как же все это может уложиться в голодной голове, в голодной стране — с ума бы не сойти. «Нинусыса, Лёня, но это же неправда-а-а, не может этого бы-ы-ыть, это муляжи-и-и», — содрогаясь от смеха, выпевала мама. И вот уже мы с Танёчком, гладя на них, трясемся от смеха, заражая смехом и Лёню.

Поверили или не поверили сестры нашим объяснениям, что другие страны живут несколько иначе, в отличие от нас, — не знаю. А заразительный смех — это положительные эмоции, на этом и успокоились.

Мама с тетей Марусей продолжали отсматривать кассету, а мы вернулись на кухню, где продолжили прерванный разговор. Через некоторое время опять «охи» и «ахи», и мы опять вскакиваем с места, бежим к сестрам, которые снова от смеха в слезах, но уже по другому поводу. «Господи, милые, да что вы сделали с Володей?» То есть они просмотрели всю шестидневную пленку, и в последний день Володя так осунулся и похудел, что без слез глядеть на его отощавшую и понурую фигуру было действительно невозможно. «Но какой же он был хороший в первые дни… а сейчас… Ой, какой худой… вез в магазине тележку — еле передвигал ноги… как же ему было трудно… бедный… Нинуська, Лёня до чего вы его довели-и-и».

Здесь, в Москве, мы с Лёней будем еще долго ностальгировать по этому дивному месту на земле, вспоминая многочисленные счастливые эпизоды из той нашей жизни.

Часть IV БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ ЛЁНИ

Глава 1 Трагедия в театре

Лёня страдал, болея за своих товарищей

Память, как кинолента, с огромной скоростью раскручивается назад. В висках бьются одни и те же вопросы: как могло случиться? Почему? За что?..

В 1982 году Лёнечка пришел ко мне навсегда, и уже тогда у него была язва двенадцатиперстной кишки. Боли — невыносимые, кровь — отовсюду, откуда можно. Временное облегчение дают таблетки тагомета, если я правильно помню, которые из-за границы привозит для него Андрей Вознесенский. Не зная, как помочь, я страдаю вместе с ним. Не помню, как это мне пришло в голову, но с помощью моей мамы я настаиваю на спирту прополис, зная о его чудесном свойстве «замазки».

Через две недели настойка готова, и я принимаюсь за лечение. Шесть часов утра. Я подогреваю чашку приготовленного с вечера кипяченого молока и капаю туда 25–27 капель настойки. Лёня спит. Прошу не просыпаться, поднимаю его голову и по глоточку даю все это выпить. Любимый продолжает спать, но и у меня для сна есть минут сорок, после чего я иду на кухню и варю на воде жидкую овсяную кашу без соли и сахара. Просьба все та же — не просыпаться, и 5–6 ложек сопливого отвара отправляю ему в рот.

В зависимости от предстоящей работы встаем в разное время, я, естественно, раньше. Как легко можно было договориться со спящим Лёней, и как нелегко с ним — проснувшимся! К моему ужасу, он категорически отказывается от диеты, продолжая есть все острое. Лакомством были горький зеленый перец и соус чили. Однажды я попробовала эту отраву, и тут же мои глаза вылезли из орбит и повисли на нитке под аккомпанемент звериных звуков, которые я рождала. Ужас! С Лёней ничего подобного не происходило и, что удивительно, он не корчился от боли: язва молчала.

Прошел год. Врачи производят осмотр на предмет «как поживает наша язва?» и не верят глазам своим: язва с пятикопеечную монету затянулась! Мы ее победили!

Прошло какое-то время. Лёня много работает в кино, снимаясь в трех, иногда четырех, пяти кинокартинах в год.

В 1982 году — «Ярослав Мудрый», «Голос», «Грачи», «Избранные».

В 1983 году — «Из жизни начальника уголовного розыска»,

«Петля», «Исповедь его жены», «Соучастники», «Европейская история».

За два года — девять фильмов. Конечно, такое беспардонное отношение к своему здоровью не могло хорошо кончиться.

Потом история с Ю. П. Любимовым, который уезжает за границу, и его лишают гражданства. Театр лихорадит, актеры в напряжении: а вдруг какой-нибудь режиссер по настоянию У.К.[72] все-таки решится прийти к нам и возглавить театр. С радостью принимали известие об отказе многих театральных деятелей. Шли дни. Мы ждали и верили, что никто не посмеет занять место Любимова. Отказ следовал за отказом. Мы радовались, но недолго: пришел А. В. Эфрос, которого труппа встретила, по понятным причинам, недоброжелательно: ждали другого — своего. И если бы он пришел по-другому, нашел человеческие слова, которые бы все поняли: «Дорогие, у меня в театре плохо, и вы остались без главного режиссера, давайте попробуем поработать вместе до тех пор, пока не вернется Юрий Любимов».

Вот такая малость могла бы решить все проблемы и наши, и Анатолия Васильевича.

Неласково прошла первая встреча с А В., но очень скоро все сгладилось: началась нормальная работа над спектаклем «На дне». Лёня назначен на роль Пепла, но репетировать он не может и пишет объяснительную записку:

«Уважаемый Анатолий Васильевич!

Около недели тому назад мы имели длительный и, как я надеялся, небесполезный разговор, касающийся сложностей, возникших в моей работе в кино в связи с назначением меня на роль Пепла в „На дне“.

Безусловно, театр — основное место моей службы, и кино ни в коей мере не может соперничать с театром, но что же делать, если я подписал договор в кино еще до Вашего прихода в театр. Исходя из дисциплинарных и прочих соображений, Вы были бы правы, настаивая на моем присутствии на репетициях, но ведь, Вы, Анатолий Васильевич, глубоко творческий человек, обязательный в отношении собственных репетиций. Это обстоятельство давало мне надежду, что Вы достаточно уважительно относитесь не только к своему, но и к чужому творчеству, а также к чужим обязательствам.

Меня удивила пересказанная мне реплика относительно того, что „выступать за справедливость легко, а ежедневно работать трудно“. Надо понимать, что все, что происходит в биографии актеров этого театра за этими стенами и без Вашего непосредственного участия — уже не имеет отношения к

искусству?

Отчего у Вас могло сложиться ощущение, что я во время столь неожиданных для меня репетиций спектакля „На дне“ занимаюсь чем-то совершенно непохожим на творчество?

Наша договоренность относительно моей работы в „На дне“ остается в силе, если, Вы, разумеется, сами не захотите ее разрушить.

Я крайне уважительно отношусь к возможности работать с Вами, хотя идея назначения на роль Пепла со мной не обсуждалась и является для меня полной неожиданностью.

Но еще раз повторяю — до конца апреля у меня есть работа, начало которой состоялось задолго до Вашего прихода в театр и перестроить ее в столь спешном порядке не представляется возможным. Уже в начале мая я готов приступить к репетициям.

Кроме моей работы в кино и в театре (я имею в виду спектакли), есть и еще обстоятельства, не позволяющие мне сию же минуту начать репетиции — это простуда (шесть дней я нахожусь на бюллетене).

Уважаемый Анатолий Васильевич, как видите, я не держу камня за пазухой, и мое письмо не имеет иной задачи, кроме как добиться взаимоуважения.

Леонид Филатов. 15 апреля 1984 года».

В ответ — коротенькая записка от А. В.:

«Лёня!

Я, конечно, верю в Ваш бюллетень и в то, что Вы больны, и все же мне не очень понятно Ваше отношение к делу. По-моему, Вам нужно ясно и точно сказать мне — работник Вы или нет. Тогда я буду знать, что делать.

С уважением Эфрос».

На этом переписка закончилась.

Содержание этого короткого послания было бы понятно, если бы до него не было объяснительной записки. Ну, что тут скажешь?..

Через некоторое время Лёня уходит работать в театр «Современник», которому исполнялось 30 лет. Позже к нему присоединились Смехов и Шаповалов. На юбилее выступили — Лёня, Вениамин Смехов, Виталий Шаповалов и Валентин Гафт, каждый по-своему, в ироническом ключе высказали свои претензии к Анатолию Васильевичу. Виталий с Вениамином что-то адресное спели, Валя Гафт, естественно, прочел эпиграмму, вылезая из люка на сцене, имея в виду спектакль «На дне», откуда

не выбраться. Лёня прочел стихотворение, вызвавшее гнев и возмущение отдельных лиц в творческой среде и в Театре на Таганке. Скандал на всю Россию!

К юбилею театра «Современник» (30 лет)

Мы отбились от прежнего стада, а стадо и радо, —
Устремились вперед, никого из отставших не ждя,
Сохрани их Господь от возможного мора и глада,
Сохрани их Господь от охотника и от дождя.

Спотыкаясь в тумане, бредем мы по тропам оленьим,
За душой — ни корысти, ни денег, ни зла, ни обид.
Мы богаты теперь только памятью и сожаленьем,
Остальное зависит от наших рогов и копыт.

Мы остались втроем. На распутье стоим оробело.
Но и тут никому не позволим себя утешать.
Тем же воздухом дышит сегодня небесная Белла,
Коли дышит она — нам тем более можно дышать!

Наши дети мудры — их нельзя удержать от вопроса:
Почему все случилось не эдак, а именно так?
Почему возле имени, скажем, того же Эфроса
Будет вечно гореть вот такой вопросительный знак?

Что ответим мы нашим суровым и искренним детям?
Мол, что было, то было! Такой, мол, случился курьез!..
— «Мы старались не быть подлецами, — мы детям ответим, —
И Эфрос в нашей жизни, по счастью, не главный вопрос!»

Пусть нам дети простят, по возможности, наши промашки,
Не скажу — за талант, но — за помыслы, но — за труды.
А порукой тому, что мы жили не как замарашки —
Эти, может быть, самые чистые в мире пруды…

13 апреля 1986 года

Театр на Таганке гудит, возмущается, клокочет. Вся эта

ситуация не могла не отразиться на Лёнином здоровье. Почти каждый день — сердечные боли! Он не понимал, как это возможно, чтобы Театр на Таганке возглавил кто-то другой, пусть даже гениальный режиссер. Театр создал Ю. Любимов, и только он должен быть во главе театра. Он считал приход А. В. в наш театр предательством по отношению к Ю. П. И каждый день он мучил себя переживаниями по поводу театра, который он оставил, зная, что на время, потому что верил, что Любимов вернется, и все мы, артисты, вновь соберемся вместе в родном доме.

Золотухин сочиняет воззвание, в котором клеймит позором «отбившихся». И Лёня отвечает ему.

«Минуло всего несколько дней, — и вдруг выяснилось, что ты подписал очередное воззвание, даже не выяснив предмета скандала. Разве вся долгая история наших взаимоотношений (пусть весьма осторожных и не всегда откровенных) не убедила тебя в том, что я — человек открытый? Неужели ты так вот сразу мог поверить, что я посмею бросить камень в дом, где я проработал почти шестнадцать лет? Неужели ты, так много и осмысленно занимающийся литературой, а стало быть, и философией, а стало быть, и вопросами нравственности, мог так легко поверить летучей сплетне о злонамеренности моего выступления в адрес театра?

Неужели ты думаешь, что в сорок лет приятно покидать родные стены? Это ужасно! Ты распорядился своей судьбой иначе. И я не судил тебя. Досадовал, но не судил. Как же ты мог позволить себе осудить мою печаль, мою жизнь, мою боль, пусть даже высказанную в резкой форме в адрес одного человека? Пусть он дорог тебе как человек и режиссер, — но оставь за мной право иметь к нему личные претензии. Тем более что в адрес ребят я не мог, не хотел, да и не смел высказать ни слова упрека.

Долгое время в ответ на чьи-то упреки в твой адрес я находил в себе силы и благородство отвечать категорически: не смейте в моем присутствии… и т. д. Теперь у меня кончились силы защищать твою двусмысленность и непоследовательность. Думаешь ты одно — говоришь другое. И так во всем.

Ты написал мне в Будапеште нежнейшее письмо, и я поверил в твою искренность. Но уже через десять дней, находясь в Сибири, ты в присутствии ребенка позволил себе говорить обо мне мерзости. Где же ты настоящий, Валерий? Да и есть ли ты? Ты стал прохиндействовать не только в жизни, но и в искусстве, а это уже совсем худо. Это последнее мое к тебе письмо. Я тебе не судья, живи как знаешь.

23 апреля 1986 г.».

Золотухин быстро присягнул Эфросу потом на коЛёнях присягал Губенко, то есть присягал всем, кто приходил в театр на место Любимова.

Время было препротивное, и для Лёни оно было мучительным, несмотря на то что был всячески обласкан артистами театра «Современник» и замечательным режиссером и восхитительной женщиной Г. Б. Волчек.

Когда высокое начальство откликнулось на просьбу Любимова вернуть ему гражданство, которое ему вернули благодаря усилиям Н. Губенко, он наконец-то смог возвратиться после многолетнего пребывания за границей в Россию, в свой дом, в свой театр.

Ах, какая была встреча! Ах, как помолодел театр! Ах, как помолодели артисты! Счастье в глазах, и опять, как в прежние времена, захотелось бежать в театр, обволакивая радостью родные стены. Пришла жизнь!

Но — ненадолго. Пришла. Потопталась. И ушла.

В 1991 году мы с Лёней по рекомендациям врачей отдыхали в Кисловодском санатории. К этому времени он плохо справлялся с гипертонией. Вернувшись, нашли театр в обезумевшем состоянии. Рассказали, что Любимов, который в течение долгого времени находился за рубежом, приезжал на три дня, чтобы подписать документ, из содержания которого было ясно, что Юрий Петрович хочет приватизировать театр. Причем собирался сделать это за спиной коллектива.

— Лёня, пока вас тут не было, представляешь, Любимов собрался заключить контракт с мэром Поповым, в котором оговаривается его преимущественное право на приватизацию театра с правом привлечения зарубежных партнеров и его полное право нанимать и увольнять «участников очередных работ». Контракты работников театра будут заключаться лично с ним. А возникшие спорные вопросы — это всех добило окончательно — будут решаться в международном суде в Цюрихе. Значит, чтобы отстаивать свои права, надо лететь в Цюрих?

— Не один год он руководил нами из-за рубежа, что само по себе абсурдно, но мы его ждали! Все, что могли, делали для его возвращения и вот — дождались! Он думает не о работе в театре, а в Россию вернулся, поняв, что в стране складываются благоприятные условия для коммерции… Он в первую очередь думает о благополучии своей семьи… Что делать?.. Надо что-то срочно предпринимать.

Кто-то вспомнил вопрос маленького сына Любимова Пети:

«Папа, ты этот театр мне хочешь подарить?»

Вспомнилось и анонимное письмо, написанное Любимову несколько лет назад, в котором говорилось о вещем сне: в ногах Любимова — трупы его артистов…

Горечь, страх, паника, возмущение артистов привели нас в состояние шокового оцепенения. «Приехали!»

Много позже Лёня мне скажет: «Нюська, как мне не хочется во всем этом участвовать, но я не могу в такое неспокойное время бросить людей. Они ждут от меня поддержки, и я не могу обмануть их ожиданий».

— Лёня, погляди на себя в зеркало. Ты уже, говоря об этом, поднимаешь себе давление…

— Я должен, Нюсенька, понимаешь? Должен! Ты видишь, что у нас творится за окном. Сейчас всем тяжело. Надо помогать людям выживать. Любимов долгое время жил за границей и уже плохо понимает про нашу жизнь… У него совсем другие заботы… опять же сын растет…

Печально-горький разговор затягивался далеко за полночь, память издевательски напоминала об уходе Лёни в «Современник»… Господи!.. Знать бы тогда… Ради чего?!! Если бы знать… Если бы…

Из интервью Ю. П. «Независимой газете», декабрь 1991 года: «Я приехал в Москву для того, чтобы встретиться с Поповым по вопросу приватизации театра… Театр — не богадельня… Почему я должен обеспечивать людей в полном расцвете сил и энергии?»

Из интервью Ю. П. «Столице», май 1992 года: «Я в коллективы не верю. Это советский бред — коллектив! Вот это их и пугает Это они и боятся, что столько „коллектива“ мне в театре не надо. Мне задают вопрос, как я думаю реанимировать театр, а я говорю, что не собираюсь этого делать. Если труп, то пусть и умирает».

Потом было собрание по поводу нового устава театра. В соответствии с новыми юридическими веяниями все театры до конца 1991 года должны были зарегистрироваться как новые объединения с уставом, принятом на общем собрании. Не успевшие сделать перерегистрацию до 1 января 1992 года перестали бы существовать. И наш театр могли бы закрыть, если бы мы вовремя не провели собрание по этому поводу.

А гнев и ярость Юрия Петровича объяснялись тем, что ему не дали протолкнуть контрактную систему, которая позволила бы ему освобождаться от ненужных артистов.

Над театром нависла тяжелая аура ненависти. Когда-то дружная актерская братия раскололась на два враждебных лагеря, поэтому очень скоро все единодушно решили разойтись, разделиться.

Золотухин пишет очередное воззвание:

«Всем! Всем! Всем!

Уважаемые коллеги и работники театра!

30 сентября 1992 года исполняется 75 лет художественному руководителю и создателю нашего театра Ю. П. Любимову!

Приличным исполнением его спектаклей и по возможности достойным поведением отметим этот юбилей!

Не поддавайтесь на провокации отдельных нечестивцев, которые сулят вам золотые горы после раскола театра. Не принимайте участие ни в каких предприятиях и голосованиях по разделу театра, тем более в отсутствие его руководителя.

Впрочем, если хотят разделиться, — пусть роятся, отпочковываются и улетают! Не покроем себя окончательным позором в глазах потомков! Вспомним на минуту — что дети скажут?

Председатель СТК В. Золотухин.

28 сентября 1992 года».

«Впрочем, если хотят разделиться, — пусть роятся, отпочковываются и улетают!» Сильная метафора. Трудно понять, как можно одновременно роиться и отпочковываться, да при этом еще и улетать.

Лёня пишет в ответ на воззвание Золотухина открытое письмо:

«Председателю Совета трудового коллектива,
народному артисту Российской Федерации
Валерию Золотухину от всего лишь русского артиста
Леонида Филатова.

Открытое письмо.

Уважаемый Валерий Сергеевич!

Зная Вашу любовь к эпистолярию, включая такой популярный в России литературный жанр, как жанр политического доноса, рискую обратиться к Вам в форме нелюбимого мною открытого письма.

Ввиду того что я, в отличие от Вас, не ощущая себя в России Яковом Свердловым, то и не могу предварить свое скромное послание пламенным призывом: Всем!.. Всем!.. Всем!..»

Нет, не всем. А лично Вам, уважаемый Валерий Сергеевич!..

Объясните, пожалуйста, стране, откуда такая истерика?.. Кто убивает Мастера?..

Что у него отнимают?.. Его репутацию?.. Его имя?.. Его имущество?.. Кто стреляет по нему из пулемета?.. И из каких кустов?.. Кто эти низкие твари?.. Поименно, пожалуйста.

Как только мы узнаем имена сволочей, — вся творческая интеллигенция Москвы выйдет с дрекольем на Красную площадь. В том числе и я, с матерью, с женой и с сыном! Вы только покажите нам, где скрываются эти суки?.. Кто обижает великого Мастера?.. Кто отнимает у него его славу?.. Кто макает его лицом в грязь?

Я имел счастье слушать Ваше выступление в Моссовете. Вы сказали: «Раздел театра — это гибель театра!» Редкий по силе афоризм. Почти Лесков. Если вдуматься, можно сойти с ума. Честно говоря, только в эту минуту я понял, почему Валентин Распутин называет Вашу прозу «инструментальной».

К сожалению, Вы никак не прокомментировали свой великий тезис, поэтому он выглядел и так же бездоказательно, как лозунг «Слава КПСС!». Но, в конце концов, гений говорит, а мир ловит. Будем надеяться, что потомки расшифруют эту загадочную фразу.

В своем обращении к народу вы пишете: «Не поддавайтесь на провокации отдельных нечестивцев»… Ну, во-первых, нельзя сказать, что Вы большой скромняга. С таким обращением мог бы выступить, как минимум, Александр Невский, и то накануне Чудского озера.

А во-вторых, кто эти «нечестивцы»?.. Поди, те же евреи?.. Или все-таки литовцы?.. Или коммуняки, тайно возглавляемые Лигачевым?.. Не лукавьте, Валерий Сергеевич, назовите их по именам. Глядишь, и разговор пойдет более серьезный…

И в-третьих. Поскольку Вы клеймите «нечестивцев», то, надо полагать, Вы считаете себя человеком чести?.. А можно поинтересоваться, кто Вам это сказал?.. Вы проводили опрос на территории России?.. Так и хочется спросить: «Вы это серьезно?..»

Но если это серьезно, то и я скажу всерьез: я Вам завидую, Валерий Сергеевич! Завидую Вашей наглости. Вашей отваге. Вашей глупости, наконец. Вы раскованны, как кошка. Вам даже не страшно, что Вас наблюдают миллионы неглупых глаз.

Когда я был секретарем Союза кинематографистов бывшего СССР, меня все-таки выбирали. А Вы даже на малом пространстве Театра на Таганке выбрали себя сами. Вы теперь председатель трудового коллектива, о чем трудовой коллектив даже не подозревает… Вы заканчиваете свое последнее литературное произведение патетическим криком: «Что дети скажут?..» Ох, пораньше бы Вам задуматься на эту тему, Валерий Сергеевич!.. Лично я знаю, что скажут о Вас Ваши дети. Во всяком случае, один из них, которого я воспитываю. Но пересказывать не буду. Спросите сами.

Не стану делать вид, что жду диалога. Я знаю, что Вам нечего мне ответить. Ну, разумеется, кроме мутной и однообразной демагогии: «Мастер… Учитель… Создатель».

Да, разумеется, Мастер. Уж я-то это понимаю, как никто другой. Я оплатил громадным куском жизни свою Любовь к Мастеру. В отличие от Вас, Валерий Сергеевич. Вы в это время принимали очередную присягу на предательство. Вы предали не одного Мастера. Нескольких. И именно в ту пору, когда они нуждались в Вашей защите. Сегодня защищать Мастера легко — за это никто не отрубит Вам голову. Да и не от кого — никто не рискнет напасть.

Кто желает зла Юрию Петровичу Любимову?.. Елена Габец?.. [73] *Никита Прозоровский?..* [74] *Николай Губенко, наконец?..*

Окститесь, Валерий Сергеевич. Не станцуется у Вас этот сценарий. Не получится. Ну, никак не выходит параллели ни с Мейерхольдом, ни с королем Лиром, ну никак… Не совпадет, не сложится.

С кем Вы воюете?.. Кого и от кого защищаете? Вы же верующий человек. Ну, и спросят у Вас на Страшном суде: «Где твой брат Авель?» Что Вы ответите?.. «Я не сторож брату моему»?

Скорее всего, так и ответите?.. Вы и на Страшный суд явитесь с удостоверением народного артиста Российской Федерации. Как в былые времена в райком. Но Господу ведь все равно — народный Вы или нет, артист или сантехник…

При том что я Вам завидую, мне Вас еще жаль. Жаль глубоко и всерьез. Я даже не знаю, что пронзительнее, — зависть или жалость.

С одной стороны, конечно, занятно прожить жизнь таким незамысловатым прохвостом, как Вы, а с другой стороны — ввиду наличия Господа Бога — небезопасно. Светского способа спастись я не знаю. Может, помыться в бане и немножко подумать?.. А?..

С уважением (хоть Вы и не поверите) Леонид Филатов.

P. S. Не советую Вам и Вашим единомышленникам срывать это письмо со стендов. Во-первых, это некрасиво и недемократично, само по себе, а во-вторых, в этом случае, я вынужден буду опубликовать его в прессе. Мне этого не хотелось бы. Будем вести интеллигентную и разумную полемику?.. Или как?

А впрочем, как скажете?

Сентябрь 1992 г.

Я видела, как Лёня страдал, болея за своих товарищей. Вся

эта ситуация отнимала у него силы, надрывала сердце. Друзья знают, как он реагировал на любую несправедливость, особенно если она касалась ничем и никем не защищенных людей. Как мог, он бросался на их защиту даже если ему это было невыгодно, как в этом случае. Он не поддержал Юрия Петровича и его сторонников, не видя за ними правоты, понимая, что спор идет не творческий, а о власти и собственности. «Любимов спешил превратить свою власть над умами и чувствами таганцев в реальную и зримую власть над судьбами актеров, но главное — имуществом театра. И здесь он пойдет до конца!»

А потом — раздел театра. За Лёней ушли многие артисты, которые могли бы успешно работать у Любимова. А сколько сил и здоровья Лёня потратил, таскаясь по судам! И отчасти благодаря ему было выиграно 26 судебных дел по разделу театра. Получив новую сцену театрального комплекса на Таганской площади, артисты просят Лёню возглавить новое театральное образование «Содружество актеров Таганки». Он, безусловно, духовный лидер, и за ним пошли актеры, веря ему, видя в нем прочный тыл. Но Лёня отказывается, и не только по здоровью, считая, что он прежде всего — артист. Стали думать, кто же может стать художественным руководителем, и скоро приняли решение обратиться к Николаю Губенко, который очень быстро дал согласие возглавить театр.

С тех пор прошло много лет. Рядом работают два театра. И ни у Губенко, ни у Любимова нет той радости, которая жила в те, наши, молодые счастливые годы в одном театре.

И чего-то жаль!..

Глава 2 Трагедия в стране

4 октября расстрел Белого дома,
«подаривший» Лёне микроинсульт

1993 год — страшный год, в течение которого Лёне пришлось одновременно пережить целый ряд драматических событий, которые вплотную приблизили его к опасной болезни.

Потеря Таганки, той Таганки, куда на протяжении долгих лет была проторена дорога Любви, стала для него самой болезненной раной. Эта боль не пройдет уже до конца жизни.

Из-за болезни и отсутствия денег он не может завершить свой второй авторский фильм «Свобода или смерть» или «Похождения Толика Парамонова».

А 4 октября — расстрел Белого дома, «подаривший» ему микроинсульт.

3 октября я отправляю Лёню в Останкино, где он монтировал первый фильм из своего авторского цикла «Чтобы помнили» об Инне Гулая и Геннадии Шпаликове.

Закончив работу в монтажной, он спускается на первый этаж и видит странную картину. «Огромное количество вооруженных солдат, и я, как заяц, скачу между ними, спрашиваю, как мне выйти из здания, — рассказывал мне уже дома Лёня, — от меня отмахиваются… Наконец выпускают через какую-то не главную дверь и, оказавшись на улице, я быстро ловлю такси. Едем в сторону Проспекта Мира. Чуть отъехав, мы вдруг видим вдалеке что-то темное, закрывающее всю проезжую часть дороги и двигающееся прямо на нас. Таксист, угадав, что это — огромная людская масса, оглушив меня визжащими тормозами, стремительно разворачивается и с дикой скоростью едет в обратную сторону, находя объездные пути. Нюсенька, я всю дорогу молил Бога, чтоб ты не включала телевизор. Представляю, что бы с тобой было, если б узнала о случившемся из „Новостей“. Откуда ты могла знать, что я уже еду домой?..»

На следующий день мы по телевидению смотрим жуткие кадры. Залпы из орудий в окна Белого дома, и точное, а значит, смертельное попадание. А там, за окнами, — люди, чьи-то жизни и уже, может быть, чьи-то смерти. Каждый выстрел был выстрелом и в нас.

— Господи! Господи! Господи! — как заведенная бормотала я с комом в горле.

Но самое страшное, страшнее этой бойни, были глумливые радостные вопли уличной толпы, приветствовавшие Смерть.

Залпы — один за другим. Казалось, земля разверзлась и выпустила адские силы. Глаза и уши не хотели верить, что все происходит взаправду Лёнечка, мой дорогой, я вижу твое по-нездоровому покрасневшее лицо, по которому непрерывно текут слезы… Стесняясь, ты закрываешь его рукой, сдерживая рыдания. Я боюсь за тебя и даю выпить лекарство.

— Родненький, ну нельзя так реагировать, ты же поднимаешь себе давление, — прошу я тебя, а дальше у меня нет слов, потому что понимаю: по-другому воспринимать происходящее невозможно, и твоя реакция — нормальная реакция сострадающего человека.

И я уже не смотрю на экран, во мне просыпается ненависть к тем, кто становится причиной твоих страданий.

Я вижу, как ты дольше, чем обычно, сидишь за письменным столом, иногда засиживаясь до глубокой ночи. И в июне 1994 года выходит твое интервью в «Правде» под заголовком «Никто меня не убедит, что эти реформы ведут куда надо», где ты выплескиваешь все, что мучило тебя в последнее время:

«Я артист, и не мне анализировать глубинные механизмы происходящей у нас социально-экономической ломки, но я говорю о вещах очевидных. Никто меня не убедит, что эти реформы делаются правильно и ведут туда, куда надо. Неправильно и не туда!

Я не утверждаю, что за последние годы не произошло совсем ничего хорошего. Но… Когда плохого гораздо, неизмеримо больше, достигнутые завоевания представляются ничтожными, а утраты — колоссальными. Если на одну чашу весов положить, скажем, свободу слова (вернее, полу-свободу), а на другую — все остальное, что мы получили — детскую проституцию, разгул бандитизма, воровство массовое и так далее, то возникает большой вопрос: стоило ли все это делать?

Мало того, нормальных людей называют „красно-коричневыми“ (за их здравомыслие, за несогласие с губительным курсом!), называют фашистами. Люди, которые сами ведут себя как фашисты!

Народ, по существу, обманули: обещали одно — дали же совсем другое. Чем бравируют наши проводники реформ? „Каждый может богатеть столько, сколько влезет!“ Но в России. Но в России деньги никогда не были главным, как это ни странно. Больше ценились честь, верность, любовь.

Мне режут ухо все эти рассуждения, будто наш народ какой-то несовершенный, такой-сякой, не понимает собственного счастья. Просто страна всегда жила по иным законам. Всегда существовала у нас некая соборность.

По-моему, самое главное, что характеризует сегодняшних реформаторов — это их полное равнодушие к культуре, науке, образованию. Что значит „пока не в состоянии этим заниматься“? Порвется связь времен — и все. И уже ее не восстановишь. Возникнет пропасть, которую не одолеть в один прыжок. А в два — окажешься на дне пропасти.

Людей сбивают с толку Сами развязали гражданскую войну, а твердят, что они ее предотвратили. Тычут в черное — и уверяют, что это белое. Увы, особенно старается тут наша интеллигенция. То есть определенная ее часть.

Чем же мы отличаемся друг от друга? Ведь мы вроде любили одно и то же, читали одни и те же книжки, в чемодане у нас содержался один джентльменский набор: Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Пастернак, Булгаков, Платонов…

Ну еще несколько фамилий. Такой багаж современного интеллигента. Но — разница: если я скажу, что при этом испытываю уважение к писателю Распутину… я буду чужаком…

Со многими мэтрами интеллигенции, которых я считал своими отцами, пришлось расстаться. Естественно, нельзя требовать, чтобы все думали, как я. Но есть вопросы поистине тестовые, определяющие. Например, об отношении к смерти людей в нашей стране. „Эти люди плохие, пусть умирают, мне их не жалко. А эти — хорошие, пусть живут“. Когда слышишь такое из уст „великих гуманистов“, испытываешь шок.

Интеллигента характеризует и отношение к человеческим страданиям. Много людей мучается у нас сегодня! И не только от материальной нищеты, но главным образом от униженности и оскорбленности. В том числе национальной. Речь не о татарах, евреях, грузинах, живущих в России, а о народе в целом на этой территории. О всех людях, которые исповедуют русский язык и русскую культуру Согласен с Львом Аннинским: если татарин или еврей живет как русский, он русский. Суть не в национальности, а в образе мыслей. Просто в России есть люди, которым дорого то, что уничтожается сегодня, которые из-за этого прямо кровью истекают, и есть такие, которым на это наплевать. Ладно, дескать, не это — так другое. Не отечественное кино — так американское. Все страны Европы оказали сопротивление американской духовной оккупации. Делают все, что могут. А нашу страну сдают без боя…

И традиционная система ценностей порушена полностью. Что считалось всю жизнь плохо — стало вдруг хорошо. И наоборот. Строго на сто восемьдесят градусов!

Особенно обидно, что нашей так называемой интеллектуальной элите оказалась совершенно безразлична

жизнь народа. Получили возможность свободно высказываться — и рады, не обращая внимания, каково стало большинству людей. Некоторые недавние „буревестники“ вроде Коротича вообще в зарубежные эмпиреи подались, олимпийски взирая оттуда на страдания тех, кого они бурно зазывали под свои знамена, а потом завели в беду и бросили. Нравственно это? Нет, уж вы хлебайте вместе с людьми даже тюремную похлебку, раз уж так получилось. Ахматова сказала: „Я всегда была с моим народом — там, где мой народ, к несчастью, был“. Вот она имела право судить. А эти… Что, между прочим, стало и нашим главным аргументом в споре с Любимовым: чтоб распоряжаться жизнью других людей, надо, как минимум, делить с ними похлебку».

Глава 3 «Чтобы помнили»

А если не мы, то кто?

Параллельно с драматическими событиями в стране и театре Лёня нелегко пробивает и начинает снимать свою авторскую программу «Чтобы помнили». Фильмы об артистах, которым совсем недавно рукоплескала страна, но которые уходили в мир иной в безвестности, одиночестве, многие в нищете, забытые той же рукоплескавшей страной.

На вопрос, для чего он делает эту передачу, Лёня отвечал: «Жизнь ухудшается, исчезает память. Когда влезаешь в это дело, понимаешь, что независимо от того, сколько людей смотрит твою передачу ее имеет смысл делать хотя бы потому, что остались родственники и друзья умерших актеров. Они благодарны, что государство наконец-то вспомнило о тех, кто, как правило, пожил немного и трагически завершил свой земной путь.

Родственники даже не могут допустить мысли, что государству глубоко наплевать на память об артисте, публичном человеке. Так было и есть.

Передачу делают пятеро „сумасшедших“, мы рассказываем не о великих актерах, а о трагедии тех, кто знал вкус славы, кого (пусть недолго) любила страна.

Бывает трудно разыскать их родных. Так было, например, при подготовке выпусков о Валентине Зубкове, Леониде Харитонове, Станиславе Хитрове.

Профессионал, настоящий артист, Хитров, к примеру, умер в больничном коридоре — для него не нашлось даже палаты. Его могила на Ваганьковском кладбище срыта…

Нельзя допустить, чтобы память о таких людях была „срыта“…»

«Леонид Филатов взял на себя самую благородную по нынешнему времени миссию — возрождать память среди тотального беспамятства», — напишет журналист Виктор Кожемяко в статье, посвященной пятидесятилетнему юбилею Лёни.

Будучи уже в очень больном состоянии, находясь в Шумаковском центре, Лёня не прекращал участвовать в передачах, основную нагрузку переложив на плечи режиссеров Ирины Химушиной и Ольги Жуковой.

Мои уговоры прекратить работу в этой программе Лёней пресекались: «Нюся, а если не мы, то кто?»

— Лёнечка, я понимаю, это благородное дело, но я вижу, как

оно убивает тебя…

— Пока я жив, я это не брошу. Я должен!

За фильмы из цикла «Чтобы помнили» Лёне 16 мая 1996 года на конкурсе ТЭФИ-96 был присужден приз Академии российского телевидения, в мае 1996 года он получил Государственную премию, в январе 1997 года — премию «Триумф», а 25 мая 1997 года — вторую премию «ТЭФИ».

За один год — четыре награды.

Такое обилие наград за один год не могло не навести на мысль: поспешили воздать должное, испугавшись, что не успеют при жизни. Действительно, мало кто верил, что Лёня выживет.

Глава 4 Начало болезни

В нашей жизни появились больницы

В конце 1993 года театр «Содружество актеров Таганки» начинает репетировать, а в 1994 году выпускает премьеру спектакля «Чайка», где мы с Лёней играли, я — Аркадину, он — Тригорина. На одном из спектаклей я слышу: «А что с Филатовым? Он что — выпил?» И это про Лёню, который за всю свою жизнь в театре ни разу не позволил себе прийти на спектакль не в форме! Но в одной сцене я тоже замечаю: на лице — беспомощная улыбка, говорит тихо и, что ему совершенно не свойственно, медленно проговаривая текст. И уже на поклонах он как-то неестественно медленно разворачивался, чтобы выйти к авансцене.

Позже врачи разъяснили, что это было последствием микроинсульта.

На одной из репетиций, еще до премьеры, Сергей Соловьев, режиссер спектакля, делает Лёне замечание: «Лёня, Тригорин, конечно, не молодой, но и не старик».

А Лёня, сидящий в лодке, старался в это время рукой поднять свою ногу.

— Да я, действительно, не чувствую ноги, она у меня онемела.

И никто из окружающих не понял, что это был уже серьезный звонок, который должен был всех, и меня в том числе, насторожить.

А Лёня молчал. Да, давление было, но мы как-то с ним справлялись. Гораздо позднее я узнала от него, что он, оказывается, раньше мог немало выпить в нашем кафе «Гробиках». Иногда мы с ним приходили туда посидеть с друзьями. При входе нас неизменно встречал хозяин кафе, который мне радостно выдавал:

— Вчера твой с другом выпили бутылку коньяка…

— Нюська, не верь, он шутит, — говорил, смеясь, Лёня.

И я, конечно, верила ему, понимая, что со мной пошутили. А оказалось, что это было правдой. Лёня не любил меня расстраивать и поэтому подобные посиделки позволял себе крайне редко. «А выпить одну, две рюмки — это святое», — говорил он.

1995 год

С каждым днем Лёне становится все хуже. В нашей жизни появились больницы и бесконечная борьба с гипертонией. И ни одна больница, а их было множество, и среди них был и Чазовский центр, и ЦКБ, не могла найти, да и не искала, причины иногда запредельного давления — 280 на 180. Когда это случалось дома (обычно ночью), Лёня сползал с кровати на пол, где он чувствовал себя, очевидно, легче, я прижимала его к себе, и мы молились: «Отче наш…» И верили! И часто Вера помогала. Позднее, когда я спросила у одного очень уважаемого врача, почему ни одна больница Лёне не сделала процедуру с контрастным веществом, которая помогла бы выяснить причину такого чудовищного давления, он озадачился: «Не знаю. Для меня это тоже загадка». Все врачи упорно лечили следствие. После проверки почек, а именно они вызывали «злокачественное давление», я слышала их заключение: «Почки слегка сморщены, но это не страшно, это — возрастное».

В сорок лет с небольшим — возрастное?

«Красавец мужчина, увенчанный после „Экипажа“ лаврами секс-символа страны, оказывается в беспомощном состоянии в реанимации».

Вспоминая те страшные времена с бесконечной вереницей больниц, мне трудно понять, как же все это Лёня выдерживал, каким гигантским терпением нужно было обладать…

В больницах он отказывался от еды. Первым вопросом, как только он там появлялся, был вопрос: «У вас тут есть морг? Где он?» Вопрос смешил врачей, говорили, что есть, находился по этому случаю анекдот, а я знала, что все дни пребывания Лени в больнице буду возить ему сумки с обедами и ужинами, — больничную еду он есть не мог.

Вечером и утром мы с моей подругой Мирой быстро готовили еду, чтобы успеть привезти ее к обеденному времени. Приехав, я оставляла подругу в машине, а сама по невероятно длинным больничным коридорам еле доползала до палаты. Встреча, как будто год не виделись, кормежка и моя просьба поспать минут тридцать-сорок.

Какой сладкий сон! Кровать узкая, мы с Лёнечкой укладывались «тарелочками» как будто мы у себя дома, и я, едва коснувшись подушки, мгновенно засыпала, оставляя подушке усталость. Прощались трудно. Лёнечка превращался в абсолютного ребенка, который не плакал, но в глазах было столько тоски! Мне стоило невероятных усилий, чтоб не зареветь. «Лёнечка, родненький, завтра я опять приеду осталось совсем

немного», — целовала я его на прощание, и уже в коридоре, звякая пустой посудой, давала волю слезам. На улице брала себя в руки: мне предстояло пройти мимо его окон, а я знала, что Лёня будет смотреть. Поднимала глаза и видела, как он прижимается к стеклу и у него дрожит подбородок. В это время я чувствовала себя матерью, которая в беде бросает своего ребенка, — нечеловеческое испытание.

— Нюсенька, забери меня отсюда, — заявил он мне однажды, когда я в очередной раз приехала к нему с Катей. — Если вы меня не заберете, я сбегу отсюда в тапках и халате.

На улице холодная зима. В общем, я понимала бесполезность его пребывания в больнице, тем более знала, что он поступит так, как обещал, поэтому раньше окончания срока я забирала его домой.

Лёнечка — дома! В квартире становилось теплее, но ненадолго: лекарства плохо справлялись с давлением, которое я измеряла ему каждые два часа. И ночью, чтобы не проспать, ставила будильник на два, четыре, шесть, восемь часов, чтобы измерить его спящему Лёне. И не дай бог проспать!

Иногда приходилось все-таки вызывать «скорую».

Однажды после каких-то уколов, которые вколол врач приехавшей «скорой», я чуть было не потеряла его. Спасла Лёню быстро приехавшая вторая бригада врачей. Увидев, что было ему вколото, они пришли в ужас. Мурашки пробежали по телу, когда я услышала: «Если бы вы нас не вызвали…»

Анализы показывали, что креатинин растет, гипертония на лекарства почти не реагирует, а врачи продолжали искать комбинации лекарств. Лёня сильно похудел. Смотреть на его истощенное тело было больно до слез. Я сама готова была умереть, видя в глазах его каждодневное нечеловеческое страдание.

Что делать? К кому обращаться? По рекомендации одной нашей знакомой приглашаю экстрасенса. Он появляется у нас со своей помощницей. Оглядев худое Лёнино тело, пообещал, что через две недели он будет иметь 54-й размер и будет здоров. Он положил Лёню на пол, вокруг поставил свечи, стал что-то бормотать.

После этого попросил его капнуть расплавленным воском на чистый лист бумаги, который при сложении явил человеческую голову в чалме. Далее последовала расшифровка: «На вас напущена порча. Человек, сделавший это, находится в Израиле и зовут его Николай». Такая вот глупость была пущена нам в уши. Потом девица, сидя на Лёне верхом, стала делать ему массаж (чего делать было нельзя, как позднее нам сказали врачи),

сменившийся какими-то пассами этого экстрасенса.

И когда размер Лёни действительно стал достигать 54-го размера, мы с Клавдией Николаевной, уже не на шутку перепуганные, вызвали врача. Заключение было убийственным: страшный отек. Я уж не говорю о том, что этот мошенник, чуть не убивший Лёню, взял у нас немалые деньги, якобы для приобретения какого-то редкого лекарства за границей. И — исчез. И — слава богу! Да, было и такое. Я бросалась ко всем, кто, как я надеялась, мог помочь моему любимому.

Лёня впадает в депрессию. Неуправляемое давление отнимает последние силы. Шаги из комнаты на кухню даются ему с большим трудом. Печальные глаза ищут в моих глазах ответа на его негласный вопрос. Вопрос я знаю: «Нюсенька, мне скоро — конец?»

Я улыбаюсь, потому что, несмотря ни на что, знаю: все будет нормально, все будет хорошо, и со спокойной твердостью говорю: «Лёнечка, даже не думай о плохом! Верь мне, этот тяжелый период пройдет. Не знаю, как долго он будет длиться — месяц, два, полгода, но все образуется… Видишь, я абсолютно спокойна, потому что знаю — все будет хорошо, мы все с тобой выдержим! Выдюжим! Жалко, не могу с тобой поспорить», — почти игриво заканчиваю последнюю фразу.

Любимый сидит за столом. Я обнимаю его, целую и чувствую, как вливается в него моя уверенность, моя Вера, мое Знание.

В 1995 году мы с Лёней обвенчались. Венчал наш сын Денис «по полному чину». Лёня сидел, я стояла. Золотое облачение отца Дионисия подчеркивало торжество момента. Я и Лёня. Мы были причащены Вечностью, и теперь мы знали, что будем вместе навечно…

На следующий день я привезла ему из магазина четыре новых костюма.

— Зачем, Нюська? — в глазах — вселенская тоска.

— Что зачем? Тебе они не нравятся? Смотри, какие они замечательные и тебе очень пойдут!.. Лёнька, кончай! Не психуй! Через полгода, ну, через год ты будешь летать, как о́рля, — помнишь обещание старца в храме? Я тебе тоже это обещаю; будешь хорошо себя чувствовать, а костюмы у тебя все старые. Давай хоть один — светлый — примерим, а?

Уговаривала долго и, по-моему, уговорила.

— Нюська, ты сумасшедшая…

— Да. А ты — дурачок. Ты мне все не веришь, а я — Рыба, и я — ясновидка и все знаю наперед, понял? Ну, ладно, давай я тебе помогу встать, пошли на кухню, — пора обедать.

В 1996 году 24 декабря на сцене театра «Содружество актеров Таганки» был отпразднован Лёнин юбилей — 50 лет. Кажется, на юбилее присутствовала вся Москва. Любовь к Лёне собрала всех: и левых, и правых, коммунистов и демократов. Отсутствовал только Н. Губенко, который в этот день, как говорили, улетел с Жанной[75] в Швейцарию на лечение. Мы с Лёней сидели в зале — около четырех часов. Конечно, ему было тяжело, но он был счастлив: на сцену выходили его любимые люди — Качан, Галкин, Этуш, Вознесенский, Евтушенко, Жванецкий, Карцев, Рязанов, Быков, Юрский, Гвердцители, Табаков, Кучкина и многие, многие другие. Замечательный вечер, устроительство которого легло на плечи двух людей — Лены Габец и Кати Дураевой.[76]

В вестибюле перед началом ходили актрисы с лукошками, полными красной клубники. Это зимой-то! Где-то стоял бочонок с солеными огурцами. Мы ничего этого не видели, быстро поднялись на второй этаж в мою гримерную, чтобы Лёня мог перед началом отдохнуть, посидеть; стоять было уже трудно. К сожалению, за суетой о виновнике празднества администрация забыла, и мы долго ждали, пока наконец найдут ключ и откроют гримерную, но эта обидная ерунда быстро забылась, потому что в зале мы были окружены Любовью.

Лёня смотрел на сцену, часто — я видела — «уходя в себя». Через короткое время его ожидала операция. С этим грузом он глядел на своих любимых на сцене.

После праздника мы еще часа три общались с нашими друзьями уже у нас дома, где обычно происходило чудо; Лёня преображался, усталость улетучивалась, на щеках появлялся румянец, откуда-то появлялись силы.

Когда к концу 1995 года Лёня почувствовал себя совсем плохо, в нашей жизни появляется Лёня Ярмольник, который устраивает нас в санаторий «Сосны».

Лёня ходит еле передвигая ноги, ночью он уже только с моей помощью может повернуться на другой бок. С ужасом видя, как его оставляют последние силы, я уговариваю его сделать анализы, и он — слава тебе, Господи! — соглашается.

Если бы мы этого не сделали…

Дня через три после этого главный врач вызывает Ярмольника к себе в кабинет и сообщает, что Лёне осталось жить чуть ли не несколько дней и что его нужно срочно забирать из санатория.

Какое счастье, что я тогда не знала о разговоре, который произошел в кабинете главного врача! На следующий день мы с

Ярмольником почти повисшего на наших руках Лёню сажаем в машину и едем в НИИ трансплантологии и искусственных органов, к директору — академику Валерию Ивановичу Шумакову, который принял нас и благодаря которому позднее Лёне были сделаны две сложнейшие операции хирургом Яном Геннадиевичем Мойсюком.

И именно здесь, в Шумаковском центре, был поставлен точный диагноз: почечная недостаточность и как следствие — токсикоз всего организма.

Лёня был напуган до смерти, надежды на выздоровление почти не было. Спасти почки не удалось, и 5 февраля 1997 года ему сделали операцию по их удалению. Лёня долгое время жил без почек, через день ложась на диализ, фактически прикованный к аппарату искусственной почки. Пока он лежал на диализе, я за ним записывала придуманные им строчки, которые он запоминал и потом мне надиктовывал. Так он мне надиктовал почти всю пьесу «Любовь к трем апельсинам».

В Шумаковском центре мы с Лёней прожили больше двух лет, и всегда с нами рядом был Лёня Ярмольник, окружая своей заботой и всяческим участием. С ним было не страшно — он был тылом, который давал ощущение покоя и стабильности, и каждый его приход в больницу после операции или позднее к нам домой с его шутками, анекдотами, здоровой энергетикой был всегда праздником. И благодаря его усилиям и усилиям замечательного хирурга Яна Геннадиевича Мойсюка Лёне была продлена жизнь на 6 лет.

Перед операцией по пересадке донорской почки состояние Лёниного здоровья стало заметно ухудшаться, и я запаниковала, подозревая, что врачи не захотят ее делать, опасаясь за Лёнину жизнь. Но именно успешный исход этой операции, я понимала, возвратит Лёне Жизнь.

Почти каждый день я бегала в кабинет к врачам, убеждая, что «операцию надо делать немедленно! сейчас же! потом будет поздно!» Врачи не хотели меня слушать, говоря одно и то же, что в таком состоянии, в котором пребывал Лёня, операцию делать нельзя, он ее не выдержит. Я продолжала настаивать, подкрепленная каким-то глубинным чувством, что все хорошо закончится… Ничего не помогало, как я их не умоляла, и согласие на операцию врачи дали только тогда, когда я в письменной форме всю ответственность за ее исход взяла на себя.

В период ожидания донорской почки нас выписали из больницы, и на диализ мы уже ездили из дома.

10 октября 1997 года

Из Шумаковского центра раздается звонок.

— Срочно собирайтесь на операцию. Через час чтоб были в больнице.

И хотя звонок застал нас врасплох, мы быстро собрались и через час с небольшим уже приехали в Шумаковский центр. Сколько было волнений — не передать. В ванной я быстро вымыла Лёню, и его, накрытого простыней, повезли в операционную. Я же, как угорелая, выскочила из больницы, чтобы за время операции объехать семь храмов и поставить там свечки за Лёнино здоровье.

Потом, прибежав домой и вызвав к себе подругу — одной было страшно, я вместе с ней стала ждать звонка из больницы. Проходили часы, а его не было. Трудно передать, что со мной творилось в ожидании этого звонка. Нервы были на пределе, меня всю колотило, виски, казалось, разбухли от сердечных ударов. Ну, когда же? Когда же?!

И вдруг — он, звонок.

— Не волнуйся! Операцию сделали! Все нормально. Писáть стал сразу на операционном столе. Так что все в порядке. Не вздумай приехать, тебя к нему все равно не пустят…

— Тебя же пустили?..

— Ну, меня…

Волшебный звонок, волшебный голос. Звонил Ярмольник, я слышала, как он был тоже счастлив.

Спасибо тебе, Господи! Ты услышал меня! Я вновь живу!

В этот вечер в двух местах города Москвы круто пили за Лёнино здоровье, за прекрасно сделанную операцию, пили много, запивая счастливыми слезами.

Уже на второй день Лёня начал ходить. Очень скоро вернулась внятная речь.

Глава 5 Встречи с М.С. Горбачевым

Сергей[77] стоял на лестничной площадке в ожидании лифта. Лифт подъехал, раскрылись двери, выпустив человека, при виде которого он, как потом сам признался, от неожиданности чуть не потерял сознание. Этим человеком был Михаил Сергеевич Горбачев. Следом за ним вышла, как всегда, элегантная и красивая Раиса Максимовна.

Мы с Лёней только что получили новую двухкомнатную квартиру в сталинском доме, оставив государству малогабаритную однокомнатную квартиру в блочном доме. И сегодня мы ждем гостей, чтобы обмыть это счастливое приобретение. Квартира абсолютно пустая, выцветшие обои кое-где свернулись в унылые рулоны, на кухне, по всему периметру отделанной синей плиткой, в одиночестве стояла ста-рая-престарая мойка. Она была настолько старой, что из-под нее, когда в дни ремонта ее наконец-то отодрали от пола, высыпало такое количество тараканов, что весь пол покрылся ими в одну секунду. Они развили такую скорость, что, убегая с диким визгом от этого хичкоковского ужаса, мне невольно приходилось давить их, вспоминая при этом хруст жука под каблуком из Лёниного стихотворения «Очень больно», — кошмар! И Хичкок, и Кафка — одновременно. Но это будет потом, а сегодня…

А сейчас Сергей поставит на место отвисшую челюсть и, поняв, что увиденное — не обман зрения, побежит оповещать соседей о том, что у Филатовых — важные гости.

С Михаилом Сергеевичем Лёня познакомился в Китае, куда он в 1990 году полетел в составе творческой делегации.

Позже, уже в Москве, состоялась их встреча на презентации Лёниной книги «Сукины дети» в Театре Эстрады. Раиса Максимовна в эти дни была больна, и Михаил Сергеевич пришел на вечер один. Встреча состоялась и закончилась обоюдной симпатией, после чего было естественным пригласить его с Раисой Максимовной на наш сегодняшний праздник.

Этот день был для Михаила Сергеевича тяжелым: вызванный в суд в качестве свидетеля по делу Варенникова, он в течение нескольких часов простоял на ногах, давая показания. Измученные и голодные, они с Раисой Максимовной приехали к нам сразу после суда, чуть раньше назначенного времени. Их встречали Клавдия Николаевна с мужем. Еще не все гости прибыли, но на столе уже что-то было, и они смогли хоть немного перекусить.

Надо сказать, за день до этого события мы с Лёней еще не

знали, что наш товарищ Виктор Фролов, директор мебельного магазина, привезет столы и стулья, поэтому пиршество собирались устроить прямо на полу, предварительно, конечно, отдраив его, и Михаил Сергеевич, зная это, только спросил по телефону, не нужно ли им с Раисой Максимовной взять с собой плед, а услышав, что квартира абсолютно пустая, успокоил: «Ничего страшного, и вообще ничего не нужно придумывать… картошка с селедкой и 100 грамм водки — что может быть лучше?» Пожелание высказано, нужно было действовать. С картошкой проблем не было, а вот с селедкой… С высунутым языком Катерина[78] обежала, казалось, все возможные магазины и рестораны города Москвы. Где селедочка? Нет селедочки! Исчезла с прилавков селедочка! Надо было знать Катерину: как крот, она будет рыть, рыть, рыть и где-нибудь да нароет, хоть из-под земли, но достанет нужное. И достала-таки! В единственном ресторане «Националь». Уж какие она там пела песни — не знаю, но оттуда, счастливая, она вернулась к нам с победой, неся в клювике малюсенькую баночку с иваси. Счастливчик Михаил Сергеевич!

А гости уже все прибыли, кроме меня и Миры.[79] На старой квартире мы с ней торопились приготовить главное для вечера блюдо — манты, но — ужас! Вдруг в доме отключают воду и холодную, и горячую, — за суетой я просмотрела объявление. Мы с Мирой в панике: что делать? Мы и так уже хорошо опаздывали. Бежим к соседям, которые — слава богу! — нас выручают, дают воду из своих запасов, и мы, доварив манты, даже смогли хоть как-то привести себя в порядок. В общем, мы опоздали с ней почти на час, но, к счастью для нас, упреки гостей враз стихли при виде двух больших подносов с красивой горкой сочных мантов. Мира — удивительная рукодельница, и ее манты, к нашему удовольствию, в считанные минуты исчезли с подносов. Мы с ней уже сидели за столом, постепенно приходя в себя и вливаясь в общий разговор.

А за окном оранжево садилось солнце, весело и радостно заигрывая с ласковыми волнами Москвы-реки, ослепительно отражаясь в них бриллиантовой россыпью румяных искр — диво дивное!

И как славно чувствовать себя в окружении приятных тебе людей и радоваться их непосредственному общению. Мне невероятно хорошо… Не отвлекаясь от общего гургура, все же успеваю смоделировать будущую комнату, и я ее уже вижу: здесь, где я сижу, у окна, будет обязательно стоять письменный стол, справа от которого всю стену будет занимать книжный шкаф… Мысленно усаживаю моего любимого за стол, и он уже склонился

над чистым листом бумаги… ручка красиво выводит строчку: у Лёни изумительный каллиграфический почерк… Да, все так и будет… Возвращаю себя за праздничный стол…

Лёнечка, мой дорогой, ты чувствуешь себя неважно, я вижу, но держишься хорошо и что-то вполголоса говоришь Михаилу Сергеевичу О чем вы говорите?

Раиса Максимовна, разговаривая со мной и сидящими рядом, не оставляет без внимания своего мужа, бдительно следя за тем, что он ест и пьет. Они любили друг друга. Это был редкий красивый союз. Он — Рыба, она — Козерог. В нашем с Лёней случае было наоборот: Лёня — Козерог, я — Рыба. И мы тоже были счастливы.

Михаил Сергеевич просит слово. Уставшее лицо отражает груз пережитого. Но вот он начинает говорить, постепенно зажигаясь эмоционально, попутно отвечая на чей-то быстрый вопрос. Изредка поглядывает на жену, иногда шутливо спрашивая: «Вы согласны со мной, Раиса Максимовна?» — «Да, согласна», — кивает головой Раиса Максимовна, вся — сосредоточие и внимание в течение всей речи мужа.

А меня не оставляло странное чувство, которое требовало согреть их теплом, говорить много добрых слов в их адрес, до смешного похожее на материнское. Но был произнесен тост, за ним другой, за Лёню, за меня, за обеих мам, за детей, — да мало ли хороших тостов, которые с удовольствием выслушиваются, но с еще большим удовольствием перезваниваются наши полные бокалы.

— Нина, а слабо сейчас сыграть сцену у фонтана? Помнишь текст? Не забыла? Давай сыграем? — по-молодецки вскочил со стула Николай Лукьянович.[80] Я застигнута врасплох. Да нет же, конечно, нет! И текста я уже действительно не помню, и, вообще, эта затея кажется мне странноватой. Мой решительный отказ нисколько не смутил Николая Лукьяновича, и он лихо прочел-изобразил эту сцену один, явив собой театр одного актера. Сколько нерастраченных сил, нерастраченных эмоций! И это — в 70 лет, — браво! Нам весело. Вдохновение не покидает Николая Лукьяновича, и он продолжает читать еще и еще, вконец измучив наши бедные ладони.

А Лёня с Михаилом Сергеевичем весь вечер все о чем-то говорят, говорят… отвлекаясь только на тосты. Напротив них сидит Клавдия Николаевна, которая изредка что-то у них спрашивает или сообщает? — я не слышу.

В завершение вечера «Полароидом» был сделан общий снимок, на котором Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной оставили свои автографы. Окруженные нашей любовью, они

тепло со всеми попрощались и вместе с Катей, которая вызвалась их проводить, пошли к лифту.

А на улице их уже ждали собранные Сергеем люди, которые тоже желали сказать и говорили им слова любви.

— До свиданья, Михаил Сергеевич! Мы Вас очень любим! Дай бог Вам и Раисе Максимовне крепкого здоровья!

Передо мной фотографии того вечера. Кажется, что это было совсем недавно… Милые лица друзей, не подозревающих, что скоро навсегда уйдут от нас Раиса Максимовна и Лёня, прекрасные люди созвездия Козерога, оставив на земле Печаль и Память.

Глава 6 Последнее лето в Барвихе

Ай да я!

Начало 2001 года. Я начинаю лихорадочно думать о лете. Мы уже четыре года отдыхали в Барвихе, сердечно-сосудистом санатории, благодаря усилиям Лёни Ярмольника. Меня не оставляет ощущение неловкости, неудобства: сколько можно сидеть на шее у друзей? В один из дней я покупаю газету «Из рук в руки», листаю страницы, выбирая дачу, приемлемую по деньгам. И еще очень важно было, чтоб рядом были врачи и друзья, которые в случае чего смогли бы оказать Лёне помощь.

К этому времени у нас уже была дача под Вереей. «Уже была», потому что начинала я ее строить в 1992 году, а закончила в 2001-м. Девять лет нервотрепки. Но какое дивное, сказочное место! Перед домом — огромное поле, красиво обрамленное лесом, за домом крутой овраг, вдоль которого протекала река, всегда искрящаяся на солнце, просвечиваясь сквозь сосны, растущие на склоне этого оврага. Ранней осенью появлялись журавли, которые через некоторое время, курлыча, улетали на юг, оставляя после себя ностальгическую грусть. И — тишина! Невероятная тишина до звона в ушах. И — фантастический воздух! У подножия оврага — источник с чистейшей хрустальной водой. И вот в 2001 году наконец-то выстраданный и выстроенный дом я вынуждена была продать, понимая, что никогда сюда не привезу Лёню из-за отсутствия поблизости врачей и тяжелой двухчасовой дороги. А как расстроились наши маленькие внучки, узнав, что я продала дачу: они успели пожить там два лета и насладиться дачной жизнью.

За деньги от продажи через фирму «Миэль» я покупаю дом на Николиной Горе. Деньги небольшие, потому что дом находится в садовом товариществе, где в то время не было ни газа, ни круглогодичной воды, с туалетом на улице. Дом на шести сотках, похожий на двухэтажный сарай, — «бомжатник», как его окрестили наши друзья.

В мае 2002 года мы с Лёней опять едем в Барвиху, на этот раз благодаря нашему замечательному другу, талантливому человеку Виктору Матвийко. Отвозят нас, как обычно, Горбуновы, Володя и Таня. Садимся в машину. Таня — с огромной кастрюлей, наполненной горячей отварной картошечкой, с маслицем, укропчиком и чесночком. А запах! — «ой, скорей, Володя, заводи машину, скорей в дорогу!» В ногах у всех многочисленные пакеты, бутылочки и банки со всякой всячиной, и среди них

драгоценные банки с маринованной черемшой, и чесноком, и капустой по-гурийски — Лёнины радости. И как все это славно позвякивает — звяк-звяк…

Свежее раннее утро, мы едем в предчувствии праздника. Наконец въезжаем на территорию санатория, такого уже родного. Все здесь привычно: вот и Владимир Ильич Ленин нас встречает, сидя на пеньке, по-прежнему плещется в фонтане семья журавлей… главная лестница, двери… А вот и знакомые сестры, — здороваемся. Лица приветливые, доброжелательные, — родные. Здесь любят Лёню. У меня в руках кискин домик с Анфиской. Анфиса Леонидовна не выносит прогулок в машине, поэтому в дороге вела себя крайне некрасиво, теперь успокоилась. А где Володя? Бедный Володя идет далеко сзади, сгибаясь под тяжестью наших чемоданов, набитых наполовину ненужными вещами. Но вот и наша с Лёней комната на первом этаже. Открываем дверь — счастье! Мы — дома! Солнце, стесняясь, протискивается в огромную комнату, а мы с Татьяной спешим накрывать стол. 15 минут — и все уже за столом. Нирвана! Лёня пьет минералку, Володя — пиво, ну а мы с Таней балуем себя шампанским. Ну и что, что чеснок и черемша и помидоры с квашеной капустой — шампанское нас простило и даже подвигнуло на воспоминание о Швейцарии.

Разговоров и воспоминаний хватило до позднего вечера, мы не могли наговориться. Только Анфискино «мяу» вернуло нас в реальную жизнь. За окном — темно, и мы прощаемся с друзьями, благодарные друг другу за приятно проведенный день.

Со следующего дня Лёня будет оставаться на попечении врачей, я же — уезжать на Николину Гору, превращая двухэтажный сарай в более или менее пристойное жилище, достраивая террасу, меняя крышу, окна, двери, — в общем, работ по благоустройству было много. К концу лета, одетый в сайдинг, домик «заиграл». Зимой я завезла мебель с проданной дачи. Оставалось сказать: «Ай да я!»

Глава 7 Последнее счастливое лето и осень в жизни Лёни

«Спасибо всем, кто нашел возможность навестить нас»

И вот лето 2003 года, последнее лето в жизни Лёни. Мы — я, Лёня, Клавдия Николаевна с мужем, Константином Дмитриевичем, едем на собственную дачу, первую за всю нашу жизнь. Я волнуюсь, как школьник перед экзаменом: а вдруг не понравится? Нет, быть такого не может, я так старалась! Вокруг дома газон и розы, любимые цветы Лёни. На пандусе среди газона — диван-качалка, на котором можно укрыться от дождя и отдохнуть, слушая журчание искусственного ручейка, стекающего в такой же искусственный прудик, и стрекотание цикад. Разве может это не понравиться? Не может!

Въезжаем на Николину Гору. Перед глазами справа — замки, замечательные, красивые сооружения среди вековых сосен, — глаз не оторвать, но наш домик в садовом товариществе, где стоят старые развалюхи, так, по-видимому, думают мои родные пассажиры. Просторы меняются заборными коридорами, а за заборами от глаз людских прячется красота. Слева и справа бесконечные заборы, заборы, — скучно! Но вот наконец они остались позади. Едем немного дальше, поворот налево и въезд на нашу дорогу. У меня сердце бухает так громко, что, кажется, всем слышно. Смотрю на своих пассажиров. Они видят по обеим сторонам дороги домики, которые, понимаю, их не очень вдохновляют. Читаю на лицах вопросы: «Неужели и наш такой? Какой из них — наш?» За 20–30 метров от дома я показываю наш забор, на фоне которого виднелся дом соседский, на вид не очень привлекательный. То есть они решают, что это и есть наша дача. Чуть заметное разочарование. Останавливаемся напротив калитки. Все выходят из машины. Воздуху — первые комплименты. С замиранием сердца поворачиваю ключ в замке, калитка открывается, и то, что я вижу в глазах моих родных — лучшего подарка в жизни я не желала бы. Солнце на небе, солнце на лицах, восхищение. Головы крутятся во все стороны.

Лёня сразу замечает плетистую розу улыбается. На газоне — куст садовой голубики, гортензии, флоксы, дельфиниумы… Напротив двери в дом еще один уютный уголок со столиком и стульями, окруженный тремя молодыми нежными березками с низкими густыми ветками, как ширмой отделяющими сад от

небольшого огородика. За домом еще один уличный диван. Во второй половине дня, спасаясь от горячего солнца, там в тени также можно замечательно отдохнуть. «Нюська, Нюсенька…» — как бы не веря своим глазам, что все это для него, для всех нас, с восторгом и гордостью повторяет Лёня. Открываю входную дверь, пропускаю всех вперед. Несколько ступенек поднимают их на пятигранную террасу с длинным столом. Естественно, я постаралась все красиво обставить: зеркало, много цветов, на застекленной террасе бледно-салатовые жалюзи, через которые щедро врывается солнце, оставляя на противоположной стене радостные блики. Здесь хочется жить! Какие милые у всех лица! Осматривается первый этаж маленькая кухня, две небольшие комнаты, одна — для нас с Лёней, вторая — для Клавдии Николаевны и Константина Дмитриевича. Второй этаж. Здесь уже комната большая, гостевая.

Второй этаж, как и первый, имеет туалет с душем. Когда вся команда обошла весь дом, я получила массу поцелуев и невероятных слов восхищения. Господи, я была на десятом небе. Под финал я показала фотографии старого дома с захламленной территорией, — еще один комплиментарный взрыв. Я праздновала победу: премьера удалась! Все были счастливы. А раз так, быстро накрывается стол. Помогают приехавшие по этому случаю Горбуновы — Таня с Володей. На улице жарятся шашлыки и готовится плов, на столе известный набор разнообразных напитков, — Лёня чхал на них, придвинув к себе поближе минералку и пачку сигарет «Вог», жадно поглядывая на маринованные чеснок и черемшу. Как же нам было хорошо в тот день и вечер! Обмыли дачу со вкусом! Лёня, Клавдия Николаевна, Константин Дмитриевич были довольны, а мне было особенно хорошо оттого, что хорошо было моим близким и дорогим людям.

Через некоторое время познакомиться с Лёней и его мамой пришли наши соседи — Кошелевы Володя и Галочка, которые в течение всего лета потчевали нас грибами. Милые люди, Лёня полюбил их и с удовольствием с ними общался. Я же благодарна им и тогда, и сейчас, за бескорыстную помощь и дружбу.

Не забывали и друзья, каждый из которых хоть раз, но побывал у нас на даче. Первым гостем, понятно, был Лёня Ярмольник. Приехав к нам на дачу, оглядев территорию и дом, быстро обежав два этажа, сделал краткое заключение: «Ни х… себе!» А мой Лёня, уже привыкший к чувству хозяина, тихо гордился, улыбался: «Это все Нюсенька моя, представляешь?»

Как он любил своих друзей и как ждал их! Дважды или трижды приезжал Володя Качан, который каждый раз привозил и читал большие куски из своего нового романа «Юность бабы Яги».

Очередная порция приносилась Лёне на суд. Выслушав, Лёня говорил слова одобрения и только изредка делал кое-какие замечания. Потом сам читал ему свои наброски к новой пьесе. Им было интересно общаться друг с другом, говорили про все и вся, серьезный разговор разбавлялся «свежими» анекдотами, привезенными Володей.

Радовались встрече с Лениными старыми друзьями — Владимиром Юрьевичем и его женой Татьяной. Владимир Юрьевич — зам. главного директора госфильмофонда России. Лёня обожал эту семью и общение с ними превращалось в счастливые семейные посиделки.

Приезжал Олег Митяев,[81] бесконечно милый своей душевной открытостью. Приезжал с беспокоящими его вопросами, надеясь получить на них ответы, и Лёня, по-моему, оправдывал его ожидания. Олег, обращаясь, смешно называл его «дядей Лёней».

Посетили нас и Фроловы Виктор с Нелей, наши давнишние друзья. Одно время, до болезни, они, Лёня и Виктор, тесно общались друг с другом. Находясь за границей, я всегда знала, где найти Лёню, если не дома. Я звонила в кафе «Гробики». Через минуту я слышала родной голос: «Нюсенька, ну как ты там? А я вот здесь с Витюшкой, — нам очень хорошо. Не волнуйся: скоро я буду дома. Без тебя тоскливо. Скорей приезжай, родненький».

Спасибо всем, кто нашел возможность навестить нас. Спасибо Китовым, Володе с Олей,[82] которым Лёня много читал и прочел свое последнее стихотворение «Старик». Ребята сфотографировали нашу дачу и нас — меня, Лёню и маму в октябре 2003 года — последний в жизни Лёни месяц.

Приезжали Ольга Кучкина[83] с внучкой Дашей, Горбачева Лера[84] с дочерью Ксенией — всем спасибо. По моей просьбе навестили Лёню Николай Губенко с Жанной.

Два раза за лето у нас гостили всей семьей наши дети. Маленькие горохом рассыпались по газону, а я козой носилась следом за ними, следя чтоб — не дай бог! — они не потоптали мои цветы, выращенные с такой любовью, которые так нарядно вылезали из нежной травки.

Жаль, что не смогли приехать Боровские, Давид с Мариной и Саша Адабашьян. Мог бы навестить Лёню и Никита Михалков, которого, как мне кажется, он ждал, тем более что дача его находится совсем близко от нашей. Я передавала приглашение через Виталия Максимова, но — увы…

По-моему, трижды за лето приезжала группа программы «Чтобы помнили». Лёня демонстрировал хорошую форму, хотя любая работа, будь то съемки для этой программы или концерты

«На троих» с Мишей Задорновым[85] и Володей Качаном, отнимала у него силы. Но как только она сбрасывалась с плеч, уже ничем не обремененный, он опять оживал, становился веселым, фонтанирующим юмором на радость всем окружающим. Кроме последней съемки, которую он еле-еле осилил из-за давления. Осталось за кадром озвучить текст. «В следующий раз», — попросил он, и никто тогда не догадывался, что следующего раза не будет. В этот раз оператор, вопреки обычному Лёниному запрету, камеру не выключил и осталась кассета, где Лёня читает стихотворение «Деда, погоди», посвященное (своей) его любимой внучке — Олечке.

Все лето Лёнечка пребывал в прекрасном настроении. Мы много шутили, ребячились, веселя друг друга, и нам вчетвером было очень хорошо. Лёня был счастлив, гордился, что у него появился свой дом, и не скрывал своей радости, огорчало только одно — редкое посещение друзей. Мы с мамой не могли нарадоваться, глядя, как улучшается Лёнино здоровье, и сам он любил похвастаться, демонстрируя быстрые шаги от дома до калитки и обратно, на ходу изображая что-нибудь смешное. Он смешил себя, нас, и все мы были довольны друг другом.

Каждое утро вставали с солнцем и птицами. Как непривычно и как радостно! Первой продираю глаза я, целую Лёню в теплый животик со словами-побудками. Он улыбается и, как ребенок, еще не открывая глаз, потягивается. А через паузу переворачивается на другой бок — вроде бы доспать. Не тут-то было! Солнце и птичья возня за окном делают свое дело, и мы готовы встретить наш новый день. Немного раньше встали Клавдия Николаевна и Константин Дмитриевич. Все вместе высыпаем на кухню, друг другу дарим улыбки и «доброе утро». С вечера приготовленный мной завтрак разогреваю и приглашаю всех за стол. После завтрака — обязательный замер давления Лёне, — все нормально, и я бегу в сад, мой любимый сад! Задыхаюсь от счастья. Я знаю это чувство, когда поднимает тебя душа, и ты тихо летишь по извилистой дорожке, крутя налево-направо головой, любуясь своим творением, наслаждаясь сиюминутными, головокружительными ощущениями, наслаждаясь жизнью! «Нюсенька, а вот и я».

Лёня стоит на крыльце, жмурится, и так очевидно, что с ним происходит такое же чудо! В глазах — озорное ребячество, которое обещает непременно выдать неожиданное коленце, что-нибудь уморительно смешное. И конечно же — да! И я смеюсь, что и требовалось доказать. Радостное настроение несем в дом Клавдюнечке и ее мужу. Мне нравится Клавдию Николаевну называть Клавдюнечкой, потому что отношусь к ней с большой

нежностью и любовью. И очень рада, что скоро, дай бог, смогу помогать ей и нашим детям. Досыта наболтавшись, разбегаемся по разным делам, углам.

Еще в Москве Лёня начал писать пьесу о человеке, который смог обмануть смерть. Действие должно было происходить в комнате больного, то есть комната была единственным местом действия, и мне казалось это малоинтересным для театральной постановки. Может быть, я была неправа, но, не получив поддержки, Лёня работал неохотно, хотя мне это могло только казаться. В то же время мне очень хотелось, чтоб это лето он наконец-то по-настоящему отдохнул, уговаривая работу над пьесой приостановить на время отдыха. Но он продолжал работать — я это видела. Ходил ли, общался или уединялся, чувствовалась работа, сочинялась пьеса. Лёня вообще обладал удивительной способностью, разговаривая с тобой, параллельно что-то прокручивать в голове, и вроде бы он слушал, отвечал, но по его глазам я видела — работает. Когда Лёня надолго уходил в работу, ему казалось, что он отрывается от жизни, тогда он спохватывался, и я слышала крик: «Нюська! Я люблю тебя, а ты…» На что я неизменно отвечала — кричала: «Я тоже!» Тогда он успокаивался, и творческая жизнь продолжалась.

Клавдия Николаевна с Константином Дмитриевичем подолгу сидели в саду на диване-качалке. Мы с Лёней умилялись, сидя на террасе и видя две седые головки, до половины скрытые диванными подушками. Головки покачивались, и шел какой-то неслышный разговор.

Покурив и поговорив о всяком разном, спешим включить телевизор, находя любимые программы. Не дай бог нарваться на излюбленную народом эстраду. С упорством мазохиста он не переключал на другие программы, о чем я его всегда просила, видя, как портится у него настроение. Его убивала не только глупость и пошлость, исходившая со сцены, его убивала реакция зрителей. На экране пожилой дядька из новых произносит незамысловатые, ну уж совсем не смешные репризы, которые у нормального человека кроме тоски и стыда и вызвать ничего не могут, а зал — ржет. Каждая новая «шутка» вызывала у него приступ негодования. «Бесстыдники! Что они делают с народом…» — еле выговаривал Лёня, выкуривая одну сигарету за другой.

Не пропускались социально-политические программы. Очень любил передачи с Сорокиной, Парфеновым. Любил канал REN TV, которому доверял. И конечно, «Новости» по всем каналам. Говорили много о политике, политиках. Однажды сказал одному из гостей: «Когда-нибудь М. С. Горбачеву поставят золотой

памятник».

А как он преображался, когда видел передачи из мира животных. Он буквально растапливался, наблюдая забавных, милых, очаровательных братьев наших меньших. Зная его безумную любовь к ним, я в свое время — пятнадцать лет назад — «родила» ему кисоньку Анфису, восхитительную белоснежную персиянку. Потом он часто вспоминал ее маленьким комочком, которая влезала на него спящего, доползала до макушки и, отдав последние свои крохотные силы, трогательно плюхнувшись, опускала хвостик и лапку ему на нос. До появления Анфисы я видела, как он целовал фотографию точно такой же киски, висящей у нас над кроватью, и в эти поцелуи вкладывалось столько нежности! Понятны были мои дальнейшие действия: птичий рынок, на ладони ложится трехнедельный белый комок… дом… квартира… звонок… Дверь открывается, и я протягиваю ладони с этим чудом. Лёня почти теряет сознание от сильного волнения и восторга. Удивительно, все годы кормила ее я, играла с ней я, но любила она, по-моему, больше Лёню — повод для решения главного житейского вопроса: за что любят?.. На этот вопрос Фисонька мне не ответила.

Многие программы были поводом для бесконечных разговоров, иногда споров, я не всегда разделяла его точку зрения по тому или иному вопросу, но в общем интересы наши совпадали.

Забыла сказать о КВН — это отдельная история. К нему Лёня готовился чуть ли не за неделю. «Нюська, в воскресенье КВН! — радостно сообщал он, — будут команды…» и назывались команды. Я обязательно должна была разделить с ним радость по этому поводу, иначе у него портилось настроение.

Иногда мне казалась наша жизнь нереальной: изо дня в день, с утра до вечера, глаза в глаза, и не уходило ощущение радости, новизны, тепла.

— Нюся! — кричит Лёня из комнаты.

— Слушаю Вас! — уже кричу я из кухни.

— Ты меня любишь?

— Да!

— А как?

— Вот так!

В мойку бросаются ножи, вилки, быстро моются руки, и я несусь в комнату, чтобы, обнявшись, продемонстрировать это «вот так».

— Нюсенька, ты меня любишь?

— Очень.

— А за что?

Долгий перечень — «за что». «Ты — мой воздух, без которого я не смогу жить. Ты — моя гордость…» Довольный, Лёня продолжает смотреть что-то по телевизору. Это его, наверное, забавляло. Но иногда за этими шутливыми вопросами я улавливала что-то, что заставляло меня отвечать серьезно. В запасе (у него) была и другая забава, в которую играли еще в Театре на Таганке он и Хмельницкий.

Я молчу, чтоб не доставить ему удовольствия следующей «удачной» рифмой, но он не унимается.

— Ну, Нюська! Я теперь серьезно, — отвечай! Что ты молчишь?

— А что ты хочешь мне сказать? — на всякий случай неоднозначно отвечаю я. Праздник сердца: конечно же, он и к этому ответу был готов. И, смеясь, громко праздновал свою победу. Жаль, не могу вспомнить…

На маленьком кухонном пятачке он иногда демонстрировал испанский танец, прилепляя к животу ладонь левой руки с растопыренными пальцами, поднятую правую руку отведя назад, смешно выпячивая левое бедро. Еще смешнее была демонстрация шпагата в воздухе. Клянусь: действительно отрывался от пола, правда, шпагат тянул на 45˚, а не на 180˚. Из-за отсутствия места разбегался, семеня на одном месте. Артист есть артист.

Вообще, Лёня каким-то удивительным образом совмещал в себе самые, казалось, несовместимые качества. Обладая острым интеллектом, с мудростью восточного старца, он, с другой стороны, мог превратиться в абсолютного ребенка, трогательного, озорного, всегда по-детски готового к смеху. Наслаждение было слушать его, что бы он ни рассказывал. Его прекрасная русская речь завораживала не только меня — всех наших друзей. Даже видя его нездоровье, люди не всегда понимали, что пора попрощаться. Тогда на помощь приходила я с просьбой пожалеть моего мужа. Я очень хорошо чувствовала Лёню и видела, интересен ему кто-то или нет. И если этот кто-то был ему неинтересен, он быстро уставал, а из-за природной деликатности никогда сам не сворачивал разговор. Только однажды, я помню, он выгнал вон молоденькую журналистку: она посмела нехорошо отозваться об одном очень известном режиссере, которого он любил и уважал. Девушка быстро стерлась с нашей квартиры.

Тем летом мне принесли книгу с просьбой обратить внимание на подчеркнутые строки. Я читаю: «…бесстрашный — всегда и во всем, ранимый, но сильный. Доверчивый, но не прощающий никакого обмана, никакого предательства. Воплощенная совесть. Неподкупная честь. Все остальное в нем, даже и очень значительное — уже вторично, зависимо от этого,

главного, привлекавшего к себе, как магнит. Что же касается его таланта — таланта ума и души… пристальный, ясный, прямо тебе в глаза проникающий взгляд… Подвижность спортивной фигуры, острый угол всегда чуть приподнятого плеча… серо-голубые глаза были с каким-то стальным оттенком, стремительный, легкий… бывало, усядется в кресло или на диван в своей любимой позе — поджав под себя ногу и подперев голову кулаком, прищурит серо-голубой пристальный глаз».

Если бы мне это прочитали, сказав, что это портрет Лёни, я бы сказала: «Да, это Лёня». Но это был портрет Михаила Афанасьевича Булгакова. Странно и то, что оба страдали одной болезнью, болезнью почек, которая унесла от нас обоих в другой мир.

Почему я это вспомнила? Наверное, потому, что когда к нам приходила журналист и писатель Оля Кучкина, мы говорили о Лёниной болезни, вспоминая при этом болезнь М. А. И этот портрет, как будто списанный с Лёни. Все каким-то странным образом соединялось в нашей жизни, замешанной на мистических знаках. Опять же, мы с Лёней сыграли роли Мастера и Маргариты в спектакле «Мастер и Маргарита». И не этот ли спектакль послужил приговором для Лёни — Мастера, имея в виду мистический контекст нашей жизни. Конечно, глупость все это… Но эта глупость не выходит у меня из головы…

А однажды я, играя спектакль «Мастер и Маргарита», упала сверху с маятника, который каким-то непостижимым образом за что-то зацепился и остался наверху, а я, упав навзничь на пол, на несколько секунд потеряла сознание. Зрительный зал хором — ах! Если бы маятник тут же отцепился, осталась бы я жива — не знаю, но что эти Время-часы меня бы распороли — это точно. После, когда ко мне вернулось сознание, я вскочила на уже опущенный маятник и с особенной яростью выкрикнула монолог, в конце которого послала всех к чертовой матери. Для чего-то меня оставили в живых. Может быть, для Лёни?..

Глава 9 Лёнины предчувствия

По деревенской примете черный ворон — к смерти.

За время нашего последнего счастливого лета 2003 года Лёня пугал меня своими предчувствиями. Перед поездкой на дачу, усадив меня за стол, прочел свое последнее стихотворение «Старик».

Старик

Старику было лет девяносто,
Он медсестрами был нелюбим,
Полюбить его было непросто:
Недотрога. Ворчун. Нелюдим.

Что поделаешь, старость — не радость…
Видно, время ухода пришло…
Но никак ему не умиралось,
Беспокойство какое-то жгло…

Старика занимала забота:
Как бы с пользой из жизни уйти…
Так уйти, чтобы вместо кого-то,
Так уйти, чтоб кого-то спасти…

Он кряхтел и ворочался… Кстати,
Пятый день не слыхать пацана,
Что в соседней лечился палате…
Пятый день за стеной — тишина.

Где ты, Вадик?.. Чего ты молчишь-то?..
И, как будто услышав призыв,
За стеной засмеялся мальчишка…
И старик успокоился: жив!

Он торжественно выпрямил тело
И покой утвердил на челе,
Будто сделал последнее дело,
Что держало его на земле.

Я догадывалась, что это стихотворение он определенным образом связывает с собой. В отчаянии начинаю его бессильно отчитывать. Он

смеется, успокаивает: «Нюсенька, успокойся, ну раз это в голове…» — «Так не держи в голове!..» — продолжаю я беззлобно огрызаться. Долго не могу успокоиться. И жалость, и нежность, и отчаянье.

В это же время он начинает писать пьесу на средневековый сюжет, в которой герой должен был победить смерть. Не дописал — не успел… в этом я тоже усматриваю некий знак.

— Нюсенька, я кажется, исписался…

Существует поверье: когда поэт исчерпывает всего себя, без остатка, Господь Бог забирает его себе. Лёня знал это.

Однажды вечером, когда я, уставшая после работы по саду, вернулась в дом отдохнуть, Лёня просит меня подать ему спички. Я начинаю его урезонивать, говоря что устала, что ему самому полезно больше двигаться, развивать мышцы, а в ответ слышу: «Нюсенька, потерпи, теперь недолго осталось ждать». Понятная моя реакция. Еще один рубец у меня на сердце.

Или: «Нюсенька, а когда меня не будет, что ты будешь делать?»

— А когда не будет меня, что будешь делать ты? — злюсь я.

Через какое-то время:

— Родная моя, тебе будет тяжело без меня.

— Когда меня не станет, ты выйдешь замуж за богатого человека (вроде бы шутливо).

— Лёня, кончай! Что ты меня все время мучаешь?

На кухне смотрю какую-то программу по ТВ. На плите что-то

варится. Вдруг из комнаты появляется Лёнечка, останавливается в дверном проеме, долго смотрит на меня, потом вдруг серьезно просит:

— Нюсенька, обними меня, пожалуйста.

Почему-то защемило сердце.

Подойдя, я крепко обняла его, вложив, кажется, всю себя, без остатка. Несколько секунд стояли, обнявшись, вдыхая и будто насыщаясь друг другом. И как будто было сделано какое-то важное дело. Отгоняю гадкие предчувствия и только крепче прижимаю родненького к груди.

Сентябрь 2003 года… Мы с Лёней все еще живем на даче. Я прошу его на час-два отпустить меня в гости к моей подруге Татьяне Горбуновой, которая живет в 10 минутах от нас. Лёня работает, мама рядом, и он, пусть нелегко, но отпускает с просьбой быстрей возвращаться. Излишнее беспокойство: куда бы я не уезжала, два часа было пределом, тоска гнала меня домой.

У Татьяны пробыла недолго. Посидев немного, обежав и насладившись видом ее чудесного сада, приглашаю подругу к нам в гости, так как начинаю остро чувствовать, что Лёня ждет. Таня соглашается, и мы едем на Николину Гору. Чуть отъехав от дома, стали приближаться к лесу.

И вдруг я вижу, — мое тело от ужаса сразу покрылось мурашками, — как из леса с диким шумом вылетел, пугающий своими размерами, огромный черный ворон.

— Господи, Танька, это очень плохая примета… По деревенской примете черный ворон — к смерти.

Меньше чем через месяц умирает Танина дочь — Карина, а еще через две недели — Лёня.

А когда утром 14 октября я Лёне вызвала «скорую», Галя, наша милая соседка по даче, находясь рядом с Лёниной кроватью, подняла кисоньку Анфису:

— Вот, Анфисонька, заболел твой папочка, пожалей его. — На что Лёня произнес страшную фразу: «Она еще не догадывается, какая беда пришла в дом». Лёнечке оставалось жить 13 дней.

День похорон — 29 октября. Очень холодный день с пронизывающим ветром, а у меня на входной двери квартиры сидела с израненными крылышками бабочка-мотылек. В этот же день летала бабочка на сцене театра «Современник» во время спектакля (из рассказа Сергея Гармаша). Что это? Что за знаки? Может быть, это Лёнина душа облетала любимые места?..

Глава 8 Прощание

Я не допускала мысли, что это может случиться!

Осень. Октябрь.

Когда, где была подхвачена эта последняя болезнь? Лёнечка, родненький, почему я не заметила признака, хоть какого-то? Нам было хорошо, ты был весел…

10 октября 2003 года. Концерт «На троих». Лёня, Володя Качан и Миша Задорнов. Лёня не хочет ехать на концерт, — это обычное его состояние или перед концертом, или перед очередной съемкой.

Лёня читал первым «Ревнивого супруга» — театральную фантазию на тему Джованни Боккаччо. Я сидела в кулисах, в двух шагах от него.

Читал он замечательно, только заметно дрожали пальцы. «От волнения», — подумала я. Прием потрясающий, с букетами роз, гвоздиками от школьников, — три мальчика вышли на сцену. Долгие аплодисменты. Когда Лёня ушел со сцены, я спросила: «Почему у тебя дрожали пальцы? Ты все еще так волнуешься?» — «Мне было холодно, — сказал мимоходом. — Ладно, Нюсенька, поехали домой».

Позднее Лёня Ярмольник говорил, что не нужно было Лёне ездить на концерты, не понимая, что не в деньгах тут было дело. Лёне, как воздух, необходим был зритель, живое общение со зрителем, которого он любил и которого был лишен долгое время. Ответная любовь придавала ему силы и положительный душевный заряд. Хотя и деньги в этом случае играли немаловажную роль: он был счастлив оттого, что даже в таком состоянии может обеспечивать семью. Я, как никто, очень хорошо его понимала. «Нюсенька, я заработал вам денюжку», — радовался он, и мы, счастливые, что все прошло на достойном уровне, возвращались к нашей мамке, Клавдюнечке, чтоб отдать ей букеты цветов и перед сном немного тихо поболтать, не забывая при этом приласкать Анфису Леонидовну. Анфиса — удивительная киска: с некоторых пор она, как собачка, стала встречать и провожать всех, кто приходил в наш дом. И теперь она была первой, наша маленькая, кто нас встретил после концерта 10 октября.

Немного посидев с нами, Клавдия Николаевна ушла спать, а мы с Лёней еще часа два будем на кухне смотреть что-то по телевизору, после чего Лёня, пожелав мне «гуднайтик», уйдет в

спальню, а я останусь всем на утро готовить завтрак.

11 октября

Днем я отправляю Клавдию Николаевну в Москву. Константин Дмитриевич уехал днем раньше. В 18.00 в поселке отключился свет, — кто-то что-то пережег, строя дачу. Дома стало прохладно, но мы тепло оделись. Сидели без света, без телефона и, что самое страшное, без телевизора. Зажгли свечи. Романтики — на полчаса. Как могли, развлекали друг друга. Перед сном обнялись, поцеловались: «Гуднайтик, Нюсенька», «гуднайтик, Лёсенька».

13 октября

Утром, как всегда, завтракаем. Рядом крутится Анфиса. Все, как всегда. Нам хорошо, уютно друг с другом. Быстро поднявшись на второй этаж, радостно сообщает: «Нюсенька, я поднялся на второй этаж и никакой одышки, представляешь?» Я радуюсь вместе с ним. В общем, день обычный, ничего не было такого, что бы меня насторожило. Вечером я ушла смотреть телевизор на второй этаж. Вдруг в дверях появляется озорная Лёськина рожица:

— Нюська, покулим? — Это «покулим» он произносил, подражая своей любимой Оленьке, когда ей было два года. Покурили, минут через двадцать: «Я пошел. Ты когда ко мне придешь?» — «Вот досмотрю… минут через 15». Так у нас было заведено: перед сном обязательная нежность. Через некоторое время спускаюсь к Лёне. Родненький улыбается, протягивает ко мне руки — приглашение на «обняться».

Наобнимавшись, я собираюсь уходить на кухню. «Нюсенька, — окликает он меня, — прежде чем уйдешь, включи, пожалуйста, мне обогреватель». Я в ужасе: «Лёня, ты сошел с ума! В комнате такая жара, а ты еще хочешь включить обогреватель?!» «А меня знобит» — слышу я. Два часа ночи. Быстро достаю и ставлю ему градусник Через три минуты он вынимает — 37,2°. Прошу подержать подольше. «Нюсенька, когда температура высокая, градусник показывает сразу». Настояла на своем. И опять — 37,2°.

Мне стало нехорошо: я знала, что это легочная температура. Быстро набираю номер телефона Наташи Квадратовой, лечащего врача Лёни из Шумаковского центра, которая советует дать бисептол и колдрекс, что и было незамедлительно сделано.

Выпив лекарство, Лёня просит, чтобы я ложилась спать: «Ну, что ты, Нюська, так разволновалась? Ничего страшного, я выпил лекарство, — температура снизится. Уже поздно, я хочу спать, ложись, родненькая».

14 октября

Рано утром ставлю градусник. Температура не снизилась. В панике, которую, наверное, плохо скрываю, вызываю одинцовскую «скорую», которая приехала не очень скоро. А приехав и прослушав Лёнины легкие, убила словами — хрипы в легких. И с этого времени я перестала что-либо соображать, чего не могу простить себе до сих пор. Меня парализовало это известие. Я часто пугала Лёню: «Лёнечка, не дай тебе бог подхватить воспаление легких, не дай бог!» Я боялась только этого, а услышав эти страшные слова, меня охватила паника: что делать? Надо срочно везти в больницу, в Шумаковский центр. Набираю номер и почти кричу в трубку что с Лёней беда… хрипы в легких…

Наверное, до конца моих дней меня будет мучить неотвязный вопрос: почему Лёню с его страшным диагнозом — воспаление легких — отказался взять к себе Шумаковский центр, к которому Лёня был прикреплен пожизненно.

— Нет мест, — был ответ.

— Но ведь всегда есть 2–3 места для «своих».

— А разве Лёнечка не «свой»?

— Ну, может, попроситься на другие этажи?

— Не возьмут: а вдруг это вирус?

Бросаю трубку. Ощущение беспомощности. В отчаянии звоню Лёне Ярмольнику: «Лёнечка, что делать? У нас беда. Хрипы в обоих легких у Лёни. Надо срочно везти в больницу, я не знаю в какую». — «К Шумакову!»

— Там сказали — нет мест, я только что звонила.

Лёня в замешательстве: «Я тоже не знаю. Подожди, я перезвоню через 10 минут».

Через 10 минут звонок:

— Я переговорил с зам. министра здравоохранения, есть место в ЦКБ.

Не хочется быть неблагодарной, но до сих пор меня не покидает ощущение того, что отправка Лёни в ЦКБ была чудовищной моей ошибкой. Куда угодно, но не в ЦКБ, где он лежал не один раз, и хотя бы какая-нибудь от этого была польза. Правда, гайморит ему там все-таки вылечили — слава богу!

Но времени на размышления тогда не было, некогда было раздумывать — туда везти или не туда; только бы скорей начали Лёню лечить. И опять долгое ожидание «скорой». Утром к нам пришла соседка по даче Кошелева Галя, которая много времени спустя меня поправила: «Лёня не сразу плохо себя почувствовал, перед вызовом „скорой“ он чувствовал себя нормально, а трудно дышать он стал позже, через час, наверное».

Я ошалело бегала, собирая вещи, лекарства. Уже потом я не могла вспомнить, как приехала «скорая», как несли Лёню в машину, где находилась я — в машине с Лёней или с водителем, я ничего не могла вспомнить. Не помню и сейчас: паника и ужас напрочь стерли память. Помню только, как, приехав в больницу, мне передали Лёнину дубленку, шапку, сапоги, а услышав, что его хотят поместить в обычную палату, я категорически потребовала положить его в реанимацию. Положили в палату интенсивной терапии, что не есть реанимация. В посмертном эпикризе читаю: настоящее ухудшение с 10.10.03, когда после переохлаждения отметил усиление кашля, повысилась температура до 39 градусов, значительно усилилась одышка. Все — вранье! Ни слова правды. То есть три дня Лёня кашляет, кашель усиливается, а мне вроде бы все равно?! Если бы это было так, то как он, этот кашель, мог враз прекратиться с приездом «скорой»? Не кашлял он и в больнице те два дня, когда еще был в сознании. Зачем врачам ЦКБ нужна была эта неправда? Потом, в больнице, я узнала, что 16-го или 17-го — не помню числа, собрался консилиум врачей, которые голосовали — сохранять почку или нет. Перевысил один голос. Мне отдают все лекарства, обеспечивающие жизнь почке. И в этот день Лёня был приговорен. Почка стала отторгаться. Да, было воспаление легких, а умер он от отека всего организма и мозга.

15 октября

Утром я у Лёнечки. В палате интенсивной терапии трое больных. У него в носу кислородная трубка, которая то и дело выскакивает, я поправляю. «Нюська, какой позор, меня раздели и надели короткую рубаху», — жалуется он. Я понимаю его неудобство: рядом совсем молоденькие медсестры, очевидно, практикантки. Нахожу какие-то слова, которые, как мне кажется, должны были его успокоить. «Я очень хочу курить», — просит он медбрата. Отключили аппарат, повезли по коридору туда, где курят. Курили оба молча. Это была последняя Лёнина сигарета.

16 октября

Родненький (без сознания) с кислородной трубкой уже во рту, глаза закрыты. Во рту куски марли или ваты, которые ему мешали. Он старался от них избавиться, тем более что услышал мой голос. Я наклонилась к нему: «Лёнечка, любимый, так надо, все будет хорошо». Это, наверное, его успокоило. Молоденькая сестричка сказала мне: «Леонид Алексеевич все слышит. А когда смог говорить, даже назвал наши имена». В этот день меня просят съездить за Лёниными анализами. Дали адрес: ул. Гамалея, дом такой-то Б. Бегу к машине, думая, что это нужно срочно, превышаю разумную скорость. Приехала — такого дома вообще не существует. Спрашиваю у прохожих, где можно получить результаты анализов, если не в поликлинике. Кто-то называет строение с окошечком на улицу. Нахожу это место, спрашиваю. Там действительно сдают анализы, но это мне не нужно.

Опять поиски несуществующего дома. Прочесала, по-моему, всю улицу. «Попробуйте пройти через тот двор, в конце которого будет стоять желтое здание. Может быть, вам там повезет?» — подсказал кто-то. Нашла желтое здание. Вошла в подъезд. Там стояло несколько человек, к которым я обратилась с моим вопросом. «Не знаем», — пожали те плечами. И вдруг проходившая мимо женщина приглашает меня следовать за ней. Кажется, она знает, где это. Лифт. Нажимается нужная кнопка. На этаже показывается нужная дверь. Вхожу в кабинет и — неужели? — анализы Л. Филатова есть, и я могу мчать обратно в ЦКБ. Когда приехала, оказалось, что «можно было и не спешить, это уж не так было и срочно»: анализы были продиктованы по телефону. А я с высунутым языком… Последующие дни я пребывала в паническом состоянии. Лёня Ярмольник смог достать какое-то редкое лекарство, действие которого должно было распространяться на все вирусы, так как врачи не могли распознать, какой именно вирус развивает болезнь. Потом мне позвонили из больницы (утром), сказали, что Лёня дал согласие на операцию, благодаря которой кислородная трубка должна была напрямую насыщать кислородом легкие. Когда это было? Какого числа? 18-го? 19-го? По телевизору каждый день передавали информацию-бюллетень о Лёнином здоровье. Лёня Ярмольник открыл счет, куда люди могли переводить деньги Лёне на лекарства, на содержание в больнице, а потом уже и на похороны. «Нина, не думай о деньгах. Похороны я возьму на себя», — сказал мне потом Лёня.

Сейчас, когда мне случается проезжать мимо дорожки со входом в ЦКБ, мне становится не по себе, я вспоминаю

каждодневные встречи с Лёнечкой по 6–7 часов. Лёнечка с закрытыми глазами. Любимое, родное лицо, которое всего несколько дней назад нам всем улыбалось, а теперь такое беспомощное. Я безостановочно глажу его руки и беспрестанно говорю, говорю, говорю. Мысленно целую глаза, лоб, щеки, губы, — прикоснуться не решаюсь: не разрешено. Украдкой целую под простыней руку в надежде, что родненький почувствует и как-нибудь обнаружит, что слышит меня. Оглядываюсь — никого, только по обе стороны от Лёнечки еще двое таких же несчастных, и такое чувство, что никому они не нужны, никого нет рядом, не суетятся обеспокоенные врачи. Никого. Жутковатая палата с тусклым светом. Гнетущая атмосфера. Чувствую легкий сквозняк, защипало в носу. Как можно?! Зову врача, который отмахивается: «Никаких сквозняков у нас нет». А сквозняк каждый раз, как открываются двери. И Лёня под легкой простынкой между открытой фрамугой и дверью. Я чувствую холодный октябрьский воздух. Хочется выть, кричать, схватить его в охапку и бежать, бежать — не знаю куда, но отсюда подальше. С ужасом думаю, как же он останется тут один без меня? Я должна уходить. Остаться на ночь не разрешают, спасибо, что разрешили весь день находиться возле. За стеклянной перегородкой сидит, кажется, безучастная врач, что-то там листает, ни разу не подошла к Лёне, только какая-то сестра буднично заменяет какие-то склянки с лекарствами над Лёниной головой. Невероятно: за стенами этой больницы живут люди, которые волнуются, переживают за здоровье моего родного человека, а здесь меня не оставляет ощущение бездушия, безразличия. От слез слипаются глаза. Бегу на 10 минут в курительную комнату, что находится на другом этаже. Сердце вот-вот лопнет от рыданий, выбивающих мозги. Страх, отчаяние, ужас. Две сестрички, обсуждая свои проблемы, хохочут. У кого-то жизнь продолжается. Хохот режет ухо, оскорбляет. Бегу назад к любимому. Опять беру руку, глажу и опять говорю, не умолкая, одно и то же: «Родной мой, любимый, счастье мое, все будет хорошо, я с тобою, я с тобою». И вдруг Лёнечка наконец-то меня услышал!

Слабо сжал мою руку, и на лице появилось выражение непередаваемого страдания, страшного понимания. А я услышала в этом его крик о помощи: «Нюсенька, я умираю, спаси меня!..» А может быть, еще что-то, о чем никто никогда не узнает. В чуть приоткрытых глазах стояли слезы. Я бросилась к его лицу, обняла родную голову и в безумном состоянии стала целовать — мне уже было плевать на кого бы то ни было, — лепеча о чем-то главном, прося, умоляя, желая оказаться вместо него на его месте: «Только живи, Лёнечка, только живи! Я без тебя умру…»

Это продолжалось несколько секунд, после чего он в последующие дни уже ни разу не приходил в сознание.

В следующий мой приход я обнаружила, что Лёнина левая рука стала походить на надутую резиновую перчатку В ужасе зову врачей, у Лёнечки начался отек, почка стала отторгаться. Приехала коляска с УЗИ, повозили по руке аппаратом. «Проток от шеи к руке — нормальный», — равнодушно сказали и равнодушно укатили. На другой день и другая Лёнина рука потеряла свое прекрасное очертание. Позднее Лёня Ярмольник сказал мне, что за три дня он знал, что это — конец. А я все ждала, ждала чуда, которое непременно должно было случиться.

Говорили, что в церкви на Таганке люди становились в очередь, чтобы поставить свечи за здравие Лёни, мест для которых не хватало.

24 октября по дороге в ЦКБ у моей машины отвалилось боковое зеркало — к несчастью. Все эти дни я находилась, по-моему, на грани безумия. Я вдруг сдалась, перестав быть собою, чего до сих пор не могу себе простить. Услышав 13 октября заключение «скорой» о хрипах в легких, из меня вдруг ушла та энергия, которая помогала мне бороться за жизнь Лёни тогда, перед операцией в Шумаковском центре.

26 октября

Ранним утром я вдруг ощутила ужасную тревогу и дикий страх перед звонком в больницу. Телефон, как живая змея. Я смотрела на него, преступно оттягивая время на известный набор страшных цифр. Спасибо — рядом моя подруга Лена,[86] которая в этот и последующий мой тяжелый период вместе с Альфирой Терещенко[87] в буквальном смысле меня спасали. Лена что-то говорит, я, очевидно, что-то отвечаю, ничего не понимая, понимаю лишь одно: надо звонить и звонить срочно. Так, наверное, чувствуют себя приговоренные к расстрелу Мысленно прошу Лёнечку: «Потерпи, родненький, я сейчас приеду, подожди, вот только позвоню…» Что со мной, Господи? Возьми же, наконец, трубку, звони! Минут пять — вечность! — дико гляжу на телефон. Мне страшно. Телефон превратился в маленькое опасное чудовище. Все! Поднимаю трубку, набираю номер, дыхание остановилось. На том конце провода сняли трубку.

— Я жена Леонида Филатова. Скажите, как…

Не дали договорить и холодным металлическим голосом:

— Скорей приезжайте. Вы можете опоздать… умирает.

Прошло два с лишним года, а мне до сих пор слышится этот

голос с последним мертвым словом. А я не допускала мысли, что это может случиться. Во мне жили только страх, ужас и, несмотря ни на что — Надежда. Дорога в ЦКБ превратилась в адскую гонку. Чуть отъехали от дома — протяжно завыла собака. Рыдания, какие-то звериные звуки не давали дышать, слезы стирали дорогу и опять, как после того судьбоносного сна, который навсегда связал меня с

Лёней, — успеть! Дома, деревья — все вокруг смешалось в общую кашу Я плохо соображала. Не дай Бог, не успею. Нет, успею!.. Я успею! На шоссе — пробка, но я на большой скорости летела вперед, почти ничего не видя перед собой, обгоняя машины, то справа, съезжая на обочину, то слева. Лена вжалась в сиденье и позднее рассказала мне, как ей было страшно, что «уже мысленно прощалась с жизнью». Въехали на территорию больницы. Раздевалка-бахилы-рыдания. Я летела, как сумасшедшая. Вбегаю в палату. Почему у меня не разорвалось сердце? Лёнечка лежал, с головой закрытый простыней. Откидывают простыню, и вижу мое самое дорогое лицо на свете бордового цвета, почти круглым от отека. Лёня умер от отека легких и отека головного мозга. Я просунула руку под его голову, она доверчиво уткнулась мне в плечо. Потом я прижалась щекой к его еще теплой щеке и… Остальное не поддается описанию. Мне не хотелось жить.

Потом были похороны с военными почестями и караулом. За время болезни Лёня Ярмольник открыл банковский счет и все заботы о похоронах взял на себя. «Ни о чем не думай, я все сделаю сам», — сказал он мне. Жаль только, что он не позволил снимать похороны на кладбище. Прости, Лёня, если в чем-то твои и мои желания не совпали. Я в жизни делала и все еще делаю много ошибок, но по отношению к моему Лёне я все делала, по-моему, правильно, — за исключением отправки его в ЦКБ.

Как бы то ни было, я всегда буду тебе и Яну Геннадиевичу благодарна за все, что вы сделали для Лёни, а значит, — для меня.

Послесловие

Осень 2005 года. Хожу по нашему саду на Николиной. Вот по этой дорожке, ты, Лёнечка, быстро ходил, радуя и веселя нас с мамой, корча разные смешные рожицы. Вот за этим столиком в окружении трех берез мы пили чай или кофе, разговаривая обо всем, что нас волновало, строя планы на будущее…

Сейчас я сижу за этим столом одна. Посаженный рядом, специально для тебя, розовый куст этим летом подарил мне только одну, но прекрасную, алую розу. Я постоянно с тобой разговариваю и очень много — за тебя и за себя — курю.

Смотрю на дорожку, и мое воображение отчетливо рождает твою фигуру Ты идешь очень быстро молодой, красивый, — тебе лет 35, ты улыбаешься, подходишь совсем близко, садишься напротив, и начинаю плакать. Тебе кажется это странным, на лице появляется извиняющееся выражение. Смотришь вопросительно-ласково, и я слышу родной голос: «Нюсенька, покулим?» Закрываю лицо руками, чтобы заглушить рыдания, и крик в никуда: «Я люблю тебя, Лёнечка! Мне очень без тебя плохо…»

Но ты не слышишь меня, ты быстро уходишь, не оглядываясь. Обернулся только у калитки, обозначив «салочку». На лице — безжалостно-озорная улыбка. И вот я уже не вижу тебя, только мои уши улавливают где-то высоко в небе жалобные звуки…

Кто в этот день еще не покинул Николину Гору, тому посчастливилось видеть на небе стан журавлей. Жалобно и призывно курлыча, они прощались с нами, а мне казалось — со мной.

И летел, как будто отставший от своих, один журавлик.

23 сентября. Пятница. 2 часа 15 минут. Два-три дня дивных, теплых, почти жарких.

Как магнитом, меня притягивал к себе этот журавлик. Он догонял основную стаю. И догнал. И был в центре. Кто ты, родненький?.. А вдруг…

Заключение

Вскоре после кончины Лёни я решила установить на его могиле памятник. Первый проект предложил гениальный Д. Боровский, сбор средств брал на себя Л. Ярмольник. Однако от этого проекта я отказалась после того, как в Московской патриархии мне сказали, что лежащий на земле крест не в традициях православия, к тому же у этого креста по проекту отсутствовали две малые перекладины, что превращало его в католический. Плохо было и то, что лежащий крест и ограда должны были быть не более 40 см высотой, т. е. зимой они оказались бы полностью засыпаны снегом. Многие

друзья Лёни, а главное его мама, были категорически против этого проекта — они хотели, чтобы памятник представлял собой скульптурное изображение Лёни. Это было и моим желанием.

А отказавшись от первоначального проекта памятника, я вынуждена была обратиться к людям за помощью, и сейчас я низко кланяюсь всем, кто счел возможным перечислить деньги на банковский счет, открытый Гильдией киноактеров. Сердечное спасибо Борису Галкину, товарищу Лени, который возглавляет Гильдию и который сразу пришел мне на помощь.

И моя глубокая благодарность Максиму Малашенко — замечательному скульптору, автору памятника (кстати, именно Д. Боровский выдвинул его работу — скульптуру поэта Максимилиана Волошина на премию «Триумф», которую он получил в 2001 году).

Огромное спасибо людям, от которых я лично получила деньги на памятник:

В. Матвийко,
А. Козицыну,
И. Гонцову,
С. и И. Безруковым,
М. Задорнову О. Митяеву,
М. Горбачеву,
И. Лесневской,
В. Ильину,
Е. Дураевой,
В. Китову,
О. Обметко,
В. Качану,
Т. Горбуновой.

Отдельное спасибо женщине (к сожалению, забыла ее имя-отчество), которая, находясь в доме престарелых, прислала на памятник 100 рублей из своей крохотной пенсии, — это дорогого стоит.

Еще раз низко кланяюсь всем вам и благодарю за добрую память о Лёне. Спасибо.

notes

Примечания

1

Мойсюк Ян Геннадиевич — хирург, сделавший Лене операцию по пересадке донорской почки.

2

Шумский Евгений в то время актер Театра на Таганке.

3

Грачева Галина — сокурсница Филатовой по ГИТИСу.

4

Расми Халидович Джабраилов — артист Театра на Таганке. Прозвище среди коллег — Рамзее.

5

Марина Влади — французская киноактриса, ставшая впоследствии женой В. Высоцкого.

6

Таисия Додиина — актриса Театра на Таганке.

7

Изольда Фролова — актриса Театра на Таганке.

8

Мария Полицеймако — актриса Театра на Таганке.

9

Друзья М. Полицеймако.

10

«Мать» — спектакль Театра на Таганке.

11

В. Золотухин.

12

«10 дней, которые потрясли мир» — спектакль Театра на Таганке.

13

Мадам К. — Кабельникова — киноактриса (фамилия изменена).

14

Таисия Додина — актриса Театра на Таганке.

15

Руза — имеется в виду актерский дом отдыха.

16

Стрельникова — профессор медицины, автор уникальной методики восстановления голосовых связок

17

Наталья Николаевна Гончарова.

18

Юрий Петрович Любимов — главный режиссер Театра на Таганке.

19

«Час пик» — спектакль Театра на Таганке.

20

«Кама» — ресторан рядом с Театром на Таганке.

21

Имеется в виду спектакль «Товарищ, верь!»

22

Татьяна Лукьянова — актриса Театра на Таганке.

23

Галина Орлова — знакомая Филатовой.

Имеется в виду больница им. Цеткин.

25

Любимый — Лёня.

26

Алексей Грабе — актер Театра на Таганке.

27

Борис Галкин — в то время актер Театра на Таганке.

28

Антохин В. М. — врач, лечивший Филатову.

29

Елена Виноградова.

30

Юрий Смирнов — актер Театра на Таганке.

31

Татьяна Иваненко — актриса Театра на Таганке.

32

«А зори здесь тихие» — спектакль Театра на Таганке.

33

Вера Гладких — заведущая реквизиторным цехом Театра на Таганке.

Алла Демидова — актриса Театра на Таганке.

35

Татьяна Горбунова — подруга Филатовой.

36

Имеются в виду частушки из спектакля Театра на Таганке «Живой».

37

Спектакль «Бенефис» по пьесам А. Островского.

38

Николай Бурляев — актер и режиссер кино.

39

«Послушайте!» — спектакль Театра на Таганке по произведениям В. Маяковского.

Татьяна Жукова — актриса Театра на Таганке.

41

Зоя Пыльнова — актриса Театра на Таганке.

42

Олег Колокольников — актер Театра на Таганке.

43

«Бедная Лиза» — спектакль по повести Н. Карамзина.

Мила Возиян — актриса Театра на Таганке.

45

Борис Хмельницкий — актер Театра на Таганке.

Имеется в виду бар в актерском доме отдыха.

Виктор Семенов — актер Театра на Таганке.

48

«Деревянные кони» — спектакль Театра на Таганке по повести Федора Абрамова.

49

«Моя прекрасная леди» — американский мюзикл, гастролировавший в то время в Москве.

50

«Жизнь Галилея» — спектакль Театра на Таганке по пьесе Б. Брехта.

51

Галина Альферавичуте — гример Театра на Таганке.

Иван Бортник — актер Театра на Таганке.

Феликс Антипов — актер Театра на Таганке.

Татьяна Федосеева.

55

М. Ошеровский — в то время главный режиссер Одесского театра оперетты и муж подруги Филатовой — Галины Грачевой.

Имеется в виду Лена Виноградова.

Ирина Кузнецова — актриса Театра на Таганке.

Имеется в виду Мария Полицеймако.

59

В письмах и телеграммах для конспирации Леня Шацкую Нину Сергеевну переделывает в Шарыгину Нелли Семеновну, подписывается Артур.

Виктор Шуляковский — актер Театра на Таганке.

61

Людмила Терещенко — знакомая массажистка Филатовой.

62

Имеется в виду моноспектакль И. Кузнецовой по произведениям Ф. Вийона.

Игорь Антимоний — товарищ Л. Филатова.

64

Имеется в виду Ирина Кузнецова — актриса Театра на Таганке.

65

Имеется в виду Груднева Татьяна — актриса Театра на Таганке.

«Мастер и Маргарита» — спектакль Театра на Таганке.

67

«А зори здесь тихие» — спектакль Театра на Таганке по повести Б. Васильева.

Имеется в виду Борис Хмельницкий.

69

Александр Стернин — друг и сосед Л. Филатова. В то время — фотограф Театра на Таганке.

Имеется в виду спектакль Театра на Таганке «Борис Годунов» по пьесе А. С. Пушкина.

71

Николай Губенко — художественный руководитель театра «Содружество актеров Таганки».

Управление культуры.

73

Елена Габец — актриса Театра на Таганке, председатель трудового коллектива.

74

Никита Прозоровский — актер Театра на Таганке, председатель профсоюзного комитета.

Жанна Болотова — киноактриса, жена Н. Губенко.

Екатерина Дураева — в то время юрист театра «Содружество актеров Таганки», друг семьи Филатовых.

77

Сергей Бельченко — сосед по дому, где жили Филатовы.

Имеется в виду Екатерина Дураева.

79

Мира — подруга, долгое время помогала семье Филатовых.

80

Николай Лукьянович Дупак много лет проработал директором Театра на Таганке.

81

Олег Митяев — поэт и бард, в последние годы много общался с Л. Филатовым.

82

Владимир и Ольга Китовы — друзья семьи Филатовых.

83

Ольга Кучкина — журналист и писательница.

84

Валерия Горбачева — приятельница семьи Филатовых.

85

Михаил Задорнов — писатель, друг Л. Филатова.

Имеется в виду Елена Виноградова.

87

Альфира Терещенко — хорошая знакомая, помогавшая семье Филатовых по хозяйству.